ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 47-й

№ 18 (4616)

4 мая 1977 г. СРЕДА

5 МАЯ — ДЕНЬ ПЕЧАТИ

СССР: ЧИТАЮЩИЙ НАРОД

В поезде строителей БАМа и далеком горном ауле, в вагоне столичного метро и на полевом стане — везде советскому человеку сопутствуют книги и газеты. Хлеб духовный так же необходим и молодым, и старым, как хлеб насущный.

Нет у нас такой семьи, которая не выписывала бы одну или несколько газет и журналов. За девятую пятилетку в нашей стране выпущено 28 111 названий книг художественной и детской литературы. Тираж этих изданий — свыше 3 миллиардов экземпляров. А спрос на книги все растет и растет...

От страны полуграмотной и безграмотной — к стране, в которой живет самый читающий народ в мире, — таков итог, сделанный нашей Родиной за 60 лет, прошедших после Великой Октябрьской социалистической революции

Фото А. ХРУПОВА и В. БОГДАНОВА

СЕМИДЕСЯТЫЕ: НОВОЕ В ЖИЗНИ — НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

«В критике всегда будет бесплоден спор, как надо и как не надо писать в наше время. Литература, пока она жива, пишет полезно так, как необходимо писать сегодня, — во имя прошлого, настоящего и будущего», — утверждает И. Стрелкова, продолжая разговор, начатый статьями А. Дубровина и В. Лиатова («ЛГ», №№ 2 и 5, 1977 г.).

стр. 4

МИР — НАДЕЖДА ПЛАНЕТЫ

НАВСТРЕЧУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ФОРУМУ ПИСАТЕЛЕЙ В СОФИИ

В сегодняшнем номере газеты мы публикуем выступления советского писателя Н. Федоренко и португальского литератора Э. Мэлу э Каштру.

стр. 2

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

В секретариате правления Союза писателей СССР состоялась встреча с заведующей Отделом культуры ЦК СЕПГ Урсулой Ргавитц, находившейся в Москве в соответствии с планом межпартийных связей.

В беседе приняли участие первый секретарь правления Г. М. Марков, секретари правления Ю. Н. Верченко, В. М. Озеров, А. Б. Чаковский. Они рассказали о работе Союза писателей СССР по выполнению решений XXV съезда КПСС, о подготовке к празднованию 60-летия Великого Октября, о современном литературном процессе.

В беседе приняли участие заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро.

На встрече присутствовал советник посольства ГДР в СССР Г. Кербель.

Сергей САРТАКОВ

СЛОВО, ЗОВУЩЕЕ ВПЕРЕД

В ЭТИ ДНИ, когда все прогрессивное человечество готовится отметить шестидесятилетний юбилей нашей Родины, мы снова и снова обращаемся к хранящим драгоценные свидетельства истории страницам прошлого. С волнением перелистываем старые подшивки газет, пристально разглядываем подернутые дымкой времени снимки. И среди многих особо дорогих нашему сердцу фотографий сегодня я вспоминаю одну: Владимир Ильич Ленин в кабинете в Кремле читает газету «Правда»...

В ходе работы над своими историко-революционными романами мне пришлось изучить множество архивных документов, воспоминаний, прочесть груды книг, относящихся к периоду возникновения и становления нашей марксистской, ленинской партии в России. Глядя на эту фотографию, я думаю о том, как тысячи борцов, беззаветно преданных делу революции, в те давние мрачные годы шли в ссылку, осуждались на долгие сроки тяжких лишений за то, что хранили, распространяли, печатали в нелегальных типографиях ленинскую «Искру», большевистские воззвания и прокламации, гибли в царских тюрьмах и на каторге за печатное слово правды. Слово, которое наполняло сердца простых людей предвестием близкого освобождения от гнета самодержавия.

И разве не знаменательно, что вслед за первыми, жизненно необходимыми и отвечающими самой сущности только что родившегося пролетарского государства историческими декретами о мире и земле, на третий день после свершения Великой Октябрьской социалистической революции принимается еще один документ — Декрет о печати. Поставить прессу на службу трудовому народу В. И. Ленин считал задачей первостепенной важности.

С тех пор необычайно действенной силой, вдохновенной газетной, журнальной и книжной строкой советская печать несет слово партии Ленина в массы, шлемного зовет на трудовые подвиги и в годы военных испытаний — к самоотверженной защите Отечества, со всей непоколебимостью коммунистической убежденности помогает воспитывать нового человека — строителя коммунизма. Печатное слово убедительно рассказывает миллионам людей планеты о достижениях Страны Советов, о торжестве социалистической демократии, о преимуществах советского образа жизни, ее высоких нравственных устоях.

Под руководством Политбюро, Центрального Комитета КПСС работники советской печати, радио, телевидения, информационных агентств, отметил Леонид Ильич Брежнев на вручении ему по поручению Союза журналистов СССР ленинского билета, проводят большую работу по пропаганде внутренней и внешней политики Коммунистической партии Советского Союза, по мобилизации политической и трудовой активности советских людей на решение задач, поставленных XXV съездом КПСС.

Каждый вышедший номер газеты или журнала незаурядной страницей пробивается к замечательной летописи нашей героической современности. В СССР, самой читающей стране мира, издается сейчас свыше 8 тысяч газет и более 6 тысяч журналов!

И почти в любом номере газеты или журнала непременно встретишь имя писателя, который рассказом, очерком или статьей, стихами или страстной публицистикой откликается на то или иное взволновавшее его явление или событие.

Слово писателя помогало партии Ленина поднимать массы на борьбу с белогвардейцами и интервентами в гражданскую войну, активно участвовало в социалистическом переустройстве страны в годы ее индустриализации и коллективизации, солдатом сражалось в Великую Отечественную... И ныне писательское слово во всеоружии борьбы за мир, за претворение в жизнь планов, предначертанных XXV съездом КПСС.

Еще в конце 20-х годов было положено начало прекрасной традиции — поездкам писательских бригад на ударные стройки. По горячим следам событий сдавали в печать свои корреспонденции многие известные мастера слова. Эти материалы в ряде случаев затем легли в основу книг, состоявшихся и сейчас гордость и славу советской литературы. Ныне эта традиция ширится, растет, укрепляется, обретая все новые и новые формы. Писатели стремятся как можно теснее сблизиться с жизнью, их встретишь в цехе завода и на полевом стане, в лаборатории ученого и на палубе корабля дальнего плавания. И это не погоня за экзотикой или деловитое собирание фактов, хотя и то, и другое в нашей работе немаловажно, это та животворная связь литературы с задачами текущего дня, та органическая потребность, которая питает талант писателя, придает ему силу, как придавала Антею силы земля.

Каждая поездка в творческую командировку, каждая встреча с читателями — возможными героями будущих книг — не только обогащает желанным материалом, но и помогает по-новому осмыслить увиденное или услышанное, вдруг сверкнувшее по-особому яркими гранями. В этих взаимообогащающих контактах открыты широчайшие возможности для последующих выступлений в самом оперативном, самом злободневном и очень нужном читателю жанре — публицистике.

Советские литераторы, верные горьковским заветам, используя все лучшее из опыта отечественной публицистики, на страницах периодической печати активно участвуют в обсуждении важнейших народнохозяйственных, общественно-политических, нравственных, эстетических и других проблем. Ни одно сколько-нибудь заметное явление в жизни нашей страны или зарубежного мира не оставляет равнодушным советского писателя. И все-таки острой, полнокровной публицистики у нас еще маловато.

...Только что отгремели салюты в честь Первого Мая. Улицы снова одеваются в «кумач знамен — ясной зарей встает над небом Родины День Победы. И та основополагающая формула нашей жизни, которую так емко и образно выразил трибун революции Владимир Маяковский: «Вечно сиял над республикой нашей, Труд, Мир, Май!» — с каждым днем полнится новым конкретным содержанием.

60-летие Великого Октября, — знаменательное событие, и к этому радостному празднику обращено вдохновенное публицистическое слово — горячий писательский отклик.

...Пройдет несколько десятилетий. И я представляю, как наши дети и внуки, так же как мы сейчас, с волнением и трепетом станут перелистывать пожелтевшие страницы журналов и газет. Какими в их представлении окажемся мы, люди семидесятых годов? Мы в чем-то завидуем своим предшественникам. Наверное, и внуки наши будут чуть чуть завидовать нам, продолжать наше дело не хуже нас.

Запомним же прекрасный день Родины — день ее шестидесятилетия — как день непреходящей молодости!

ПРАЗДНИКУ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЗА СТРОКОЙ КНИГИ

О своих новых произведениях рассказывают писатели Илья Вергасов и Сергей Крутилин. Новое издание трилогии Константина Симонова «Живые и мертвые».

ПАМЯТЬ НАРОДА — ПАМЯТЬ ПИСАТЕЛЯ

Заметки Алеся Адамовича

«ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА»

Генерал-майор в отставке Д. И. Ортенберг вспоминает о встречах с А. Твардовским, вс. Вишневским и Л. Славиным.

стр. 3, 4, 6

АНКЕТА «ЛГ»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ — 9 МАЯ 1945 ГОДА

АВТОПОРТРЕТ РОВЕСНИКА ПОБЕДЫ

Материал подготовили наши специальные корреспонденты Л. ВЕЛИКАНОВОЙ и С. ЛУКИЦКИМ

ВЕСНОЮ сорок четвертого года Иван С. был ранен, а после госпиталя приехал в родную деревню на побывку. Дома отдохнул немного, поправил хату, обласкал жену и снова отправился на фронт. Был в сорок пятом в Будапеште, освобождал Вену. Девятого мая вместе со всеми кричал «ура» и стрелял в воздух из своей винтовки. Салютовал Победе. И одновременно, еще не зная того, — появлению на свет нового человека, своего сына Виктора — так назвали малыша — родился в тот счастливейший из счастливых весенний день, когда на земле воцарился мир. — 9 мая 1945 г.

Это была первая информация, которую принесли анкеты, заполненные по просьбе редакции россиянами Победы. Оказалось, что чуть ли не каждого четвертого из них зовут Викторами. Викториями, а то — так — Победитель или Победа.

«Я родился 9 мая 1945 года в Пензенской области. Назвали меня Победителем. Так зовут меня иногда и сейчас, хотя когда пришла похоронка на моего дядю (брата моего отца) погибшего на войне, меня в честь его записали в документах Алексеем».

стр. 10

«ВОПРОСАМ ЛИТЕРАТУРЫ» — 20 ЛЕТ

В апреле 1957 года вышел в свет первый номер журнала «Вопросы литературы».

Отмечая юбилейный вечер в ЦДЛ имени А. А. Фадеева, главный редактор «Вопросов литературы» В. Озеров рассказал о пути, пройденном журналом за двадцать лет, о задачах, стоящих перед ним в преддверии 60-летия Великого Октября. На страницах этого теоретического органа выступают ведущие литературные критики страны, уделяется постоянное внимание вопросам писательской практики — здесь первое слово за прозаиками, поэтами, драматургами.

В выступлениях С. Сартакова, С. Михалкова, С. Наровчатова, А. Салынского, А. Сахарова, Ю. Грибова, Н. Лесючевского, Е. Книповича, Л. Лавлинского, Е. Сидорова, М. Поляковой, Г. Бакланова, К. Ваншенкина, В. Рецептера подчеркивалась масштабность деятельности журнала, анализирующего и осмысляющего современный литературный процесс, литературу разных эпох, разных народов. Наиболее важным проблемам современной литературы, литературы советской литературы посвящаются теоретические исследования, «круглые столы», дискуссии, обзоры. В специальных номерах журнала рассказывается о литературе социалистических стран. Двадцатая книжка «Вопросов литературы» за прошлый год полностью посвящена полезному международной писательской конференции в Софии — значимость этой работы подчеркивалась выступавшими.

На вечере присутствовали зав. сектором Отдела культуры ЦК КПСС К. Долгая и зав. сектором Отдела пропаганды ЦК КПСС Н. Биккенин.

ВЫДАЮЩИЕСЯ БОРЦЫ ЗА МИР

Комитет по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» назвал имена новых лауреатов Ленинской премии — выдающихся борцов за мир на земле. Ими стали: **Янош КАДАР** — Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии; **А. Агостиньо НЕТО** — председатель Народного движения за освобождение Анголы, президент Народной Республики Ангола; **Самора М. МАШЕЛ** — председатель партии Фронт освобождения Мозамбика, президент Народной Республики Мозамбик; **Ортенсия Бусси де АЛЬЕНДЕ** — общественная деятельница Чили, почетный вице-президент Международной демократической федерации женщин; **Шон МАКБРАЙД** — общественный и политический деятель (Ирландия); **Пьер ПУЙЯД** — общественный деятель (Франция); **Яннис РИЦОС** — поэт, общественный деятель (Греция).

Яннис РИЦОС:

«У МЕНЯ СЕГОДНЯ ВЕЛИКАЯ РАДОСТЬ»

В связи с присуждением премии Рицоса международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» выражения греческий поэт сказал:

— У меня сегодня великая радость, и я не стыжусь своих слез, переживая одни из счастливейших моментов в моей жизни. И это потому, что премия, которой я отмечен, носит имя человека, внесшего величайший вклад в историю всего человечества, — имя великого Ленина! Я сознаю, что теперь на меня, поэта, ложится еще более высокая ответственность.

Прошу передать мою самую искреннюю благодарность и признательность за оказанную мне честь. Особую гордость я испытываю от того, что мое творчество и моя общественная деятельность получили столь высокую оценку в Советском Союзе. Каждый успех вашей страны, каждое ее новое достижение — это новая победа сил мира и прогресса.

УВАЖАТЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Интервью нашего специального корреспондента с представителем СССР в Комиссии ООН по правам человека послом В. А. Зорйным

стр. 9, 14

ИХ СВОБОДА

Рисунок американского художника Сонда ТОУЛЕРА из газеты «Вашингтон пост»

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

На состоявшемся на днях заседании секретариата с сообщением об итогах XIV встречи руководителей союзов писателей социалистических стран в Будапеште выступил руководитель советской делегации Г. Марков. Секретариат одобрил деятельность делегации.

О тематическом плане выпуска литературы и плане редакционно-подготовительной работы издательства «Советский писатель» на 1978 год сделал сообщение председатель правления издательства Н. Лесючевский. Тематический план выпуска литературы и план редакционно-подготовительной работы «Советского писателя» на 1978 год утверждены.

Отчет о заседании секретариата будет опубликован в следующем номере «ЛГ».

ЗВУЧАТ ЛИТОВСКИЕ СТИХИ...

Писателей Литвы связывает дружба с тружениками Черемушкинского района Москвы. Вот и на этот раз поэты прибалтийской республики, приехав в столицу, побывали в районе — выступили на Московском заводе по обработке специальных сплавов. Гости посетили также музей-усадьбу Л. Н. Толстого в Хамовниках, ездили в Мураново, где расположен музей Е. Баратынского и Ф. Тютчева.

«Мы читаем страницы литовских поэтических книг, как страницы эмоциональной летописи Литвы, — сказал Л. Озеров, открывая вечер литовской поэзии в ЦДЛ имени А. А. Фадеева, посвященный 60-летию Великого Октября.

Возвышенная и земная, лирическая и наполненная гражданским пафосом поэзия северного края предстала в выступлениях Ю. Марцинкявичюса и В. Реймериса, А. Балтушиса и Ю. Вайчюлайтис, А. Микутиса и Ю. Мацявичюса. С переводами литовских стихов, со своими произведениями, посвященными Литве, выступили Р. Казакова, Ю. Левитанский, Л. Петров, Дм. Сухарев, Л. Шорошевский, Г. Ефремов.

А. АСМАНОВ

МИР — НАДЕЖДА ПЛАНЕТЫ

НАВСТРЕЧУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ФОРУМУ ПИСАТЕЛЕЙ В СОФИИ

ДРЕВНЯЯ София украшена теперь новым символом: изображением голубя мира и страницы книги с очертаниями нашей планеты. Прославленная кистью Пабло Пикассо голубка мира на крыльях своих несет людям земли раскрытую книгу гуманизма, взаимообмена и сотрудничества народов. Такова эмблема, созданная болгарским художником Стефаном Кынчевым для международной встречи литераторов, которая состоится в июне в болгарской столице под девизом «Писатель и мир: дух Хельсинки и долг мастеров культуры».

В погожие дни весеннего обновления природы, благодатную пору посевов и надежд на щедрые всходы на земле Болгарии царит всеобщая страда. Стремителен ход трудовых будней, могут порыв человеческих деяний. Жизнеутверждающим пафосом социалистической новизны наполнена жизнь болгарских тружеников.

Напряженно работают и болгарские литераторы, которым принадлежит идея международной встречи писателей. Они развернули энергичную подготовку к ней. Вся творческая и организационная деятельность в связи с софийским форумом выражается афоризмом: «Мир — надежда планеты».

Знаменательно, что софийская встреча будет проходить в год 60-летия Великого Октября, юбилея ленинского Декрета о мире, возвестившего начало нового отсчета истории. Мирное сосуществование — вот сформулированный Лениным единственно разумный путь жизни на земле, где существуют государства не просто с разными, но и с противоположными общественными системами.

Инициативу болгарских писателей, единодушно поддержанную литераторами всех социалистических стран, а также мастерами слова из иных государств, невозможно переоценить — особенно в свете процессов, происходящих в духовной жизни современного мира, в условиях острой конфронтации поборников разрядки международной напряженности и вдохновителей безрассудной гонки ядерных вооружений. В этой борьбе никто не может прятать голову в песок. Проблемы эти взывают к совести всех людей, к ним причастен каждый. Отсюда и решительное неприятие всякого рода проповедей, которые ведут лишь к тому, чтобы над миром разразился ядерный гром.

Идеологи антикоммунизма не устают извращать нашу политику мира и международной безопасности. По их утверждению, мирные инициативы — явление кажущееся, преходящее. Они не могут вымести из своего сознания годами накапливавшиеся предубеждения, освободиться от бремени холодной войны». В всякий раз, когда военный бюджет стран Запада находится на пути к высшим финансовым инстанциям, басни о «грозящей советской мощи растут, как бамбук после весеннего дождя». Противники мирного сосуществования и международной разрядки всегда держат топор за спиной, хотя у них явное недержание на лицемерные речи. Однако нас не должна убаюкивать чья бы то ни было риторика. Особенно фарисейские проповеди тех американских сенаторов и конгрессменов, — безразлично: демократов или республиканцев, — которые обладают даром предсказывать погоду вчерашнего дня и новой манипуляторской терминологией «холодной войны». Очевидно, руководствоваться разумом они не считают для себя достойным.

Не пора ли наконец очнуться и прекратить сотрясать мировой эфир разглагольствованиями о «нарушении хельсинкских договоренностей» в социалистических государствах, воплями о «попрании прав человека»? Не пора ли образумиться «поборникам гуманизма» и «вселенской справедливости»? Вашингтонская доктрина о правах человека отравляет международный климат, мешает переговорам об ограничении стратегических вооружений.

Директор Вашингтонского института исследования политики Ричард Барнет свидетельствует в одном из номеров «Нью-Йорк таймс мэгэзин», что «на каждый виток гонки вооружений Соединенные Штаты Америки выходят первыми». Американский ученый при этом подчеркивает, что гонка вооружений нужна лишь «военной бюрократии и военным корпорациям, что она не служит интересам американского народа».

Николай ФЕДОРЕНКО,
секретарь правления СП СССР

СОФИЙСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Общеизвестно, что гонка вооружений вдохновляется и подстегивается определенными социальными кругами, которых именуют «торговцами смертью». Об этом четко сказал товарищ Л. И. Брежнев: «Тот зловещий союз милитаристов - профессионалов с монополиями, богатеющими от изготовления орудий войны, который принято именовать военно-промышленным комплексом, стал там как бы «государством в государстве», приобрел самодовлеющую силу».

Враги разрядки, получившие в Америке зловещее прозвище «стрибеев», видят в смягчении напряженности угрозу своим милитаристским вожделениям, гигантским прибылям от военных заказов. Именно они стремятся воздвигнуть непреодолимую стену между Западом и Востоком.

В этой связи проблема более глубокого взаимопонимания людей, разрушения барьеров невежества и предрассудков приобретает первостепенное значение. И здесь литература призвана сыграть роль наиболее действенного средства, ибо ее судьбы обусловлены судьбами мира. В утверждении идей мира и понимания между народами на писателях лежит особая ответственность. Потому что нерасторжима связь художников с современниками, потому что с ними говорят мастера слова о дне нынешнем и дне грядущем, о сокровенно личном и человечески общезначимом.

Наши идеологические противники подняли пропагандистскую шумиху, пытаясь дискредитировать благородные цели софийской встречи писателей. Они утверждают, что она якобы станет не форумом мастеров слова, а обычным политическим митингом. Но это — злонамеренная ложь, потому что писатели мира, собравшись в Софии, будут обсуждать самые насущные литературные вопросы современности, в том неотрывны от проблем упрочения мира, разоружения, развития разрядки, углубления сотрудничества и взаимопонимания народов.

Все больше прогрессивно мыслящих, демократических художников на Западе приходят к сознанию своей социальной и исторической ответственности за будущее без войн, за безопасность народов. Они отдают себе отчет в том, что в тревожном нашем мире они не одиноки: их озабоченность и тревоги неизменно находят понимание у писателей социалистических государств, которые, со своей стороны, всегда готовы пойти им навстречу.

Именно поэтому нам представляется необходимой международная встреча писателей.

Со всех концов земли писатели различных творческих школ соберутся в Софии, чтобы откровенно, по-дружески обменяться мнениями по самым актуальным вопросам наших дней, по общим задачам литераторов в странах с различными социальными системами и культурными традициями. И первостепенной проблемой, несомненно, будет тема мира и долга писателя, его участия в сохранении жизни на земле, в создании и приумножении человеческих ценностей. Благородно и ответственно сегодня дело художника — всемерное закрепление политической атмосферы, созданной общеевропейским совещанием в Хельсинки, участие в движении за дальнейшую разрядку международной напряженности и укрепление мира.

В упорной этой битве честный писатель не может оставаться посторонним наблюдателем, не может молчать. Необходимо решительно бороться против гонки наступательных стратегических вооружений, которая сейчас является главной угрозой для человечества и противоречит политике разрядки, нарушая один из основных принципов Заключительного акта Хельсинки. Острейшее оружие литературы должно быть обращено всем своим арсеналом против военной опасности. Старый капиталистический мир Запада переживает глубочайшие потрясения, усиливается идейно-политический кризис буржуазного общества. Столь опасное состояние капиталистической системы сопряжено с отчаянием и безрассудством.

Разве не справедливо называют духовным вандализмом неуважение к историческим памятникам человечества? Но не менее справедливо может быть названо духовным вандализмом и пренебрежение многими сложнейшими проблемами современности, поскольку нынешняя современность — это будущая история. Тема человека и среды его обитания тоже может стать предметом серьезного разговора на софийской встрече.

Главная цель литературы — постижение человека, познание окружающей его природы. Но многое ли мы знаем о ней? Не вернее ли считать, что тайны мироздания и человеческой природы, законы окружающей среды едва лишь нами приоткрываются? Человек — частица природы, познающая самое себя. Эта мысль Энгельса прекрасно выражает взаимосвязь человека и природы. Поэтому недопустимо посягательство на природу, насилие над ней. Природа — колыбель жизни, и нельзя относиться к ней лишь как к сырью цивилизации. Единого ответа на эти вопросы, разумеется, быть не может, ведь сама действительность противоречива. Научно-технический прогресс, увы, не свободен от множества «побочных явлений».

Здесь, как и по другим творческим вопросам, возможна дискуссия, которая есть путь терпеливого выявления истины. Когда спор серьезен, в нем невозможно отступление от истины. В противном случае диалог утрачивает значение, теряет свой смысл. Дискуссия оправдывается лишь в том случае, когда она способна высекать искру духовного понимания, приближать нас к истине.

Разумеется, ничто не заменит писателя, книгу, в которой для него сосредоточен смысл творческих исканий, оправдание всей его жизни. Естественно, что профессиональный разговор на эту тему пойдет и на форуме в Софии — городе, смею заметить, поражающем множеством «книжарниц» (книжных магазинов).

У книг великая миссия: они сближают культуры, помогают взаимопониманию наций и сотрудничеству на нашей неспокойной планете. Огромно нравственное воздействие литературы на человека и его духовный мир. Но одни лишь словесные декларации здесь стоят немного. Литературный обмен должен быть движением двусторонним. Между тем на Западе продолжают существовать шлагбаумы для книг из социалистического мира. Правомерен вопрос: в чем же причина, что положение с доступом советской литературы в страны западного мира не изменилось после хельсинкских договоренностей? Почему до сих пор остается явным перекос в области литературного обмена? Ведь потому, что книги на Западе, как это часто мы слышим, издаются частными предпринимателями в угоду рынку, и, значит, рынок — решающий там фактор? Вряд ли эта концепция состоятельна даже с точки зрения фактов. Как гласит восточное речение, «вышивают баранью голову, а порчу сбрасывают на волка». Какой литературной продукцией заполнен книжный рынок Запада, говорить не приходится. «Честные коммерсанты» всюду торгуют антисоветским измышлением, гнилым, дурно пахнущим товаром.

История выдвинула социалистические литературы в авангард художественного прогресса — это почетно и очень ответственно. В этих литературах воплощены нравственная требовательность, беспокойство совести, верность великим идеям научного коммунизма. Литература призвана творить нравственный климат времени. Уверенные в своей правде, мы сквозь многое прошли, многое испытали. Наше мировоззрение вооружает нас оптимизмом, помогает смотреть на настоящее и будущего. Именно это мировосприятие привело к нам множество единомышленников, верных друзей и союзников по общему благородному служению миру.

Можно лишь всемерно приветствовать усилия писателей мира, направленные на вовлечение в процесс разрядки международной напряженности новых сил — будь то в Европе или Азии, в Африке или Латинской Америке, на Ближнем или Дальнем Востоке.

В движении солидарности литераторов мира мы видим органическую часть широкого процесса подлинного содействия международной атмосферы. София — это встреча писателей во имя творческого понимания и солидарности. Она, несомненно, откроет новые перспективы для участия писателей планеты в борьбе за мир и прогресс.

— Писатель владеет своим мастерством так же, как и любой другой труженик, но с той разницей, что на нас лежит — или, по крайней мере, должна лежать — особая ответственность за то, что мы делаем. Наша работа имеет уникальный характер: на каком бы языке ни писал каждый из нас. Писатель ответствен перед всем человечеством, так как наша земля — единое жилище для всех людей.

Эрнешту Мелу э КАШТРУ,
португальский писатель

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАШЕГО ДЕЛА

Собкор АПН в Португалии Альгис Чюгуолис обратился к известному литератору, вице-президенту Ассоциации португальских писателей Эрнешту Мелу э Каштру, одному из авторов Воззвания к писателям Европы, США и Канады, к писателям всего мира, с просьбой рассказать читателям «Литературной газеты» о том, чего ждут прогрессивные писатели его страны от предстоящей международной встречи в Болгарии.

Я убежден, что в предстоящей встрече в Софии должен во всеуслышание зазвучать голос писателей, призывающий к выполнению хельсинкских договоренностей во всей их совокупности. Главное в этих соглашениях — мир, нерушимость границ, реальное право на культурный и социальный прогресс народов, на их подлинное общение. Я глубокий сторонник обмена идеями и культурными ценностями.

Однако в отношении моей родины — Португалии — этот обмен до сих пор имеет односторонний, извращенный характер. Он выражается в том, что наши книжные прилавки, экраны, радиоэфир переполнены третьесортной макулатурой наших соседей по Западной Европе, в то время как социально значимые проявления собственной национальной культуры, и тем более интеллектуальные богатства других народов Европы, продолжают оставаться неведомыми для широких слоев населения.

Писатели должны объединить свои голоса и единодушно выступить против такого лицемерия в области интеллектуальной жизни. Лицемерие всегда было оружием реакции, оружием империализма. Это оружие становится особенно опасным в нашем начинающем взрывчатой мире, потому что лицемеры умеют ловко жонглировать понятиями и подтасовывать факты.

Пусть встреча писателей в Болгарии станет важным этапом на пути утверждения и укрепления истины!

ЛИССАБОН

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

ОТЧЕТНО-ВЫБОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

26 АПРЕЛЯ в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева прошла Третья отчетно-выборная конференция Московской писательской организации.

С отчетным докладом правления выступил первый секретарь правления **Ф. Кузнецов**, с докладом о работе ревизионной комиссии — ее председатель **А. Самсонов**.

— Подводя итоги нашей деятельности за минувшие три года, — сказал в своем докладе Ф. Кузнецов, — мы не можем не соотнести их с величественными итогами, которыми весь наш советский народ, литература социалистического реализма встречают юбилей Октября. Верность советской литературы Коммунистической партии и народу стали ее главными принципов партийности и народности советской литературы, определяя все ее идейно-эстетические достижения.

Ф. Кузнецов напоминает о высокой оценке, данной на XXV съезде КПСС деятельности творческой интеллигенции. Писатели-москвичи встречают шестидесятилетие Октября новыми талантливыми произведениями, в которых глубоко и полно исследуется героический путь ленинской партии, ее революционные традиции, борьба советского народа, руководимого партией, за социализм. Создан ряд новых значительных книг о подвиге советского народа на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания московских писателей — жизнь нашего современника.

Всяческой поддержки заслуживает серия Политиздата «Пламенные революционеры», выпуск которой осуществляется при непосредственной помощи и участии Московской писательской организации. Так же к 60-летию Октября вышел трехтомник художественно-документальных произведений «Рассказы о партии», в котором принял участие и московские писатели. В издательстве «Московский рабочий» появилась серия «Современный городской роман», получившая поддержку критики.

Писатели-москвичи осознают всю важность партийной задачи — превратить Москву в образцовый коммунистический город, они постараются внести свою максимальную лепту в решение этой благородной задачи. В писательской организации уже накоплен определенный положительный опыт по укреплению связи литераторов с жизнью, и в первую очередь — с жизнью трудовой Москвы. Современный литературный процесс, в значительной степени формируемый московскими писателями, с большой точностью, адекватностью и глубиной выражает время развитого, зрелого социализма с его вниманием к человеку, духовным и нравственным ценностям личности и общества. Писатели ведут активную и страстную борьбу с бездуховностью и мещанством.

Ф. Кузнецов говорил о том, что важное место в современной прозе, драматургии, публицистике занимают осмысление, понимание личности, ее социальная активность, гражданское мужество и честность в борьбе за общенародные интересы. Писатели глубоко ощущают всевозрастающее духовно-нравственное значение веления времени — быть гражданином! Успех произведений последних лет на так называемую «производственную» тему заключается именно в том, что авторы и герои этих произведений, равно как их читатели и зрители, чутко реагируют на эту могучую и властную потребность времени, утверждаемую в труде и борьбе, в горении гражданских страстей.

Эта позиция в литературе — интерес к гражданской сфере современного труда — нам представляется чрезвычайно прогрессивной и подлинно патриотической, за ней — будущее, сказал докладчик. Убежден, что в ближайшие годы мы получим немало талантливых и страстных произведений, исследующих эти захватывающе интересные конфликты нашего времени, разворачивающиеся в деле, в труде, в столкновении характеров крупных, бесстрашных, предельно честных, совестливых и умных, в их борьбе за интересы партии. Родины.

Ф. Кузнецов подробно проанализировал разнообразные аспекты творческой и общественной жизни писателей столицы.

Много делают для пропаганды социалистического образа жизни московские поэты и своими публикациями, и выступлениями на крупнейших предприятиях Москвы и Подмосковья. Большой популярностью пользуются телевизионный альманах «Поэзия» и творческие вечера поэтов, проводимые телевидением.

Год юбилея Великого Октября требует дальнейшего углубления идеологической работы в Московской писательской организации, всемерной активизации политических, идейных, мировоззренческих позиций литераторов столицы.

В своем докладе Ф. Кузнецов уделил значительное место проблемам критики и литературоведения.

Прошло пять лет со дня постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Надо отметить, что отряд литературных критиков приложил немало усилий для того, чтобы это постановление с честью выполнялось. Повысился уровень аналитической мысли в критике и в статьях, и в монографиях, книгах, сборниках, посвященных текущему литературному процессу. А вот рецензирование, оперативный газето-журнальный отклик на новое произведение — в этом наша критика пока еще отстает.

Критика должна активнее утверждать идейно-эстетическое достоинство нашей литературы. Десятая пятилетка — пятилетка эффективности и качества. Если вся страна ведет борьбу за качество продукции — можем ли игнорировать проблему качества, мастерства, художественности, идейно-эстетической эффективности художественного слова мы, писатели? Однако у некоторых критиков появилась даже своеобразная «теория»: дескать, всегда сосуществовали высокая проза и дурная беллетристика, и критика должна заниматься первой и не опускаться до разговора о второй. Трудно назвать острые, доказательные критические выступления на страницах нашей периодики, в которых шла бы речь об идейно-художественном браке, о творческой неудаче того или иного маститого литератора.

Проблема качества — не только эстетическая, но и этическая проблема, проблема нравственной атмосферы в писательских рядах. И литературная критика обязана формировать здоровую атмосферу принципиальности и требовательности.

Мы привыкли считать неудачными книги, авторам которых, возможно, и есть что сказать, но не хватает литературного умения, мастерства. Есть и другой феномен серости и посредственности — когда при внешней умелости и даже мастеровитости человеку нечего сказать. Тогда возникают версификаторство и вторичность. В литературном сознании сегодня все в большей степени необходимо утверждать широкое, всеобъемлющее понимание качества, мастерства, художественности, в которое входят не только внимание к слову, форме, но и знание, осмысление художнином жизни, точность авторской позиции, глубина и масштаб видения действительности, верность жизненной правде.

Докладчик говорил о действенности переводчиков, писателей, создающих произведения для детей и юношества, о работе творческих объединений и общественной жизни писательской организации. Он подчеркнул, что творческая молодежь продолжает славные традиции старших. Новые перспективы в работе с молодыми литераторами намечены в постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

Правление разработало большой план мероприятий по дальнейшему улучшению творческих условий, материального положения, быта писателей.

Постоянное пристальное внимание делам, заботам московских писателей уделяет Московский городской комитет партии. В свою очередь писатели столицы заверяют ЦК КПСС, МГК КПСС, что они не пожалеют сил и труда, чтобы вносить все более и более весомый вклад в общепартийное, общенародное дело строительства коммунистического общества, создавая произведения, достойные нашей истории, нашего настоящего и будущего, нашей партии и народа, нашей великой Родины.

Делегаты конференции заслушали сообщение председателя мандатной комиссии **А. Деменьева**.

Затем по докладам развернулись прения. Председатель правления СП РСФСР **С. Михалков** говорил о том, что творчество советских писателей неотделимо от жизни народа, что свое вдохновение литераторы черпают в пинучей действительности, о наступательном, жизнеутверждающем характере советской литературы.

Секретарь правления СП РСФСР **М. Алексеев** подчеркнул, что в литературе нет «роли критики. По его мнению, необходимо оперативнее рецензировать выходящие в свет произведения, установить более тесные контакты между создателями художественных произведений и теми, кто призван осмыслять литературный процесс.

О молодых, вступающих на трудную стезю литературного творчества, о формировании личности художника размышлял **А. Межиров**.

Идеологической борьбе на современном этапе посвятила свое выступление **Ю. Жуков**. Он привел ряд примеров, когда буржуазная пропаганда клевещет на советский образ жизни, на советских писателей. Ю. Жуков назвал имена литераторов, публицистические работы которых имеют важное значение в идеологической борьбе с нашими зарубежными противниками.

Директор издательства «Московский рабочий» **М. Борисов** информировал собравшихся о том, какие книги литераторов столицы в области выпущены в свет и готовятся к печати.

Первый секретарь правления СП СССР **Г. Марков** назвал задачей особого значения осуществление между народных литературных связей, рассказал делегатам конференции о проходившей в Венгрии XIV встрече руководителей союзов писателей социалистических стран. Обсуждался широкий круг вопросов взаимного сотрудничества и творческих связей с писателями мира. В начале июня, как известно, состоится международная встреча в Софии. Представители союзов писателей высказали уверенность, что в столице Болгарии развернется широкая дискуссия по насущным проблемам развития мировой литературы, пойдет речь о долге и ответственности художников слова перед своим народом и человечеством.

Проблемам критического жанра было посвящено выступление **Е. Сидорова**. Он говорил о стремлении создать атмосферу подлинно творческую, которая исключала бы невнятность оценки, комплиментарность, а острота и бескомпромиссность суждений сочетались бы с бережным отношением к таланту.

В. Розов подчеркнул, что московские драматурги, как и все писатели, стремятся отразить важнейшие проблемы современности, и поделился своими размышлениями о том, что, на его взгляд, еще мешает созданию полноценных драматургических произведений, о пути пьесы к зрителю.

Секретарь правления СП РСФСР **А. Алексин** говорил о том, как продолжают развиваться традиции **М. Горького** — внимательное, чуткое отношение к судьбе и таланту молодых и уже зрко проявивших себя писателей, о нравственном воспитании подрастающего поколения.

Поиски новых тем, способов их воплощения, форм подачи материала, которые волнуют молодых литераторов, — основное содержание выступления **А. Проханова**.

Л. Гинзбург рассказал о большом опыте, накопленном советской школой художественного перевода, о подготовке молодой смены.

На конференции выступил секретарь МГК КПСС **В. Макеев**.

В работе конференции принял участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС **А. А. Беляев**.

Делегаты конференции, проходящей в атмосфере идейного единства, высокой ответственности перед партией и народом, направили приветственное письмо ЦК КПСС, генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

* * *

На пленуме правления Московской писательской организации первым секретарем правления вновь избран **Ф. Кузнецов**, секретарями правления — **М. Алексеев, В. Амлинский, А. Арбузов, Н. Воронов, Л. Гинзбург, Н. Грибачев, Ю. Грибов, Ю. Друнина, Ю. Жуков, Е. Исаев, Л. Карелин, В. Карпов, В. Катаев, Я. Козловский, С. Кунняев, А. Лиханов, А. Михайлов, О. Попцов, М. Прилежаева, П. Проскурин, В. Розов, В. Росляков, Е. Сидоров, В. Сорокин, И. Стаднюк, Ф. Таурин, В. Цыбин, Л. Якименко.**

Секретарем правления по организационным вопросам утвержден **В. Кобенко**. Председателем ревизионной комиссии избран **А. Самсонов**.

ГОСТИ ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА

Тема современности в творчестве писателей Днепропетровска — таково было основное направление разговора на заседании Совета по украинской литературе при правлении СП СССР, где обсуждалась работа Днепропетровской писательской организации. За 25 лет, которые прошли после первого такого отчета в Москве, эта организация в Европе более чем вдвое (сейчас в ней активно работают тридцать три прозаика, поэта, драматурга, критика). Все чаще и плодотворнее писатели обращаются в своем творчестве к рабочей тематике, к образу современника во всех его многогранных связях с жизнью. Это романы «Стволы» Ф. Залаты и «Февральский гром» Л. Удовенко, посвященные труду и жизни земляков, «Открытие» И. Коваленко — о нефтяниках Сибири, сборник очерков А. Пальма «Чьи глаза у мечты». Это и сборники стихов С. Бурлакова, И. Пуппо, Л. Голоты, М. Селезнева, В. Коржа и других поэтов.

Как заметный вклад в решение темы интернационализма были оценены романы Л. Залаты «Далеко, в Арденнах» — о совместной борьбе советских людей и бельгийских патриотов против фашизма, «Восточный бастион» М. Нечая — о революционном прошлом нашей страны.

В обсуждении приняли участие В. Озеров, Д. Еремин, Н. Гончаров, Е. Дейч, И. Ирошникова, Л. Кедрина, И. Гринберг, С. Машинский, Ю. Сивенко, М. Комиссарова, Б. Кежун и другие.

Гости из Днепропетровска выступили в цехах столичного завода «Калибр», перед слушателями Академии бронетанковых войск, читателями библиотеки имени Н. А. Некрасова, побывали в редакциях журнала «Дружба народов» и «Литературной газеты».

Писатель Владимир Разумневич на книжной выставке в Московском городском Дворце пионеров и школьников.

Фото А. КАРЗАНОВА

ДОРОГИ ПОБЕДЫ

Великая Отечественная!.. Многие годы прошли с тех пор, как отгремели последние фронтовые канонады. Но память военных лет по-прежнему жжет и в сердцах людей, и в произведениях литературы и искусства.

На XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Вместе с героями романов, повестей, фильмов, спектаклей участники войны как бы снова проходят по горячему снегу фронтовых дорог, еще и еще раз преклоняясь перед силой духа живых и мертвых своих соратников. А молодое поколение чудодейством искусства становится сопричастным к подвигу его отцов...»

Сегодня, в канун праздника Победы, читателям «ЛГ» рассказывают о своих недавно опубликованных произведениях, о прототипах своих героев писатели Илья Вергасов и Сергей Крутилин. И роман И. Вергасова «Остается с тобою навсегда...», и трилогия С. Крутилина «Апраксин бор» — это книги о лично пережитом на войне. Такой видели ее фронтовики, ставшие писателями. На личном опыте тех лет основана и трилогия Константина Симонова «Живые и мертвые», о последнем издании которой тоже рассказывается на этой странице.

Мы читаем книги о Великой Отечественной, размышления писателей, их создавших, и отчетливо понимаем: эта священная для каждого из нас тема неисчерпаема...

ЗА СТРОКОЙ КНИГИ

ЧИТАТЕЛЬ

А. БЕЛОБОРОДОВ, генерал армии

— Еще не раскрыв книг, составляющих этот четырехтомник, — говорит в беседе с корреспондентом «ЛГ» генерал армии А. Белобородов, — только внимательно рассмотрев документальные кадры на «суперах» каждой из них, я подумал, что это — точно найденное вступление к эпопее о минувшей войне.

Документальные кадры, творчески отобранные и вмонтированные в текст, по смыслу своему, по теме как бы сливаются со страницами прозы. Но кино- и фотодокументы, включенные художником Вл. Медведевым, не назовешь привычными иллюстрациями, в которых даются портреты действующих лиц, детально повторяются или вольно интерпретируются различные сцены произведения. Вл. Медведев не стремится проиллюстрировать документом прозу, буквально, он ищет в хронике ощущение, дух, а не букву происходящего с симоновскими героями. Ищет — и находит. Более того — хроника как бы раздвигает границы трилогии. За широкой панорамой событий, которые имеют место в романе, встает картина еще более масштабная — битва с фашизмом всего народа, всей нашей страны. Под кадрами нет подписей, и мы не знаем, где, на каком участке фронта происходили попавшие в объектив те или иные эпизоды войны. Не знаем, где рыли противотанковые рвы эти женщины и подростки, где горел свечей этот «женькель», где шли в отчаянную контратаку эти наши солдаты. В таком оформлении был свой расчет: **это** было везде. Повсюду, где защищали родную землю советские люди.

Меня не может не волновать, что оформляя книгу, проявив глубокое понимание всего происходившего на войне, человек, сам в ней не участвовавший. Для таких, как **я**, старых солдат, важно знать, каким видится более молодым, не воевавшим поколениям тот титанический подвиг, который совершили в сражении с гитлеровскими захватчиками **мои** собратья по оружию. Вглядываюсь в книги: всё они понимают правильно, все замечают, все оценят. И с последними строчками симоновской трилогии, с последними кадрами хроники уносит сегодняшний читатель то ощущение великой победы, с которым вступали мы в последний год войны.

ПИСАТЕЛЬ

Константин СИМОНОВ

Этот четырехтомник, только что выпущенный в свет издательством «Художественная литература», представляет собой новое издание трилогии К. Симонова «Живые и мертвые». Новое — и в том смысле, что это еще один, очередной выпуск широко известного романа, за который писатель был удостоен Ленинской премии. И новое по самому духу издания, по его художественному оформлению.

Автор трилогии, как известно, был военным корреспондентом. Художник, работавший над четырехтомником, — человек иного поколения, в схватке с врагом не участвовавший. И вот теперь солдат и офицер солдата рассказывают вместе о Великой Отечественной. Мы публикуем сегодня строки из предисловия К. Симонова к этому изданию, рассказ художника Вл. Медведева и отзыв о четырехтомнике генерала армии А. Белобородова.

Роман «Живые и мертвые» включает в себя три выходившие в разные годы и продолжавшие одна другую книги: «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето».

Завершив это повествование, я рассматриваю его теперь как единый роман в трех книгах.

Хотя и написанный на историческом материале Великой Отечественной войны, роман этот не принадлежит, однако, к произведениям документальной прозы. Поэтому я дал в нем действующим лицам вымышленные имена, а воинским частям — условные номера, сохранив при этом названия подлинных географических пунктов, связанных с теми или иными военными событиями...

Все три книги романа «Живые и мертвые» проиллюстрированы в этом издании подлинными фотографиями и кинокадрами 1941—1944 годов — тех лет войны, к которым относится действие романа.

Мы с художником Владимиром Медведевым хотели, чтобы читатель, глядя на эти иллюстрации, мысленно оказался в том давнем времени...

Именно это я видел когда-то своими глазами на фронте, и именно это продолжало стоять у меня в глазах через много лет после войны, когда я писал свои книги о ней.

И СЛОВОМ, И КАДРОМ

ХУДОЖНИК

Вл. МЕДВЕДЕВ

«Избранное» В. Маяковского, «Микропоэмы» Э. Межелайтиса, «Синева России» С. Щипачева, «Дубовый лист виолончелиный», «Вытряхни дух мастер» А. Вознесенского, «Арбат, мой Арбат» Б. Окуджавы, «Солнечный гром» Н. Грамова — это далеко не полный перечень книг, которые оформил за последние годы Вл. Медведев. А если к ним присовокупить ранее вышедшие книжки с пометкой «Художник Вл. Медведев», то получится целая «медведевская серия» библиотеки советской литературы.

Есть в ней и книги о войне. Вл. Медведев принадлежит к тому поколению, которое спустя десятилетия после окончания Великой Отечественной подхватило вслед за ее участниками эту тему в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве. Это поколение не воевало, не знает фронтовых дорог, но детство его замешено на общей ненависти к врагу, на общей боли, тревоге, холоде, голоде, на общей надежде и вере в Победу.

Вл. Медведев рассказывает:

— Мое детство, та часть его, что падает на 1941—1945 годы, не отмечено какими-либо событиями, делающими ребенка сразу взрослым, как у тех моих сверстников, которые в своих деревнях и городах перенесли тяжесть оккупации, испытали полной мерой оверста фашистов. Но все мы, как сказал военный летчик и писатель Экзюпери, вышли из страны своего детства. А детство было хоть и не фронтовым, и не партизанским, а тыловым, но военным. Я помню бомбежки, помню, как ехали в открытом грузовике по стеши в сорокаградусный мороз, помню интернат в Сибири и возвращение в 43-м в Москву, станции, забитые поездами, идущими с техникой к фронту. В доме у нас появляются и исчезают военные. В основном это корреспонденты и фоторепортеры «Известий» и других газет, фронтовики отпуска или его коллеги по работе. Память хранит рассказы фотокорреспондента Павла Трошкина — дяди Паши, которые я слушал вместе со старшими и час, и два, и три, пока меня не уговаривали спать. Трошкин погиб подо Львовом. В новое издание «Живых и мертвых» включены и кадры из отснятых им пленок.

Наиболее серьезной работой из предшествующих прозе К. Симонова я считаю поэму Е. Исаева «Суд памяти», где мне хотелось выразить отношение человека к войне и нацизму.

Когда К. Симонов предложил мне иллюстрировать новое издание «Живых и мертвых», я подумал о том, каким ему быть. Хотелось найти оптимальный вариант для наибольшей выразительности книги. Я перебирал в уме многочисленные поездки по местам, где прошла война, вспоминал увиденное в Польше, Чехословакии, ГДР, Франции... Рассуждая так, я отправлялся к Симонову. Он в это время работал над материалами к фильму «Шел солдат...» и подключил меня к отбору кинокадров. Часами мы смотрели советские, английские, немецкие, американские и другие хроники. Часами я отбирал материал прямо с экрана, записывал и смотрел, одновременно стараясь удержать в голове все, даже самые маленькие эпизоды «Живых и мертвых», чтобы в нужный момент остановить и «ударить» необходимый кадр. Эти кадры, соединенные со снимками, подобранными в архивах и частных собраниях военных фотокорреспондентов, и составили фильм-хронику, который увидят читатели на страницах четырехтомника «Живые и мертвые».

Илья ВЕРГАСОВ

НАЧИНАЛИ МЫ ЛЕЙТЕНАНТАМИ...

Так бывает почти всегда. Окончен роман, на который ушли годы жизни. Ты выпускаешь его из рук, отдаешь людям и не можешь больше править, редактировать, что-то менять... И возникает в этот момент острое, почти мучительное ощущение чего-то недосказанного, того, что осталось за книжной строкой, осталось там, в твоем сердце...

Да, так бывает почти всегда, но особенно — если пишешь о лично пережитом, особенно — если пишешь о пережитом на войне. Разбуженная память стучится в книгу каждой своей клеточкой, и все кажется важным, необходимым, обо всем хочется сказать... Но у литературы — свои законы. И, наступая на эмоции, оттесняя чувства, логика повествования отсекает то, что кажется ей лишним — ей, но не мне! — отсекает, оставляя лишь надежду: может, в следующий раз, в следующей книге...

И все же, думаю, мне удалось сказать о том, что волновало меня в войну, что не давало покоя потом, многие годы спустя. Не случайно выбрал я главным героем своего романа «Остается с тобою навсегда...» полковника Константина Тимакова. Помню, рассказывая своим друзьям о самых первых набросках романа, я говорил им, к примеру, о том, как будет в моем романе Тимаков мучиться перед атакой... Потому что, просчитайся он, это станет уже не ошибкой минера — расплачиваться за нее Тимаков не одной, а сотней солдатских жизней. Я говорил об этом, останавливался, задумывался...

— Ну и как?—спросил меня кто-то после очередной паузы. — Верным оказалось решение?

— Верным, — очнулся я — Фашисты и предположить не могли, что наши самоходки пойдут в атаку на станцию — ночью, по крайнему дамбы. Как сейчас помню, сажусь в машину, и вот...

— Постой-постой, — говорят. — Так кто был в самоходке — ты или Тимаков?

Действительно, в наших с Тимаковым судьбах много общего. Мы начинали войну лейтенантами. Потом он, как и я, пришел в действующую армию из партизанского соединения. И он, как и я, принял сначала запасный полк, и потом, уже командуя боевым гвардейским полком, воевали мы с моим литературным героем в одних местах.

И еще вспоминаю... Когда появилась двенадцатая книжка «Нового мира» с окончанием романа, в этот же вечер у меня дома раздался звонок:

— Здравствуйте, говорит Линев.

— Линев?! Извините, но это вымышленный герой. Так я назвал в романе полковника...

— Цинева, Георгия Карповича. Это он и есть.

— Здравствуйте, товарищ полковник!

— Здравствуйте, только в теперь — генерал-полковник, форму так и не снял...

Не скрою, мне было приятно, что узнал себя человек, послуживший прототипом начальника политотдела армии в моем романе. Мы впервые встретились с Георгием Карповичем Циневым на Днестровском плацдарме и с тех пор до конца войны шли одними фронтовыми дорогами. Я дал своему герою другую фамилию, «перевел» в другую армию, но вот узнал же себя человек, узнал не столько по биографическим подробностям, сколько по психологическому рисунку образа.

Да, дело не в биографическом сходстве. Я выбрал в герои своего романа Тимакова, потому что глубоко убежден — и Тимаковым в значительной мере обязаны мы тем, что выиграли эту труднейшую войну. Именно им, начинавшим войну молодыми лейтенантами, только-только закончившими военные училища, но быстро мужавшими, командовавшими потом полками. И в этом не было ничего необычного. Страна доверяла этим молодым людям большие дела, потому что были эти люди— плоть от плоти страны, от ее собственной молодости.

Я считаю таких людей — молодых, экспрессивных, в чем-то жестких, неуступчивых, не укладывающихся порой их в рамки военного устава, ни в привычные житейские нормы — очень нужными стране. И тогда, когда она ведет изнурительную войну с фашизмом, и тогда, когда строит новую жизнь. Об этой новой, послевоенной жизни в романе ничего нет, его действие кончается сорок пятым годом. Но мне хотелось подчеркнуть, что нужны в ней и такие люди, как Тимаков, и такие, как Мотяшкин.

Этот Мотяшкин, человек сугубо «правильный», рациональный, всегда и во всем руководствующийся готовыми стандартами, — антипод моего героя... Там, где Тимаков рискнет, поступит по-своему, из одного желания сделать как лучше, лучше для людей, живущих, сражающихся бок о бок с ним, — Мотяшкин остановится, переждет... Переждет, вроде бы движимый все тем же желанием сделать как лучше, свято веруя, что хорошо лишь то, что укладывается в границы, предписанные инструкцией. Он, быть может, и понимает, что инструкции старают, требуют поправок, но он переждет. Переждет, пока, расшибая лбы, всей жизнью своей, всем своим нутром, не докажут Тимаковы, что есть и другие, неожиданные еще пути. Вот тогда иступит на такой путь Мотяшкин.

Непростой конфликт этих двух людей не был до конца обнажен в романе: не позволяли этого сделать законы военной субординации, связывавшие этих двух старших офицеров действующей армии...

И так получилось, что многое, отсекаемое логикой повествования о войне, оставленное за строкой этой книги, скапливалось, формировалось во мне в желание продолжить роман, проанализировать дальнейший путь его героев. Путь достаточно сложный, трудный — уходили в запас совсем молодые майоры и полковники, люди, умевшие на войне все, принявшие руководить сотнями людей. Уходили, становясь, по сути, новобранцами в ожидавшем их мирном труде. Тут все решали характеры...

И еще. В романе обозначилась не очень-то счастливая линия семейной жизни Тимакова. Ситуация во многом типичная, если вспомнить, как в войну восемь будней сталкивала, связывала порой судьба людей, по сути, совершенно разных... Я хочу для своего героя другой, настоящей любви. Надеюсь, что он встретит ее в новом моем романе. Честное слово, Тимаков заслужил эту большую любовь. Как и тысячи его сверстников, героически сражавшихся за будущую мирную жизнь.

Сергей КРУТИЛИН

ПРОЩАЯСЬ С ГЕРОЕМ

Как неумолимо бежит время! Час. Год. А вот уже и десятилетия...

Никому не дано остановить бег времени. Остановить, чтобы каждый наедине с самим собой или вместе с друзьями мог всмотреться в то, как все это было, проследить, где, когда он (или все мы) совершил ошибку, а где, наоборот, проявил силу воли, характер, настоящий героизм.

Казалось бы, никому не дано властвовать над временем. Но литература может время воскресить.

Думаю, что никто из нас, писателей, прошедших Великую Отечественную войну, ни о чем другом и не мечтает, как только о том, чтобы в своих произведениях воссоздать дух времени, героизм нашего народа, который сумел выстоять в жестокой битве и победить. Не скрою — мечтал об этом и я, работая над романом «Апраксин бор».

С окончанием работы над этим романом отбелел, ушел в прошлое очень большой и очень дорогой для меня жизненный материал. «Апраксин бор» — трилогия. Работа над романом отняла почти десять лет. Первая книга — «Лейтенант Артюхов» — появилась в журнале «Москва» в 1968 году. Затем последовали «Крестьяне» (1975 г.) и «Окружение» (1976 г.).

О первых двух книгах трилогии уже писалось, в том числе и в «Литературной газете». Рассказывалось и о прототипах, и о моей поездке на Дальний Восток, в Тихвин и на Волхов, где происходит действие романа.

Теперь же мне хочется сказать о каких-то более общих вещах, связанных с работой.

Я люблю, вернее, стремлюсь к тому, чтобы каждое произведение было построено по принципу все возрастающего драматизма. Часто, написав начальные главы вещи, сразу же пишу и конец. Причем выписываю заключительную сцену очень тщательно, начисто и **выверяю** все остальное по этой главе. Так было и с гибелью Верхогляда («Лейтенант Артюхов»), и с подвигом Малахова («Крестьяне»). Фраза «Начинался первый фронтовой день», которой заканчивается первая книга романа, написана сразу же вслед за начальными главами... То же самое было и с подвигом Малахова. Перед началом работы над «Крестьянами» я специально с этой целью ездил на Волхов — посмотреть на поле перед Зеленцами, на котором тогда, в день под новый, 1942 год голубели головки нескошенного льна...

В каждой книге трилогии — свой герой. В свое время, вскоре после появления «Артюхова», кое-кто из рецензентов упрекал меня за некоторую пассивность Василия. Однако все дело в том, что мысль автора была совсем в ином — показать страну, показать то, как поднимаются на борьбу с жестоким врагом советские люди, не только бывалые, но и простой, мирный народ, вроде Гали Зотовой или Григория, отца Малахова...

В «Крестах» любимая мысль автора опять-таки была связана не с Артюховым, а с Иваном Малаховым. Мне хотелось показать, как рождается осознанный подвиг. Как идет на смерть человек, у которого, казалось бы, есть все — любовь, молодость, счастье.

И вот, наконец, «Окружение». Тем, кто был на фронте, особенно в начальный период войны, слово это хорошо знакомо. Каждый окруженец на какое-то время оставался один на один со своей совестью. Отсюда и драматизм всей вещи. Большинство, как и герои моего романа, с боями пробивались к своим, на соединение с частями Красной Армии.

Пробивался и я. Каждый, кто читал «Окружение», поймет, что такое сочинить нельзя.

В основе романа лежит пережитое. Но — подчеркиваю это — но жизненный материал подчинен замыслу романа. А замысел «Апраксина бора», как я уже сказал, построен по принципу все возрастающего драматизма: от раздумий о смерти в «Артюхове», от осознанного подвига одного человека (Малахов, «Кресты») — к рассказу о массовом героизме тысяч бойцов и командиров в «Окружении».

На первый взгляд в романе все — герои. Все, в том числе и батарейцы, действуют самоотверженно, сплоченно, героически. Но все-таки среди этих героев, среди тысяч бойцов и командиров, выходящих из окружения, есть один человек, чья воля, чье самообладание объединили всех, вселили уверенность в успех их подвига. Это комиссар полка Чуев, которого солдаты попросту называли «наш Кузьмич».

Чуева читатель встречал и раньше — и в «Лейтенанте Артюхове», и в «Крестах». Но тут, при выходе из окружения, слово комиссара, его действия имели первостепенное значение для всех, повторяю — для всех, на чью долю выпало тяжелейшее испытание. Комиссар — это олицетворение партии. Конечно, и среди командиров было много коммунистов, которые вели себя самоотверженно. Но все-таки, когда я задумывался над тем, кто должен быть человеком — человеком, который объединил тысячи и поднял их на подвиг,— я невольно пришел к выводу, что им должен быть комиссар.

Уже во время работы над «Окружением» я знал о подвиге члена Военного совета армии Ивана Васильевича Зуева. Я не был с ним близко знаком. Но я видел его в том ночном бою. Это он, Иван Васильевич Зуев, отменил ранее принятое решение — выходить по узкоколейке — и повел всех нас по лежневке. Это его, раненому и тяжело больному, бойцы предложили снять с себя знаки различия — ромбы и спороть звезды с рукавов гимнастерки. И Зуев ответил, что даже с мертвого он не позволит снимать с себя комиссарские звезды...

И с него не сняли их; и по этим знакам его опознали двадцать лет спустя после этого подвига. На могиле возвышается теперь памятник нашему комиссару.

«Вы написали в «Эпилоге», что комиссару Чуеву поставили памятник, — пишет Григорий Иванович Горбунов, полковник медицинской службы в отставке (Подольск). — Но этого мало. Нужно в этом месте поставить величественный монумент Мужества тысячам неизвестных героев».

И словно откликнувшись на это письмо, исполнительный комитет Новгородского областного Совета депутатов трудящихся принял решение: «...воинам Волховского фронта в районе Мясной Бор —Спасская Полисть будет установлен мемориальный комплекс, увековечивающий память воинов... которые в 1942—1943 гг. стояли насмерть в боях с немецко-фашистскими войсками, стремившимися прорваться к г. Ленинграду».

«Апраксин бор» завершается «Эпилогом», где я рассказываю о дальнейшей судьбе своих героев и, по сути, прощаюсь с военной темой.

На очереди у меня новая большая работа — работа сугубо будничная, крестьянская. Уже веду отбор материала и вскоре вплотную засяду за деревенский роман. Это — сегодняшний день маленького приокского городка, районного центра, живущего всеми заботами и надеждами окружающих его сел и деревенек, нашего хлопотливого Нечерноземья...

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

Под председательством С. Сартакова в Центральном Доме литераторов состоялась двусторонняя встреча советских и румынских писателей на тему «Литература и столетие со дня провозглашения независимости Румынии». В ней приняли участие с румынской стороны — Г. Томозей и Т. Николеску, с советской стороны — Ю. Давыдов, П. Кучубаев, Н. Константиновский, Б. Гусев и др. Обсуждались проблемы отражения в литературе борьбы балканских народов за свою независимость. На встрече присутствовали сотрудник посольства СРР А. Богородица, главный редактор журнала «Румынские горизонты» Гойн.

ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ГОДА

Итоги прошлого литературного года подвела Ленинградская писательская организация. На собрании, проведенном совместно с Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, шел обстоятельный разговор о новых произведениях ленинградских прозаиков, поэтов, драматургов, литературоведов, о творческой работе писательской смены, о связях с издательствами.

Наш корр.

ЛЕНИНГРАД

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Григоряна С. А. орденом Октябрьской Революции

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Григоряна Саваса Аванесовича орденом **Октябрьской Революции.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА. КРЕМЛЬ.
26 апреля 1977 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Мамеда Рагима (Гусейнова Мамеда Рагима Аббас оглы) орденом Октябрьской Революции

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Мамеда Рагима (Гусейнова Мамеда Рагима Аббас оглы) орденом **Октябрьской Революции.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА. КРЕМЛЬ.
26 апреля 1977 г.

Алесь АДАМОВИЧ

ПАМЯТЬ НАРОДА — ПАМЯТЬ ПИСАТЕЛЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕГОДНЯШНЕЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЕ

ПОВОДОМ к написанию этой статьи послужили мне читательские письма, поступившие в «Литературную газету» после выхода нашей совместной с Линой Брылем и Владимиром Колесником книги «Я из огненной деревни». Не буду останавливаться на всех письмах, которые мне довелось прочитать, возьму только одно — читателя А. Лучицкого. Он пишет: «Не утрачивает ли сегодняшняя наша литература о войне то ощущение жестокости обстоятельств, горя и страданий человеческих, гнева и ярости, которое оставило неизгладимый след в душах людей? Не смягчают ли некоторые писатели, работающие в этой теме, трагизм военной действительности?»

Вопросы поставлены серьезные, и двумя словами на них не ответишь, хотя, скажу сразу же, они прозвучали для меня скорее утверждением, чем сомнением.

Обратимся к классике. Искусство (по Толстому) — это всегда и обязательно воспоминание. Человек плачет или смеется — это еще сама жизнь. Вспоминая, как мы плакали или смеялись, воспроизводим состояние горя или радости, мы вступаем уже в сферу искусства. Если литература — это обязательно «воспоминание» (о состояниях, мыслях, чувствах), то законы человеческой памяти будут как-то влиять и на эстетическом уровне.

Применительно к военной теме, откровенно говоря, у меня тоже появилось такое чувство, что сносит нашу память в сторону «выцветания», когда кровавое начинает выглядеть все более розовым. Так что читатель выражает вполне обоснованную тревогу. Между тем память наша писательская не сможет зацепиться, удержаться на некой черте правды лишь в том случае, когда она приблизится и по возможности сомкнется с народной памятью. Да, с вполне реальной, конкретной, длящейся памятью народа о Великой Отечественной войне. Нам ведь лишь кажется, что память эта — абстракция, поэтический троп. На самом же деле есть, она существует — надо лишь услышать ее голос, помочь ему стать звучащей или печатной реальностью.

Это так говорится — «память народная», слагается же она из индивидуальных воспоминаний, на которые, видимо, тоже действует та же закономерность «выцветания» и «сползания».

Как бы там ни было, феномен памяти народной — нестираемой и невыцветающей — существует вопреки всем «закономерностям» памяти индивидуальной. Я в этом убедился, когда мы с Л. Брылем и В. Колесником записывали, собирали упоминаемую книгу «Я из огненной деревни». А сейчас еще раз убеждаюсь, работая над записями «блокадной памяти», которые мы готовим с Даниилом Граниным к печати.

Законы или закономерности памяти человеческой... Военную память, ее эволюцию, Ремарк, например, рисовал так: выбравшийся, выползший из четырехлетних окопов солдат питает почти физическое отвращение к своей окопной памяти он реалист беспощаднейший, тот солдат. Но проходят годы, и под мирным небом (да к тому же новые тяготы, пусть даже «мирные»!) солдатская память вновь просит, просяще выцветает до розового. Солдат уже созрел для «военной романтики», готов морочить его головы будущим жертвам будущей бойни...

Так «по Ремарку».

Ну, а не по Ремарку? Разве мы, пережившие бесконечно долгую войну, не сознаем себя на том, что в 1977 году помним ее все же не такой, какой знали в 46-м? Я, например, в 1946 году фильмы о войне смотреть не мог: ни хорошие, ни плохие. А потом отпустило. Все серии «Семнадцати мгновений» могу высидеть — себе на удивление.

Разница между нами, «профессионалами памяти» (так можно определить нашу писательскую специальность), и носителями «народной памяти», видимо, в том, что мы свою переболниваем и «проевреваем» беспрестанно, а их лежит на глубине, сохраняя, сберегая всю «слагу» и «тяжесть», как цедина.

С режиссером Элемом Климовым, который начинает работу над фильмом о белорусских Хатынях, прилетели мы в поселок Октябрь — на многострадальную и героическую землю партизанского Полесья, чтобы он мог встретиться с женщиной, с Феклой Кругловой, которая весной 1942 года дважды за один день горела в хатынском огне. Тысяча ее земляков сгорела в том страшном, жучательном пламени, а она чудом уцелела и живет сегодня в том же городском поселке. Я уже и его, Климова, глазами смотрел на женщину, рассказ которой когда-то записывал на магнитную ленту, и заново поразился, какое же доброе, светлое, ласковое у нее лицо. Словно у выспавшегося ребенка — мы как раз и потревожили ее дневной старушечий, одинокий в пустой хате сон. Какое оно, только здешнее, только сегодняшнее (ничего от вчерашнего!) лицо, выражение ясных глаз у женщины, видевшей, помнящей, знающей то, что записано в книге «Я из огненной деревни»!

Но когда такой человек, потревоженный, возвратится туда, когда откроется, обнажится его память, — вот тут уж не останется ничего сегодняшнего, здешнего. Только то без всяких «помех» и «поправок».

Слушаешь и уже хочется, чтобы ее было чуть поменьше, невыносимой правды пережитого нашим народом в все еще длящейся в памяти людей...

В семье пятеро детей — в новой, в послевоенной семье. Но у него — еще и там, в прошлом — двое или трое. И у «новых» столько же. Живут, продолжают жить их убитые дети — рядом с этими, с «новыми» детьми. Невидимо для нас, для посторонних, невримо.

Когда видишь эту жадную радость людей с «новыми» детьми, казалось бы, всю возможную полноту ее, хочется вслед за Достоевским сказать (и поверить): «Да как мог бы он, казалось, возлюбить этих новых, когда тех прежних нет, когда тех лишился? Вспоминая тех, разве можно быть счастливым в полноте, как прежде, с новыми, как бы новые ни были ему милы?» Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человеческой переходит постепенно в тихую умиленную радость...»

И радость (новая), счастье (новое) действительно возможны, они есть. Но рядом с этим, наряду и под этим — вся, какая лишь возможна для человека, мука, боль памяти за тех, которые были. Вот и начинаешь думать, что народная память потому так сберегла, сохранила всю «температуру» боли, правды; что она — на глубине, что над ней — плотный слой сегодняшних дел и забот.

У молодого писателя, не несущего в себе «собственной» военной памяти и тем не менее пишущего о тех днях, событиях, людях, свои, не менее сложные проблемы. Прежде всего — литературщина. Но сеть и примеры очень обнадеживающие. Говорящие о том, что не разрывается, не распадается «цепь времен» в нашей военной литературе.

Возьмите Валентина Распутина («Живи и помни») или же белоруса Ивана Чигринова («Плач перепелки», «Оправдание крови») — откуда это точное знание самого духа времени, его жестокой повседневности? Трудно поверить, что тогда им было всего лишь 5 или 8 лет! В себе, в таланте своем засчитывать? Хорошая литература? Может быть. Но и другое ощущается явственно: произведения их пропитаны народной памятью, набрякли ею, как дождевой. За распутинской повестью «Прощание — сибирская деревня, для которой фронт был где-то там, далеко, «в Европе», но и рядом — в похоронках, в потяжелевшей прозе трудовой, которую нести (притом женским плечам и рукам) приходилось и за потерянную Украину, и за другие наши земли, оккупированные врагом. В повести Распутина — вся бесконечная, усталая протяженность войны через годы, через миллионы смертей, как это ощущал каждый, но и по-разному. Некоторым, кто способен отделить себя от общей судьбы, было уже не вынести...

То же самое — романы И. Чигринова. Кажется, о деревне военных лет белорусская литература рассказала неплохо: «из первых уст» очевидцы, участники войны писали и пишут. Что осталось на долю «молодого»? Получившись у них, добавить какой-то психологический или лирический штрих. Но Чигринов осмелился на большее и достиг гораздо большего. Он пишет «свою войну», подробно, день за днем, час за часом. Притом на пладдарме совсем не детской памяти, а масштабной, эпической.

Мы читаете, как собрались бабы, — даже не собрались, а подняло их что-то извечно бабье и понесло, — искать, спасать, «ратовать» поднявшее в полон мужей, и вас самих поднимает и несет радостное чувство приобщения к народной правде, к правде жизни, искусства. А это лишь одна из многих сцен дилогии И. Чигринова. Вот она, оплодотворяющая и питающая сила памяти народной.

Что касается поколения, которое «постарше», то здесь, мне кажется, особенно поучительным может быть пример К. Симонова с его постоянной «самопроверкой», художественной, гражданской, посредством обращения от памяти народной к документу. Интересен и пример Г. Бакланова, писателя, очень чуткого к моральной стороне литературной профессии.

Всегда радостно открывать для себя совершенно новые примеры. С чувством и радости, и вины (за то, что «открыл» для себя совсем не новичка, а уже зрелого писателя) читал я в журнале «Север» (№№ 7, 8, 9 за 1976 год) роман-хронику Дм. Гусарова «За чертой милосердия». Держит она ваше внимание и чувство суровой правдой документа, который ощущаешь все время, как твердый, холодный гранит под нежирной карельской северной почвой...

Что же касается «уравновешивающего» воздействия на писателя самого жанра эпопеи, то сегодня все не так хрестоматийно. Когда Толстой писал «Войну и мир», спустя полвека после 1812 года, он мог еще довольно «эпическим» смотреть и рассуждать по поводу этого странного занятия людей — войн. Не висели они еще над человечеством — после каждой только что сложившей «неожиданной» ожидаемо, кошмаром новой, еще более самоистребительной бойни. У Толстого уже все было: и бескомпромиссный антимилитаризм, и тревожное ожидание мировой войны с невиданными техническими усовершенствованиями уничтожения людей (в начале XX века он в этом прямо предупреждал). С Толстого и началась истинная правда о человеке на войне. Все было у Толстого. Кроме одного: реального знания, что придет время, когда в результате мировой войны может прекратиться сама история человечества. Нетрудно представить, с какой остротой и беспощадным обнажением причин и следствий войны писал бы Лев Толстой в нашей ситуации.

Возможно, и было это свойственно традиционной эпопее — стирать остроту и боль «данного момента», растворять во временной перспективе. Мол, то, что конечно для индивидуума, это для народа и человечества всего лишь страничка книги исторического бессмертия! Если это и было характерно «военной» эпопее прежде, то сегодня одно из двух: или она действительно анахронизм, поэтому что нравственно не обеспечена; или должна от чего-то отказаться и приобрести что-то новое.

От «эпопейного», широкого повествования о войне можно и должно ждать нынче «пропорционально» большей остроты и чувств и мыслей, и трагизма. Как раз в силу более широкого захвата ею фактов и глобальных проблем. Ведь мировая война в атомный век на место одного человека подставила бы уже все человечество. Так какое может быть «приглушение» трагизма в современной «военной» эпопее? Наоборот! Она тогда только и войдет в силу, когда появятся произведения, в которых острота, боль и трагизм индивидуальной военной судьбы будут неразрывно связаны с жгучими проблемами современности.

Да, эпопея сегодня невозможна без расширения исторического обзора, без углубленного философского взгляда на проблемы «войны и мира». Но с одновременным, безжалостным заострением военной памяти нашей литературы в сторону той суровой правды, которую помнит народ. И тут, я думаю, невозможно не говорить о необходимости более глубоко разрабатывать тему фашизма. В этом смысле большой удачей представляется мне роман В. Семина «Нагрудный знак «ОСТ».

Что это произведение 70-х годов — чувствуется сразу. Вся глубина, перспектива, пройденная нашей военной литературой, учтена автором очень умно и тактично. Из 70-х годов В. Семин смотрит туда, но не смазывает грани времени. Благодаря этому семидесятые ему позволяют лучше, острее рассмотреть правду давно ушедших дней, часов, минут.

Всякая правда нелегка, и стесняться ее не надо. А то ведь порой что получается? Вона мы свои документы, свою память народную откладываем «на потом», бросают на весы истории 20 (!) томов «документов» (еще Геббельс начал их «собирать») о том, как «зверствовали» противники гитлеровцев в Германии. Вот так!

Кстати говоря, народная память — справедливейший исторический документ, если ее зафиксировать! — дает примеры того, как надо видеть всю правду. Даже когда боль, гнев переполняют сердце. Собирая рассказы людей, испытавших трагедии Хатыней, мы записали и про то, как плакал, бился о землю немец, когда его соплеменники дотлевшие убивали деревню Борки — Брестской области. Этого «чудного немца» видели, запомнили несколько человек.

Память победившего советского народа не мстит, а правдиво удерживает все — и того плачущего солдата. Но только и всего другого она не растеряет, как теряет порой литература.

И наконец, кино — если подходить к нему с той же меркой правдивости и гражданственности, с какой мы подходим к литературе. Впрочем, иначе и быть не может.

Косяком пошли фильмы «по Быкову». От них В. Быкову, его писательскому авторитету, пожалуй, не поздоровится. Кино такая штука: или давит, приплюсует талант создателей фильма к тому, что заключено в экранизируемой прозе, или отнимет, и тоже на величину, равную теперь уже их бесталанности.

Литература, находящегося в кино, поражает, как здесь все и всё знают больше самого писателя, что надо и чего не надо нашему зрителю, сколько правды о войне — «в самый раз», а сколько — «зритель не выдержит».

Я тоже зритель, но никак не подозревал, что я такой слабонервный и так мало правды способен унести, перенести. Но все почти фильмах «по Быкову» убран тот жар и холод, которые мы физически ощущаем вместе с героями, читая его прозу. И главное — без чего и вовсе нет Быкова! — исчезает острота социально-нравственных коллизий. Читателю — можно, зрителю — противопоказано...

Но вот нашелся режиссер, который не боится в эту кинокудрость: но всей правде войны, которая есть в прозе Быкова, приплюсовал в полную силу еще и ту, которая заключена в правде прозаического творчества. И рядом с повестью «Сотников» встало кинопроизведение самостоятельной и не меньшей художественной мощи — «Восхождение» Ларисы Шепитько. Нравственный заряд в этом жестком фильме таков, что зритель уходит если не с готовыми мыслями то с готовностью мыслить, раздумывать над тайной, которая всегда мучила и мучит художника.

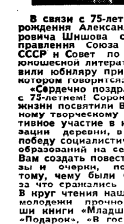
Литература о Великой Отечественной войне — одна из главных «опор», на которую держится в общем высокий уровень современного искусства. Потому так интересно и важно все, что в ней происходит — копится, меняется, нарастает, заново ищет самое себя...

МИНСК

Лина Ивановна Лесникова

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. Ф. ШИШОВУ — 75 лет



В связи с 75-летием со дня рождения Александра Федоровича Шишова секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 75-летием! Сорок пять лет жизни посвятили Вы неустанному творческому труду. Активное участие в коллективизации деревни, в борьбе за победу социалистических преобразований на селе помогло Вам создать повести, рассказы и очерки, — существенные тому, чему были свидетелем, за что сражались с врагами. В круг чтения наших ребят и молодежи прочно вошли Ваши книги «Младшая сестра», «Подарок», «В гостях у тети Дашы», «Надежда остается», «Там, где цветут маки», «Тропы жизни», «Чаша хлопот», «Ранней весной», «Возвращение» и другие. Вашему перу принадлежит и драматургическое произведение. Полюбились юным читателям и Ваши рассказы о М. И. Калинине. От всей души желаем Вам здоровья и творческого счастья».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

И. СТРЕЛКОВА

ВРЕМЯ РОМАНА

Продолжаем разговор, начатый статьями критика А. Дубровина и писателя В. Липатова («ЛГ», № 2 и № 5, 1977 г.).

СЕМИДЕСЯТЫЕ: НОВОЕ В ЖИЗНИ — НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

В КРИТИКЕ всегда будет бесконечен спор, как надо и как не надо писать в наше время. Литература, пока она жива, пишет только так, как необходимо писать сегодня — во имя прошлого, настоящего и будущего. Не велика польза «раскритиковать» тех, кто пришел в литературу как тень и уйдет как тень. Первейшая забота критики и мера ее достоинств — в открытии нового и талантливого, чтобы дать ему и более широкий выход к читателю, и ощущение собственной значимости. Так вот, перечислив огрехи прозы и поэзии, не забыть бы, что еще совсем недавно в одной журнальной статье писали о Шукшине отнюдь не как о «феномене», а, напротив, что у него и рассказы — не рассказы, а бог весть что, записки да сценки — и главное — у Шукшина совершенно нет «своего языка». Не думаю, что критика смогла бы сбить с пути такого истинно талантливого человека, как Шукшин, но какую-то часть читателей она, несомненно, дезориентировала, и они взялись за рассказы Шукшина, только посмотрев, скажем, в кино «Калину красную». А ведь время показало, что его проза слажена очень прочно.

О необходимости выстраивать произведение искусства точно и прочно говорил Леонид Леонов в обращении к молодым, опубликованном в «Комсомольской правде» 24 августа 1974 года: «...только тогда оно выдержит падение с высоты Ниагарского водопада или давящие социальных потрясений. «Ревизор», «Карамазовы», «Шагреневая кожа» — выдержали». Думается, что разговор о точности и прочности построек нынешних романов, повестей и рассказов не менее актуален, чем начатый А. Дубровиным и В. Липатовым разговор о новизне и механическом перенесении старых приемов на современность. Более того — это разговор, по сути, о том же.

Работая над этой статьей, я обратилась к статьям и выступлениям Леонида Леонова, «Форму диктует практическая цель художника, гавань назначения, которую всякий серьезный мастер должен предвидеть наперед. Таким образом, дело не в бутылке, а в вине, которое мы, литераторы, в нее наливаем», — говорил Леонов, развивая мысль о жизнестойкости романа и сомнительности доводов насчет его устаревания. Приведу здесь еще одно высказывание Леонова: «Всякое литературное произведение должно быть изобретением по форме и открытием по содержанию».

Конечно, изобретений всегда будет больше, чем открытий. По части изобретательства очень любопытен опыт уже упоминавшегося В. Липатовым Артура Хейли. До чего же удобна, практична и повествовательна форма, однажды изобретенная Хейли для всех его романов! В ней есть всевозможные ячейки, по ним можно распределять почерпнутый в жизни материал, всю ту информацию, которую Хейли мастерски умеет собирать, — сегодня одну, через намеченный срок — другую.

Выдержат ли романы Хейли падение с Ниагары? Да как сказать... Содержание, конечно, вытряхнется, но форма может уцелеть. Вот и у нас стали появляться уже не тяжеловесные опусы, а повести и даже пьесы, в которых использована облегченная «форма Хейли». И это, несомненно, очень читабельные вещи (и с успехом идущие на сцене), потому что удобные ячейки там наполнены самой добротной информацией, а мы так же чувствительны к информации, как публика давних времен к душещипательной мелодраме. Но при всем при том... «Информационная проза» — это одно, а художественное произведение — это другое.

Во вот Л. Аннинский — не в полемическом задоре, а вполне ровно — говорит тет-а-тет с В. Чалмаевым: «Эстетика, форма для меня — дело второе. Первое дело — этика, духовная суть. Пиши, как пишется, — было бы в сердце и на уме не пусто».

Итак, пиши, как пишется... А ведь действительно у нас сейчас много талантливых авторов, которым свойственно выплескиваться со своими открытиями, не особо беспокоясь о том, чтобы выплеснутое не ушло в песок. Честное слово, иной раз кажется, что от нашего времени останется в литературе некий заповедный угол, куда сваливы ценнейшие материалы, но все сырые, не обработано. Какие уж там Ниагары и водопады социальных потрясений...

Мне хотелось бы взять для примера не самое слабое из прочитанного, а бесспорно привлекающее свежестью письма, умением дать внутренний рисунок человеческого характера. Ну вот, к примеру, «Свои дети» А. Бологова («Наш современник», № 8, 1976).

Сюжетом служит поездка матери к старшему сыну, и в воспоминаниях этой женщины, Ольги, проходит долгая жизнь, начиная с военных лет и по наше время. Росли под одной крышей, а оказались разными дети Ольги Михаил, Санька и Зинаида, но ведь в каждом по-своему отразились в семейные черты, и черты эпохи. Кому что достается из опытов жизни — вот о чем заставляет задуматься повесть А. Бологова. И вместе с тем есть в ней какая-то незавершенность, неприность некоторых линий. Стены выводятся проще бы то для повести, то для классического «семейного» романа. Ведь перед нами эволюция одной семьи — пусть не в трех поколениях, а только в двух. И повесть, когда пытается взять на себя такую романную ношу, переходит на беглость зарисовок как раз там, где нужны мысль и глубина постижения человека. Мы привыкли считать за достоинство писателя, если у него в рассказе видим почти повесть, а в повести почти роман, но, наверное, лучше без почти: повесть писать как повесть, а рассказ как рассказ и роман как роман. Пример с Бологовым показывает, что утяжеленность — это далеко не прочность и уж вовсе не точность.

Здесь небезынтересно сопоставить повесть А. Бологова и «Последний срок» В. Распутина. Конечно, гавани назначения и Бологов, и Распутин выбрали разные. И все же существует сходство обстоятельств — мать и ее дети. Только у Распутина взят край жизни старухи Анны, а у Бологова — приезд матери к сыну, однако с очень для нее важной затаенной причиной, которую она так и не откроет Михаилу, поняв его черствость и эгоизм. Только у Распутина Анна принимает детей такими, какие они есть, а у Бологова Ольга как бы исследует их несхожие характеры, почитаясь в этом большие писательскому замыслу, чем своим желаниям. Только у Распутина больше доверия к художественному восприятию читателя, а Бологов больше старается пояснить, то есть описывает. Только у Распутина отброшено все лишнее — притом достаточно нескольких ярких штрихов, и мы уже знаем всю долгую жизнь Анны, — а Бологов выстраивает ненужные подпорки. Одним словом, у Распутина повесть удивительно точно выверена именно как повесть, в ходом по своему определению, «...высказал то, что другие если и сказ-жут, то с совершенно иной точки зрения».

Я не помню, чтобы Распутина в критике называли мастером, а тем более новатором формы. Принято говорить о героях его повестей, о нравственной проблематике. Только С. Залыгин, знающий свои изобретения в области романной формы, обратил внимание на особую завершенность повестей Распутина, на то, что этот писатель «...не оставляет в наших умозрение ничего, все решает сам». Какое неожиданное и какое верное определение!

Вслед за Распутиным, в повестях которого критика не увидела обновления и точного формы, можно назвать и роман Юрия Бондарева «Берег». Он имел сразу огромный читательский успех, о «Берегу» много писала критика, давая каждому свою оценку, свою оценку. При этом почти в один голос авторы статей утверждали, что военные страницы удались лучше тех, на которых рассказано о поездке Никитина в ФРГ. Чаще всего отмечалась публицистичность современных страниц романа как своего рода недостаток.

Но не была ли с самого начала определена автором как реальная необходимость такая вот бросающаяся в глаза разница между страницами, посвященными последней военной весне, и страницами, на которые легла вся сложность нынешних идеологических битв? Мне думается, что Бондарев намеренно поменял местами прошлое и сегодняшнее, одно приблизил, а другое отвел вдаль, чтобы создать в романе то душевное напряжение, которое и передается читателю каждый раз, когда он возвращается из близкого прошлого в как бы удаленное сегодня. В романе мы открываем для этого нашего. Непоправимо ранний итог чистого и светлого юноши лейтенанта Княжко и итог много повидавшего и много передумавшего Никитина. Насколько сам Никитин продолжить рано обрывавшуюся линию идеального лейтенанта Княжко? Найденная Бондаревым форма двупланового романа дает наилучшие возможности подвести читателя к этому вопросу, не обманываясь и не упрощая.

Если теперь сравнить страницы из «Берега» с близкими по описываемым событиям страницами «Тишины», то увидишь, как уплотнилось слово, стало подъемней в передаче авторской мысли. Описательность уходит тогда, когда много труда вложено в изобретение единственно верной для данного замысла формы.

Для рождения значительного романа всегда требовались особые условия. Десять лет назад критик А. Макаров писал, что время для романов еще не пришло. «Наши дни пока — дни повести». Этот вывод был сделан в статье, посвященной творчеству Виктора Астафьева, его повестям «Перевал», «Кража», «Где-то гремит война» и «Звездопад». Но Макаров не был бы Макаровым, если бы не оборвал свою мысль. И если бы не обнаружил, что у Астафьева начинает складываться цикл «История моего современника» — единая книга с единым героем, которого сопровождает множество самобытных лиц.

Впоследствии Астафьев действительно издал свои повести в одном томе как «Повести о моем современнике». Но думается, что название, предложенное Макаровым, все же точнее: «История моего современника». Потому что входит сюда не только повести, но и публицистическая «Одна русскому огороду», и новые рассказы «Последнего поклона», и, конечно же, входит сюда «Царь-рыба».

Тот, кто следит за работой Астафьева, не мог не заметить, как, изменяясь во времени, обрела эпический размах единая книга писателя. Нет, он не предпринимал и в «Царь-рыбе» мучительную попытку вырваться из привычной ему формы, он подтвердил «Царь-рыбой», что обладает в высшей степени чувством своего пути. И сейчас — чуть отступив, чтобы обозреть всю работу, начатую писателем двадцать лет назад, — мы можем с полным основанием сказать, что перед нами роман, да еще какой роман!

Литературные сопоставления всегда опасны, однако если искать в русской прозе, с чем можно сравнить труд Астафьева, то это Гергиен. «Былое и думы» — логический роман, который, по мнению Льва Толстого, наряду с «Мертвыми душами» и «Записками из мертвого дома» может быть примером того, что каждый большой художник должен создавать свои формы.

Как и автор «Былого и дум», Астафьев сделал собственный жизненный опыт предметом художественного исследования и пишет свою исповедь «настоящего сына века», уже не боясь упреков в автобиографичности и преодолевая эту автобиографичность не уходом в сторону от своего главного героя, а — напротив — находя в «моем современнике» все большую силу чувства и мысли.

Когда-то Гергиен определил форму своего романа как соединение приторек, надстроек, флигелей, подчеркнув, что во всем этом единство есть. Он говорил, что труд этот может на всем остановиться, как наша жизнь, везде его будет достаточно и везде его можно продолжать. Во всем этом есть немало близкого к замыслу и развитию единой книги Виктора Астафьева. Такие романы рождаются, когда жизнь щедра на сильные впечатления и на большие перемены. Думается, что мы еще увидим новые «пристройки» к «Истории моего современника» и еще многое узнаем про него и от него, потому что в опытах этой чувствительной души — живая жизнь народа.

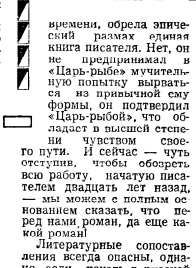
Говоря о смелом и основательном строительстве формы, я не вину греха в овладении всеми приемами больших мастеров — литература не живет подобно тем, кто, переезжая на новые квартиры, заводит все новенькое и сбагривает все старое вкупе с родительскими портретами.

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Дружеские шаржи Н. ЛИСОГОРСКОГО

Сергей ОРЛОВ

Леонид РЕШЕТНИКОВ



Иван СТАДНЮК

МИРНОЕ НЕБО

В ЭТОМ романе — поначалу на удивление! — нет главного героя. Все персонажи одинаково занимают автора. И главный конструктор Умнов — создатель противоракетной системы «Меркурий», и его заместитель — ученый Бугаков, и маршал Инов, выступающий в качестве куратора противоракетной системы, И министр вооружения Звягинцев. И начальник испытательного полигона в Шантарске генерал Сергеев. Да, все они. И еще другие: молодой талантливый и неудачливый в любви военинженер Гладышев, его неизвестный счастливый соперник, в прошлом командир ракетной части, а ныне главный инженер полигона полковник Фурманов, начальник отдела полковник Моренов... Столь широкий охват человеческих судеб и взаимоотношений закономерен и оправдан. Более того, он необходим для воплощения авторского замысла. Ибо труд этих людей необычайно тяжел, он не по плечу одному. Еще бы — «Меркурий» призван защитить от ракет наши города, а быть может, жизнь на всей планете. И на всех, кто причастен к рождению и введению в строй этой противоракетной системы, возлагается задача глобальная: вести битву за жизнь.

Произведение о современной армии — так, пожалуй, можно было определить суть этого романа (это третья книга трилогии Н. Горбачева: читатель знает его романы «Дайте точку опоры» и «Ударная сила»). Но я бы сказал иначе. Скорее это произведение о влиянии НТР на сегодняшнюю армию. А жанр — производственный роман. Именно производственный, ибо конфликты, которые исследует писатель, характеры прежде всего для нашей «рабочей» темы. С той лишь разницей, что события «Битвы» разворачиваются не в цехах завода, а в кабинетах военачальников, на полигоне. Идет борьба за торжество новых военно-технических идей. Естественно, у этих новшеств веяний есть приверженцы. Но есть и консерваторы.

Итак, сперва о тех, кто не способен остаться на передовых позициях НТР в военном деле. Пожалуй, один из наиболее интересных образов в этом «стане» — генерал Кравцов. Человек этот по временам «ловил себя на тщеславной мысли, что стоит в центре великих событий. И не как пассивный наблюдатель — нет, нет, он влиял на них, он направлял их.

...По всему его виду, поступкам, приемам окружающие его люди должны чувствовать, должны об этом догадываться, должны видеть, кто они и кто он!»

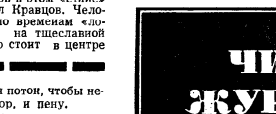
Естественное (и похвальное) желание руководителя видеть рядом людей неординарных, передовых подменено у Кравцова этаким «наполеонством». «Масштабным», «элитным» он мнит прежде всего себя. Любопытно, какие недостатки находит Кравцов в Сергееве: прямолинеен, открыт, уязвим, не политик, не дипломат... Отсюда и наверженец сомнительной «мудрости»: «с начальством не спорить, не вступать в прямые противоречия, потому что это равно, что лить воду против ветра — все брызги на тебя же и летят». Разрались в этом человеке «особое чутье, особая изворотливость, помогающие до поры до времени снять с себя ответственность, отвести «прямую вину» за очиновничье равнодушие, за отсутствие собственной точки зрения, привычно заменяемой угодничеством перед теми, кто «сильнее», на кого надо делать ставку.

Этим одиночкам противостоит в романе мощный, сплоченный общей целью коллектив создателей новой современной оборонной системы. Каждый из героев, составляющих коллектив «Меркурия», не просто «единица», затерянная в массе. Н. Горбачев сумел нарисовать характер, личность — крупную, индивидуальную. Эти люди сильны, неодолимы не только своей сплоченностью. Каждый из них нравственно, духовно сильнее, убежденнее любого из стана кравцовых. Каждый из них самые высокие требования предъявляет прежде всего самому себе. Маршал Янов, посвятивший себя без остатка, «без зазора» делу родной армии, в какой-то момент осознает, что годы давят, нет былой легкости в преодолении сложных вопросов, и считает долгом освободить место более молодому и, быть может, более талантливому преемнику. Или начполигона Моренов, узнав, что сын втянут в уголовную историю, полковник подает рапорт, в котором указывает, что не имеет морального права воспитывать других после случая с сыном... Нравственный максимализм Умнова или Сергеева, Инова или Гладышева неотделим от их гражданской позиции. Для молодого офицера Валерия Гладышева его личное, как и у старших товарищей, слито с общим делом: и в минуты, когда неисправность ракеты втянут в вероятность колебаний идет на риск, на самоотречение ради спасения «Меркурия».

Одолеть беспринципность и карьеризм, маловерие и косность могли только люди по-настоящему партийные, сильные своей убежденностью, исполненные высокого гражданского долга. Мы, читатели, встречаем победу сторонников «ультрасовременного» комплекса «Меркурий» как событие закономерное, как утверждение высоких морально-этических качеств советских офицеров.

С большой художественной силою, проникновенно и убедительно показывает Н. Горбачев, как мир, завоеванный отцами, зорко стерегут сыновья.

Георгий МИРОНОВ



Николай Горбачев. «Битва». Роман. Журнал «Звезда», №№ 11, 12. 1976.

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

Миколас Слуцкис. «На исходе дня». Роман. Авторизованный перевод с литовского Б. Залесского и Г. Герасимова. Журнал «Дружба народов», № 1, 2, 3. 1977.

УРОКИ ОДНОЙ СУДЬБЫ

ЭТО из «Жажды» М. Слуцкиса: «Каков, по-вашему, самый лучший финал? — В драме — смерть, шеф».

В романе «На исходе дня» финал именно таков, и для прозы М. Слуцкиса он не нов. Юный Ригас Наримантас погибает, и притом неожиданно. Из разговоров выясняется: Ригас сел за руль, знав (забыв?), что тормоза не отлажены, и разбился.

Смерть очищает Ригаса. Он остается в памяти отца красивым, сильным, залитым утренним солнцем, сохранившим в себе «что-то детское». Все раздражение отца и сына исчезнет, отогревается как несущественное. Но трудно забыть слова старшего Наримантаса, обращенные к Ригасу: «От проницательности твоей робеют. Хочется не только руки и лицо — всего себя вымыть». Проницательность, от которой тошнит, — это известная проницательность пошлости и цинизма.

Смерть примиряет с Ригасом и читателей. Копившаяся к нему неприязнь теряет свою остроту, да и не злорадствовать же нам! Конечно. Ригас презирал тех, кого изо дня в день трудится, их обыденное существование, но он был молод, и, значит, не все еще было потеряно.

С этой неожиданной смертью смысл романа вдруг замыкается на Ригасе. Остальное, казавшееся не менее важным и даже более серьезным, куда-то отступает и пребывает в неясности и неоконченности. Среди остального судьбы отцов — хирурга Наримантаса и крупного руководителя Казюкенаса, — может быть, самое значительное в этом современном романе об «отцах и детях». И не столько даже судьбы, сколько состояние их жизни, их душ в дни нелегких испытаний.

Так какой же особый смысл скрыт в истории Ригаса, в его страшной смерти? В его разочарованиях и обольщениях, в его томлении и мечтах — этих страстных притязаниях на сладкий и большой кусок со стола жизни?

Излюбленные приемы М. Слуцкиса — то, что называют «потоком сознания», «внутренним монологом», — позволили ему держать душевный мир своего молодого героя открытым, распахнутым, не вводя читателя в заблуждение «благородными фразами, целомудренными масками...» Тут все начистоту: нравится не нравится, а мой Ригас таков... Поток сознания на то и потоки, чтобы нести и мусор, и пену.

Чем воспринимается психологическое письмо, тем противоречивее противоречивое, тем сложнее сложное. Связь и смена ощущений, представлений, мыслей в сознании героя фиксируются теперь М. Слуцкисом с еще большей искусностью и тщательностью, чем, например, в «Жажде», наиболее близкой по материалу. Но при этом иногда возвратает и степень условности: описывается, называется все, что человек действительно ощущает, даже то, что обычно он не успевает или не испытывает нужды называть, определять, и без того понимая, чувствуя, что с ним происходит. И вот тогда-то замечаешь, что порою эта удивительная тщательность словно бы уже не поощряет, а тнетет наше воображение обилием удержанных мелочей, обилием названного.

У Ригаса — присутствует зеленой доске пола в каком-то очень простом и наденном инные, когда Ригасу на мир открывается одна из неопровержимых истин человеческой жизни.

Ригас погибает не потому, что таким, как он, нет места в жизни. Скорее он погибает потому, что писатель не знает, как быть с ним дальше. Пустить его по стезе добродетели, женить на Владе, пронять чувством отцовства — противоречит тому, что он успел наговорить. Пустить по стезе заурядного порока, чтоб бросил Владу и ребенка, отыскал «богатую невесту», — тоже скучно и пошло. Так пусть лучше он погибнет, и под занавес прозвучат слова, что нужно было вмешаться и «разбудить Ригаса, сомнамбулически ходившего над пропастью по канату...» и все это вкупе будет означать, намекать, что тут есть над чем подумать, что вот, делаешь, упреждая молодой, талантливый, дерзкий, полный больших ожиданий, — не догляди, не поддержали. Все правильно, внимания ему не хватало, но при чем тут пропасть и канат? Фразой о пропасти и канате писатель пытается сделать Ригаса значительнее, чем он есть. Его смерть отразила противоречивое отношение автора к своему юному герою: эта драматизировала и приподняла

ли он в первом или в третьем лице — великое множество разяных слов. Это какое-то проговаривание, пробалтывание жизни. Его «занимают просверки бытия, достойные чего-то большего, чем забвение». В больничном кабинете он увидел отца в стоптанных шлепанцах и подумал о «бессилии его духа». Он ясно представлял себе, какие «нехитрые мыслишки» у его свекрашка...

Ригасу казалось, что сила духа несовместима со стоптанными шлепанцами. Она совместимее с «мерседесом» и коньяком «Реми-Мартин». Ригас без конца твердит о том, что «обязан» думать о себе, о предстоящей ему «крупной игре», о маршруте, от которого нельзя отвлекаться, о заветной цели, похожей на «широкую магистраль без ограничений скорости, запрещающих знаков и шлагбаумов». До поры, пока Ригаса, наблюдать за ним интересно, но затем замечаешь, что он однообразен и монотонен и на девяносто процентов состоит из претензий. Писатель не хочет, чтобы его герой «очли безнадежно пошлым, надоедливо-наглым, и время от времени Ригаса посещают остужающие мысли насчет пустоты его бытия, и прозывается вдруг тоска «по простому человеческому целомудрию». Но соотвстие к Ригасу возникает в нас невсадолго, и какое-то умственное. Слишком мало «просверков» живого, естественного бытия выпадает в романе на его долю, слишком много «мировой скорби», «вечных вопросов» и мелкого обличения ближних. Может быть, самый яркий «просверк» — босые, растоптанные ступни Влады на раскрашивающей

над будями то, что объективно на протяжении романа выглядело как умственное-пошлое сознание и существование.

Два события с далеко идущими последствиями открывают этот роман, словно пролог. Загородная прогулка сводит детей — Ригаса и Владу, болезнь сводит отцов — Наримантаса и Казюкенаса. Роман изображает состояние нравственного и духовного кризиса, из которого люди выходят, словно из лабиринта. Образ лабиринта все чаще возникает к концу романа, связывая единым ритмом ситуации и Наримантаса, и Казюкенаса, и медсестру Наямунте, и доктора Рекуса. Это лабиринт болезни, лабиринт борьбы с ней, лабиринт воспоминаний, личных отношений, вины и раскаяния, лабиринт мыслей о своей и чужой пользе, о пошле и необходимости усилий. Тяжелее всех в том лабиринте Казюкенасу, начальнику какого-то важного главка.

Явление Казюкенаса в мире, который изображает писатель, все равно что явление «кометы», чего то непостижимо высокого и сверкающего. Вся эта суматоха кажется «громерной хотя бы потому, что захватывает всех без разбору, словно чувство достоинства атрофировано. Много интереснее, что М. Слуцкис написал человека, воистину шагающего «из грязи в князи». Не испытывая большой приязни к этому своему герою, писатель поставил быть объективным, наделив его ясным и жестким умом, мужеством, честной памятью. Приходит час, и общее прошлое предстает перед глазами Казюкенаса и Наримантаса, и открывается постепенно, как тесно и прочно его связаны эти судьбы

и характеры, эти когда-то соперничавшие жизни! И еще открывается, что в мире романа все люди тончайшим образом соединены, и все время между ними что-то происходит, возникает и рвется; кажется, что слышишь электрическое потрескивание от этих каскадий и столкновений, и тогда понимаешь, как поддерживается в повествовании напряженная, неуспокоенная жизнь чувства и мысли.

Сам воздух романа насыщен осознанными и неосознанными страстями и влечениями, обрывками воспоминаний, навязчивыми образами, смутными ощущениями и догадками, плутающими мыслями и мыслями, ищущывающими дорогу. Вне всего этого, вне причуд и парадоксов чувства, вне нрвиц и забав случая с его «тайнописью» у Миколаса Слуцкиса человека нет.

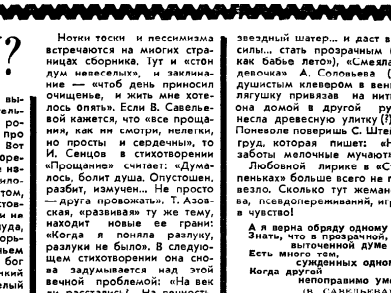
Писателя мало занимает бытовой смысл каких-либо фактов или предметов. У роз, переданных Казюкенасу неной красной женщиной, «удивительный аромат». Они лишены очарования, как «лишаются его цветы, засыпающие могильный холмик». Казюкенас ждал ее, ждал знака любви и надежды, а розы означали вежливое прощание: какой теперь прок от вас? И что-то непоправимо рушится в его душе...

Старший Наримантас «верил лишь в то, что сам разрезал и сшил собственными руками». Но оперируя Казюкенаса, он не довел дело до конца, подчинившись чужой воле, подавившись чувству ложной сверхответственности. Он выпустил из рук «чадящий факел», и теперь совесть его блуждает и томится. Но что бы еще ни случилось, что бы ни было, Наримантас сохранает веру не в милосердие, а... в «хороший инструмент». И выход из лабиринта вины, горя, разочарования у него один: каждое утро слышать «знакомое гулкое эхо» своих шагов в белых стенах больницы.

М. Слуцкис написал книгу, полную беспокойства за тех, кто иногда принимает мерцание гнилушек на своих путях за истинный свет. Смысл романа значительно шире «уроков Ригаса», его жизни и смерти, его увлеченного «самокопанья» на не очень глубоких местах. Через опыт и судьбы «отцов», через притяжение — отталкивание их внутренних миров нам дано почувствовать, как бывает одинок, и обособлен человек, погашенный собой — своей карьерой, корыстью, выгодой, удобством, как ненадежно, непрочно в таких случаях все его благоденствие, успех, слава, высокое положение. Недаром так потрясает героев романа умирающий шофер, который до последней минуты помнит о чужих, неоведенных им деньгах. То есть помнит о других людях, о своей ответственности перед ними. Этот шофер словно возвращает Казюкенаса, Наримантаса и других к каким-то очень простым и ясным принципам жизни. Да и сама болезнь Казюкенаса возвращает к ним же. Может быть, весь «кризис» и мысли о «лабиринте» от того, что этим людям, с их сложным разными комплексами и разочарованиями, не хватает желания и воли отвлечься от себя и вспомнить, что не единым собою жив человек. Кажется, этим «людям рассудка» не хватает живого чувства, его тепла. Испытания, выпавшие на их долю в романе, не проходят бесследно, но писатель нечего не обещает; жизнь и работа продолжаются, и это пока единственное, что твердо знает Наримантас.

При всем своем, порою избыточном, дробящем целое психологизме, излишней драматизации ситуаций, роман касается весьма существенных сторон быта и нравственного состояния современного человека. Он заставляет задуваться над делами и притязаниями личности, над опасностями индивидуализма, разобщенности и потребительского идеала, над тем, наконец, как трудно отличать мнимые ценности от подлинных и как мучительно дается прозрение...

И. ДЕДКОВ



Языком графики

Художник Д. Трифан. Журнал «Кодры», № 2. 1977.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Мамеду РАГИМУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе направили Мамеду Рагиму приветствие:

«Секретариат правления Вас, замечательного азербайджанского советского поэта, со славным юбилеем — семидесятилетием со дня рождения.

Один из зачинателей литературы социалистического реализма в Азербайджане, Вы внесли значительный вклад в становление и развитие азербайджанской советской поэзии.

На протяжении более полувека активной творческой деятельности Вы издали десятки сборников стихов и поэм, в которых нашли яркое отражение гигантские свершения, мирный созидательный труд советских людей.

Этапным событием на Вашем творческом пути явилась поэма «Над Ленинградом», посвященная героической борьбе народа нашей Родины за свою свободу и независимость в годы Великой Отечественной войны.

Широкую известность Вам принесла и переводческая деятельность. Благодаря Вашим мастерским работам азербайджанский читатель впервые прочел на родном языке многие произведения Пушкина, Лермонтова, Руставели, Шиллера, Туманяна и других классиков мировой литературы.

Родина высоко оценила Ваши заслуги перед советской литературой. Народный поэт Азербайджана, заслуженный деятель искусств республики, Вы удостоены Государственной премии СССР, награждены двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции, многими медалями.

Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни».

В. В. ЧЕЛИДЗЕ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили Вахтангу Васильевичу Челидзе приветствие:

«От всей души поздравляем Вас, известного писателя и переводчика, активного общественного деятеля, со знаменательной датой в Вашей жизни — шестидесятилетием со дня рождения.

Вы по праву являетесь достойным продолжателем традиций великого И. Мачабели, с именем которого связан расцвет художественного перевода в Грузии. Грузинским читателям и зрителям высоко оценили Ваши переводы произведений Мильтона, Диккенса, Дефо, Флетчера, Скотта, Твена, Голсуорси, Лондона, Киплинга, Роллана, Хемингуэя, Стейнбека, Уильямса, Миллера, Сэлинджера и других.

Широкой популярностью пользуется Ваш биографический роман «Жизнь Ивана Мачабели», вышедший отдельной книгой в 1954 году и с тех пор не раз переиздававшийся. Вам принадлежат также интересные публицистические статьи и литературные портреты. В последние годы интенсивно работаете Вы над созданием популярной историии Грузии для школьников в четырех книгах.

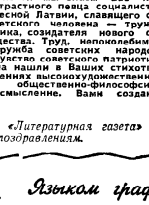
Радостно отметить, что Ваш творческий труд постоянно сочетается с активной общественной деятельностью. В разные годы находясь на ответственных постах — заместителя редактора журнала «Дроша», главного редактора «Ниаиги» и «Цискари», начальника управления по делам искусств Министерства Грузинской ССР, директора государственного издательства «Сабчота Сакартвело». Вы всегда удачно сочетали добросовестность с принципиальностью в решении больших и малых вопросов нашей литературной и издательской работы.

В настоящее время Вы являетесь главным редактором газеты «Литературули Сакартвело», членом президиума правления Союза писателей и правления Союза журналистов Грузии.

Партия и правительство высоко оценили Ваш труд, наградив Вас двумя орденами «Знак Почета» и медалями.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, неиссякаемой творческой энергии».

Андрису ВЕЯНУ — 50 лет



Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по латышской литературе направили Андрису Веяну (Калнгузу Дзенису Гроникмовичу) приветствие:

«От души поздравляем Вас, известного латышского поэта, с пятидесятилетием со дня рождения.

С дней Вашей поэтической юности мы знаем Вас как страстного певца социалистической Латвии, славящего советского человека — труженика, создателя нового общества. Труд, непонравленная дружба советских народов, чувство советского патриотизма нашли в Ваших стихотворениях высокохудожественное и общественно-философское осмысление. Вами созданы яркие поэтические картины природы Латгалии — Вашего родного «края голубых озер», правдиво раскрыта прошлое народа, его путь к тем грандиозным преобразованиям, которые принесла Советская власть. Будучи истинным патриотом своего края, Вы выражаете высокое чувство социалистического интернационализма, утверждаете единство советского человека и его Родины, принадлежность лирики современника и актуальнейшим проблемам жизни человечества. В основе Вашей лирики, полюбившейся многочисленным читателям, лежат размышления о смысле и красоте человеческого бытия. Вы утверждаете активную жизненную позицию нашего современника.

Мы признательны Вам за труд большую работу, которую Вы ведете на протяжении долгих лет в качестве редактора общественно-политического и литературно-художественного журнала «Карогс».

Ваша литературная и общественная деятельность высоко оценена общественностью и правительством. Вы награждены орденами Дружбы народов, «Знак Почета», удостоены Государственной премии Латвийской ССР и почетного звания заслуженного деятеля культуры ЛССР.

Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых трудовых и творческих свершений».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ВЕЧЕР В ЦДЛ

В ЦДЛ имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный 60-летию Семена Данилова, народного поэта Якутии, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Председательствовал на вечере секретарь правления СП РСФСР Н. Шундик. Слово о творчестве С. Данилова произнес секретарь Якутского обкома КПСС Ю. Н. Прокопьев. Юбиляра приветствовали В. Боков, О. Вациетис, Т. Кузовлева, К. Кулиев, М. Львов, А. Мирзаитов, С. Поделков, В. Солоухин, Н. Старшинов. Со стихами, посвященными С. Данилову, выступил Д. Кугультинов.

К вечеру была приурочена выставка книг, фотографий, рукописей, рассказывающая о жизни и творческой деятельности С. Данилова.

О. ГАВРИЛОВА

ГОРЕСТНЫЕ ЗАМЕТЫ

КУДА ВЕДУТ СТУПЕНЬКИ?

КАЗАХСТАНСКОЕ издательство «Жазушы» выпустило коллективный сборник «молодых поэтов» (так утверждается в предисловии) — «Ступеньки». Шаг, бесспорно, заслуживающий похвального слова. И оно уже произнесено критиком Н. Ровенским, раздавшим в республиканской прессе комплименты почти всем участникам этого издания. Но вот что странно: среди авторов «Ступеньки» молодых-то, в сущности, и нет — большинству за сорок или около сорока лет. Может быть, для составителя сборника В. Бадикова поэты, представленные тут, мало чем отличаются друг от друга. Но как мог не заметить этого опытный критик? Ведь он-то знал их и о некоторых даже писал в свое время.

Словно бы чувствуя шаткость определения «первые ступеньки», издательство особо отметило эту двойственность в предисловии. С одной стороны, авторы как бы «делают свои первые шаги в литературе — поднимаются на первые ступеньки» (утверждает составитель), с другой — как бы и не делают: «возможно (?!), на страницах газет или журналов, на обложках первых тоненьких сборничков вам уже встречались их имена». Так встречались или не встречались? Развеем эти сомнения: встречались! У В. Грозного, А. Баковски, О. Постникова, Н. Алексеева, С. Штейнгруд выходили книжки, остальные же, пользуясь терминологией автора предисловия, уже не на первой, а где-то на второй ступеньке. Зато не попали сюда действительно молодые поэты — такие, как В. Нагибин, В. Водолазов, чьи стихи были отмечены на недавнем республиканском совещании молодых писателей.

«Ступеньки» открываются стихотворениями В. Ащеулова, претендующими на гражданственность, но написанными банально, нерешительно и местами просто неграмотно. «Не мерили сверки трепетные зори (!), среди степи вставали города, слепил глаза тот, медный, отлеск зарен и звезды на электропроводах». Они что, электропровода, замкнулись? В шести строчках весь набор дежурных красот — «трепетные зори», «вставшие города» и т. п.

Открыв «Ступеньки» подобной имитацией гражданской лирики, составитель решил, что теперь самое время выдать бурет душещипательных, в духе «жестоких романсов» стихотворений про любовь, разлуку и тоску. Вот лирический герой стихотворения Т. Мадагизон при виде надозрелого винограда философствует и горюет о том, что этим кистям «августовскою водой не тяжелеть и не опиться», и в ожидании чуда, пока дозрев виноград, горько кается: «Каким движеньем виноват, что заблудился бог удачи, что детства звонкий грош встречан на недозрелый виноград». Н. Лукуева утверждает, что «брожения сквозь обиды плывет, сквозь обман, сквозь слащавую хитрую ложь, сквозь Несбывшееся и грусть, сквозь твои и мои нежаты». Ей вторит Р. Дериева: «Как нуждается наша тоска в непосредственном отклике, средстве».

Нотки тоски и пессимизма встречаются на многих страницах сборника. Тут и «стон дум неистовых», и заклинание — «чтоб день проносил чувствие, и жить мне хотелось опять». Если В. Савельевой кажется, что «все прощания, как ни смотри, нелегки, но просты и сердечны», то И. Сапцов в стихотворении «Прощание» считает: «Думалось, болит душа. Опустошен, разбит, измучен... Не просто — друга провожать». Т. Азовская, развивая ту же тему, находит новые ее грани: «Когда я поняла разлуку, разлуки не было». В следующем стихотворении она снова задумывается над этой вечной проблемой: «На вех ли расстались? На вечность, пожалуй...» А вот как ее завершает С. Штейнгруд: «Настоящие разлуки навсегда обречены. Онемели мои руки...».

Невнятность или даже отсутствие смысла, длинноты и пустоты встречаются и в таких стихах, как «Судьба» В. Мармонтова («Встанет звездный шатер... и даст вам силы... стать прозрачным (?), как бабье лето»), «Смеялась девочка» Л. Соловьева («С душистым клевером в венке, лягушку привязав на нитку, она домой в другой руке несла древесную улитку (!)»). Поневоле повершь С. Штейнгруд, которая пишет: «Нас заботы мелочные мучают».

Любовной лирике в «Ступеньках» больше всего не повезло. Сколько тут жеманства, псевдопереживаний, игры в чувство!

А я верна обряду одному —
Знать, что я прозрачной,
выточенной думе (?)
Есть много тем,
сужденных одному,
Когда другой
непоправимо умер.
(В. САВЕЛЬЕВА)

В аннотации к «Ступенькам», — пишет в своем письме в «Литературную газету» читательница Н. Сиваева из Джезказгана, — сказано, что это коллективный сборник поэтов, пишущих на русском языке, а во вступлении отмечено, что авторы делают свои первые шаги в литературе. Среди тридцати авторов мне встретилось имя Арпада Бановски. Он пишет стихи на болгарском языке, и в периодике Казахстана уже полтора десятка лет публикуются переводы этих стихов. Но дело не только в мнимых первых ступеньках, а и в том, что в сборнике опущено имя переводчика всех трех стихотворений А. Бановски — Юрия Груунина. 11 лет назад (11 лет! — Ю. Ш.) в журнале «Простор», № 8, имя это стояло...»

Да, многоголосый мир молодой поэзии остался за пределами «Ступеньки». Он вытеснен серыми, безликими стихотворениями, нуждающимися в «непосредственном отклике» редактора.

Ступеньки-то должны вести вверх!

Юрий ШАПОРЕВ

АЛМА-АТА

Александр

ТВАРДОВСКИЙ

Газета «Красная звезда» и ее читатели очень любили Александра Твардовского, хотя он и не состоял у нас в штате, а служил в газете Западного фронта «Красноармейская правда».

Не часто известному уже в ту пору поэту доводилось бывать тогда, в военные годы, в Москве. Но, приезжая в столицу, он обычно заглядывал и к нам, в «Красную звезду»...

Я вспоминаю сейчас декабрьский вечер 1942 года. В редакторский кабинет вошел Твардовский. Мы уже с ним знакомы. Здороваемся — и прямо к делу.

— Что принесли? — спрашиваю поэта.

— Я знаю, что вы не любите Теркина, и все же принес его,— ответил Твардовский и вручил мне несколько листков стихотворного текста. Это была глава «Василий Теркин» — «Кто стрелял?».

Признаться, подобное вступление меня несколько удивило, но редактору полагается читать рукопись, тем более такого поэта... И я засел за чтение. Прочитал. Глянул на автора, говорю ему:

— Товарищ Твардовский, да ведь это не тот Вася Теркин, которого я не любил...

Здесь необходимо кое-что пояснить: во время боев на Карельском перешейке зимой 1939/40 года во фронтовой газете «На страже Родины», где служил тогда Твардовский, печатались частушки лихого солдата Васи Теркина, который выглядел лубочной фигурой, и в огне не горевшей, и в воде не тонувшей... Естественно, что в тех трудных боевых условиях лубок не пользовался успехом. А сейчас передо мною были совсем иные стихи и совсем другой Василий Теркин — умный, сильный, веселый, словно выкованный из самой солдатской жизни.

Конечно, я сразу же отправил стихи в набор.

Твардовский сидел у меня, пока не принесли верстку, стихотворение его заняло почти две полосы. Поэт внимательно вычитал и подписал набор.

Работая над этой книгой воспоминаний, интереса ради я решил сличить стихи «Кто стрелял?», опубликованные тогда, в декабре 1942 года, в «Красной звезде», с текстом, недавно напечатанным в собрании сочинений Александра Твардовского. Тогда, в сорок втором, эти стихи показались мне от начала до конца безупречными. А теперь я вижу, что в ту пору редакторский глаз, да и сам автор в газетной спешке не все заметили. Вот, например, в книжном варианте читаем такие строки:

В полверсте, в кустах — противник,
Ту шагам и пядям счет.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет.

В газетном варианте отсутствуют строки «Ту шагам и пядям счет». В книге не оказалось таких, опубликованных в «Красной звезде», строк:

По порядку опросили,
Разыскали, наконец.
— Кто стрелял?
— Стрелял Василий Теркин.
— Звание?
— Боец...

Вместо них поэт позже написал новые, по-моему, более яркие, точные, завершающие главу «Кто стрелял?» строки:

С этой шуткой-поговорной,
Облегчавшей батальон,
Перешла в герои Теркин, —
Это был, помнится, он.

...И еще одна встреча. Под вечер седьмого января 1943 года Твардовский снова заглянул в «Красную звезду». В редакции царило напряженное оживление. Боевые дела в Сталинграде шли успешно: через несколько дней, как нам было известно, должна была начаться операция по уничтожению группировки Паулюса. На севере советские войска готовились к прорыву блокады Ленинграда. Материал шел в газету широким потоком. В этот же день на страницах «Красной звезды» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии и фотографии погон. Помнится, накануне мы сдали текст в набор, расчитали полосы... В это время мне позвонил начальник тыла Красной Армии генерал А. В. Хрулев и сказал, что Верховный Главнокомандующий хотел бы посмотреть, как в газете будут размещены материалы о погонах. Захватив еще влажные полосы, мы с Хрулевым отправились в Кремль. Нас пригласили в кабинет Сталина, который привычно шагал из угла в угол кабинета.

Как только я разложил на столе завтрашние полосы «Красной звезды», Сталин стал внимательно читать первую страницу, на которой были сверстаны Указ Президиума Верховного Совета СССР и фотографии маршальских и генеральских погон. Потом разглядывал вторую полосу с погонами офицерского и рядового состава. Наконец прочитал передовую, кое-что поправил и приказал мне передать в ТАСС, чтобы по образцу «Красной звезды» материалы о погонах были так же сверстаны и в других центральных газетах. После небольшой паузы он весело заметил:

— Ну и разговоров будет завтра...

...Да, в те дни в редакции было хорошее настроение. Обычно такие минуты люди особенно радуют гостям. Тем более мы были рады Твардовскому, которого к тому времени у нас в редакции уже считали своим, можно сказать, постоянным сотрудником «Красной звезды» и знали, что с пустыми руками он в газету не придет.

Поэт был, как я заметил по светившейся в глубине его светлых глаз улыбке, тоже в хорошем настроении. Он был чем-то воодушевлен, даже весел, но, видно, основательно промерз в тот студеный зимний день и все время потирал руки. Я усадил его на диван, поближе к батарее, и обратил внимание на материалы сегодняшнего номера газеты:

— Читали?

— Читал, — ответил он и после небольшой паузы добавил: — Вот к указу о генеральских погонах я и принес своего «Генерала»...

Это была новая глава «Василия Теркина», которую я, разумеется, тут же прочитал.

— Подходяще! И даже очень! — сказал я автору.

Я сразу отправил новый «кусок» поэмы в набор и, чтобы быстрее получить гранки, приказал раздать оригинал на три линотипа.

Как и в прошлый раз, я не отпустил Твардовского, пока нам не принесли гранки. Завел его в свою комнату, согрелся чайком, разговорились мы о боевых делах. От него-то я впервые узнал о распространившемся уже в то время среди военных газетчиков слухе о некоем сановном подполковнике, прибывшем однажды обследовать газету «Красноармейская правда»... Он настойчиво требовал у Твардовского месячный план его работы и, как он объяснял подполковнику, что поэт обычно просто пишет стихи в номер, не составляя ни месячных, ни квартальных планов, — «ревизор». Сначала, не унимался и в графе «недостатки» поставил свою начальственную «галочку».

Кстати, этого подполковника я хорошо знал. Писатели и журналисты часто вспоминали его недобрым словом: если кто-нибудь из пишущей братии просился на северный участок фронта, его непременно посылали на южный, и, наоборот, кто просился на юг, тот попадал на север. Однажды «пишущая» рота быстро научилась маневрировать: они просились в противоположный район боевых действий, чтобы попасть туда, куда стремились.

— Хуту, — заметил весело Твардовский. — Но я пока никуда не собираюсь...

И действительно, до конца Великой Отечественной войны он доблестно служил в «Красноармейской правде».

...Но вот принесли сырые гранки «Генерала». Я оставил Твардовского вычитать их, радуясь тому, что завтра в газете будет великолепный поэтический материал. Новые стихи Александра Твардовского заняли в полосе высокий подвал.

...Да, не раз Александр Трифонович заглядывал в «Красную звезду». В нашей газете печаталось немало его стихотворений. И все же каждый раз мы с нетерпением спрашивали:

— А когда будут новые главы «Василия Теркина»?..

Всеволод

ВИШНЕВСКИЙ

В первом военном номере «Красной звезды» от 24 июня 1941 года была напечатана статья Всеволода Вишневского «Уроки истории», каждая строка которой дышала непреклонной ненавистью к врагу и глубокой верой в нашу победу над фашистской Германией. С того дня он стал нашим постоянным автором. Вишневский выступал в «Красной звезде» в разных жанрах, начиная с рассказа «В море», очерка «Балтийцы» и корреспонденции о слете снайперов на Ленинградском фронте.

Генерал-майор Д. И. Ортенберг в годы Великой Отечественной войны был главным редактором «Красной звезды». На страницах этой газеты выступали многие известные советские писатели. Воспоминания о встречах с ними легли в основу книги Д. И. Ортенберга «Время не властно». Сегодня мы в сокращенном виде публикуем фрагменты из второй ее части.

Д. ОРТЕНБЕРГ

ОСТАНЕТСЯ НАВСЕГДА

Одни из таких слетов состоялся в 23-й армии. Туда и выехал по просьбе редакции «Красной звезды» Всеволод Вишневский с нашим ленинградским корреспондентом Валентином Хейстером, мужественным военным журналистом. Вишневский писал мне о нем: «Он один из ленинградских могикан. Работает здорово, часто выезжает в дивизии, полки, ползает под огнем...»

Много примечательного видел и узнавал в те дни писатель в сражающейся армии. Снайперское движение широко распространилось во всех дивизиях и полках. Только в одной 23-й армии уже насчитывалось около 1500 таких первоклассных стрелков. Родились целые снайперские взводы и роты.

Слет прошел интересно. Но не меньшее впечатление на Вишневского произвели переживавшиеся нами под бани встречи и дружеские беседы со снайперами. Среди них были и бойцы морской пехоты. И хотя они носили обычную армейскую форму, все же, вспоминал потом мне рассказывал Хейстер, Вишневский, старый моряк, легко узнавал «своих», флотских, по каким-то неприметным для других признакам — выправке, говорку, жестам...

Закончился слет. Торжественно прошел относительно сытный ужин, что в те голодные дни тоже было немаловажным событием. Можно было отправиться домой, но Вишневский не уехал.

— Теперь я должен увидеть их на боевой позиции, там, где они воюют, — сказал писатель.

И остался в армии, узнав, кстати, что много снайперов лихо сражается и в морском батальоне. Вот к ним, в район Белоострова, он и направился по лесной дороге... В блиндаже комбата на карте ему показали обстановку, и он уже было собрался на переднюю по выбитым много народа — писателя не выпустили, пока обо всем не поговорили с ним. Потом одели его в белый маскировочный халат и повели на огневые позиции. Оглядел Вишневский глухие углы, где охотились снайперы, а заодно успел поговорить и с разведчиками, отправлявшимися в тыл врага за «языком». И лишь в ночь возвращался в Ленинград, чтобы засесть за очерк для «Красной звезды».

Напечатали мы очерк Вишневского «Балтийцы». Для обороны побережья Финского залива Ленинграда и ряда прилегающих прибрежей, сообщал автор очерка, Балтийский флот выделил несколько десятков тысяч моряков. Из них были сформированы отдельные части, морские бригады. Они встали плечом к плечу с боевыми товарищами — красноармейцами. Гитлеровцы страшно боялись моряков. Узнав, что перед ними краснофлотцы — «ди шварце тотте» («черная смерть»), фашисты обычно прекращали атаки. О мужестве и героизме моряков Вишневский увлеченно рассказал в этом очерке.

...Вспоминаю также его «Голос сердца». Это, собственно говоря, был не очерк и не статья, а просто-напросто письма ленинградцев. Вручили их Вишневскому на кораблях и в морской пехоте. Он предпослал им несколько следующих строк:

«Второй год ведет Ленинград беспримерную оборону против немцев.

Высокие образцы стойкости, неслабеющего духа и не прекращающейся ни на минуту боевой активности показывают граждане Ленинграда: и бойцы армии, моряки, женщины, дети, — горожане и колхозники.

Пусть эти письма, которыми я располагаю, поведают о людях Ленинграда, города воплощенной стойкости».

Были здесь письма раненых краснофлотцев, которые просили взять их из госпиталя обратно на корабль. Было письмо отца, сын которого — моряк — погиб в боях за Ленинград. Отец решил заменить сына в боевом строю...

В конце сорок второго года имя Всеволода Вишневского стало реже появляться на страницах «Красной звезды», и это, конечно, огорчало наших читателей. Я послал Всеволоду Витальевичу телеграмму:

«Обнимаю, с интересом читаем в «Правде» ваши очерки. Когда же нам дадите?»

И сразу же получили его ответную депешу. Она обнадежила и даже рассмешила нас:

«Спасибо за телеграмму. Жаль, что нет добавочной правой руки и добавочных двенадцати часов в сутки. Но раз есть задание — постараюсь выполнить».

И действительно, вслед за этой телеграммой он прислал «Голос сердца»...

...В январе 1943 года, в дни прорыва блокады, я отправился в Ленинград и встретился здесь с Всеволодом Вишневским. Он рассказывал о боевых ленинградских делах, подробно расспрашивал о Толстом, Эренбурге, Симонове...

Я пробыл на Ленинградском фронте несколько дней. Пришла пора уезжать в Москву. Мы обнялись. На прощание Всеволод Витальевич сказал:

— Теперь и вам в Ленинград, и мне в Москву ближе ездить...

Возвращался я в Москву по только что освобожденной во время прорыва блокады дороге.

Лев СЛАВИН

В первый же день Великой Отечественной войны Лев Славин явился в редакцию газеты «Известия», с которой был связан многие годы. Но мне удалось «перехватить» его, и спустя девять дней, 1 июля, начальник ПУРа подписал приказ о назначении специальным корреспондентом «Красной звезды» писателя Льва Исаевича Славина, с которым мы подружились еще в 1939 году на Халхин-Голе.

Славин сразу же примчался к нам в редакцию. Мы обрадовались встрече, вспомнили, разумеется, Халхин-Гол и приступили к делу.

Писатель направился в Ленинград. Машина, на которой он ехал из Москвы, была, пожалуй, одной из последних, свободно проехавших в город Ленина... Перед отъездом Славин просил меня, чтобы с ним направили Михаила Светлова. Знаменитый поэт уже успел напечатать в «Красной звезде» несколько стихотворений и, конечно же, получил желанную командировку.

Жили Славин и Светлов в полуразрушенной гостинице «Астория», не было здесь ни света, ни воды. Выбрали они не «люкс» или другие шикарные апартаменты, хотя эти пустовавшие жилые помещения были предоставлены в их полное распоряжение, а жили в полутемной, тесной комнатушке, где было одно, очень важное достоинство — ее защищала кирпичная стена, менее досягаемая для вражеских снарядов... Фашисты обстреливали город непрерывно. Славин — бывалый всякое, солдат, порожник первой мировой войны и халхингольец — легко, по звуку, различал калибр пролетающего снаряда и этой премудрости учил Светлова.

Всеволод Вишневский беседует с разведчиками. 1942 год.

Александр Твардовский на Западном фронте. Лето 1943 года.

За время работы в сражающемся Ленинграде, пожалуй, не было такого участка фронта, на котором бы не побывал Лев Славин. Разумеется, он заглядывал и в большие штабы. Прослушав, что на Ленинградский фронт прибыл новый командующий — Г. К. Жуков, писатель на второй день отправился в Смольный. Георгий Константинович, хорошо знавший Славина еще по Халхин-Голу, радушно, дружески принял его. Писатель спросил командующего:

— Куда бы вы посоветовали направиться корреспонденту «Красной звезды»?

— А где вы живете?

— В «Астории»...

— Вот и поезжайте в «Асторию», — сказал Жуков. Заметив недоуменный взгляд Славина, он пояснил затем: — Сейчас на всех участках одинаково плохо...

Но в «Астории» наш спецкор не задерживался, невозможно вырыть: под нами — камень, гранит. И все же в палатке Овчаренко всегда было опрятно. В углу под наклонной бревенчатой «стеной» — шкафчик с книгами, единственная роскошь, которую позволял себе на фронте комиссар дивизии. Он не пил спиртного, не курил, весь сиял чистотой, душевной и телесной. Это был жизнерадостный, открытый человек с рыцарским характером, храбрый и прямой. Дивизия обожала Овчаренко за веру в победу, за храбрость, справедливую строгость и ласковость, за сердечное внимание к человеку, за ясный, чуть насмешливый ум.

Так Славин обрисовал облик комиссара, о котором задумал писать повесть.

— Вернусь в Ленинград, — говорил писатель, — поживу еще в дивизии Овчаренко и тогда засяду писать.

Но во время следующего приезда в Москву Лев Исаевич с неутешной печалью неожиданно сообщил:

— Комиссар Овчаренко погиб от прямого попадания фугаски.

...В середине июля сорок первого года редакция вызвала Льва Славина из Ленинграда в Москву на совещание. Увидел я его и обомлел: худой, истощенный, со впалыми щеками, с синевой под глазами. Спецкор рассказал о делах, ни на что не жаловался. Но я не пустил его сразу в Ленинград и в тот же день подписал такой приказ:

«Специальному корреспонденту «Красной звезды» Славину Л. И. предоставить отпуск с 19 ноября по 9 декабря с. г.».

Это был единственный случай в тот неимоверно трудный военный год, когда кому-либо в редакции «Красной звезды» дали передышку.

Вернувшись из отпуска, который он провел с семьей в Свердловске, Славин снова отбыл во фронтовой Ленинград.

Во время небольшой передышки в тылу писатель малость откормился — впрочем, по его словам, не очень, ибо и там было «не жирно», — полюбовался незатемненными улицами, а главное — написал повесть «Два бойца», по которой впоследствии был поставлен знаменитый фильм с незабываемым Марком Бернесом и Борисом Андреевым в главных ролях.

Положил Лев Исаевич эту рукопись на мой стол, прочитал я ее с удовольствием и спросил:

— Когда же это вы успели?

Писатель объяснил, что заканчивал повесть уже в поезде, который тащился довольно медленно. В «Двух бойцах» он излил свои ленинградские фронтовые впечатления, они переполняли его душу, и поэтому, сказал мне Лев Исаевич, написал он повесть с такой необыкновенной быстротой.

По разным фронтам носила писателя Льва Славина солдатская судьба. На 1-м Белорусском фронте он вновь встретился с маршалом Жуковым, у которого здесь было уже совсем иное настроение, чем в осажденном Ленинграде. Жуков подвел Славина к занавешенной чуть ли не полстены карте, охарактеризовал положение на фронте, на отдельных участках, дал точный адрес, куда надо бы отправиться корреспонденту... А на прощание, кинув беглый взгляд на грудь Славина, на гимнастерке которого была лишь одна медаль «За боевые заслуги», спросил писателя:

— Это у вас за Халхин-Гол?

— Да, Георгий Константинович. По вашему представлению...

— Понятно... А где же награды за Отечественную войну?

Славин смутился:

— Георгий Константинович, война ведь еще не закончилась...

Боевые награды Лев Славин получил еще до конца войны.

* * *

...Вместе с наступавшими войсками 1-го Белорусского фронта талантливый писатель, военный корреспондент Лев Славин дошел до самого сердца поверженной гитлеровской Германии, до Берлина. И в то жаркое время написал большой очерк «Последние дни фашистской империи», начав его такими скромными и точными словами:

«Судьба благоприятствовала мне. Я прошел четыре года на войне и увидел конец ее в Берлине».

Лев Славин в Ленинграде. 1941 год.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Галимджана ИБРАГИМОВА

Недавно исполнилось 90 лет со дня рождения классика татарской литературы Галимджана Ибрагимова. В городах и селах Татарии и на родине писателя — в Башкирии — эта дата была отмечена многочисленными литературными встречами. В Казани состоялось торжественное собрание, посвященное памяти Г. Ибрагимова.

Мне лично не удалось видеть Галимджана Ибрагимова. Выдающийся татарский писатель, крупный общественный деятель и ученый, он был, по словам его современников, человеком исключительного личного обаяния. Его имя до сих пор притягивает к себе каждого, кто хоть раз прикоснулся к его волшебному творчеству, будоражит мысль, зовет неустанно трудиться во благо народа, за дело партии. Лишь огромный талант мог создать такие художественно яркие, поэтически проникновенные произведения, которые стали неотъемлемой частью духовного мира народа.

В личности Г. Ибрагимова отражена вся его эпоха—противоречивая, ищущая, полная романтической борьбы за лучшую долю. Г. Ибрагимов вышел из шакирдов оренбургского медресе (старой татарской школы), где основное внимание уделялось лишь преподаванию канонов ислама. Это не могло не угнетать пересыпную молодежь, которая стремилась к подлинным знаниям, бурно протестовала против рутины и косности, требовала перемен в системе образования. В рядах революционно настроенных шакирдов смело шел и Галимджан Ибрагимов. Первый его печатный рассказ называется «Изгнание из медресе Заки-шакирда» (1907) — произведение во многом автобиографичное: из оренбургского медресе Ибрагимов был изгнан за организацию массового протеста шакирдов. Потом он учился в уфимском медресе «Галия», но и отсюда вынужден был уйти. В поисках работы он попадает в Казань, упорно занимается здесь самообразованием, мечтает попасть в университет. С этой целью Г. Ибрагимов едет в Киев, сближается там с революционной молодежью, и дело кончается тюрьмой...

В 1910 году вышла его повесть «Татарка» — о тяжелой доле татарской женщины, появились будоражащие читателей рассказы, а в 1912 году — первый психологический роман «Молодые сердца», где с беспощадной правдивостью показаны темная, консервативная жизнь татарской деревни, ее страшная бедность, горе рекрутчины, произвол невежественных «ученых мужей» — мулл. Им противопоставлены Зия, Сабир и другие — люди нового времени.

Философское кредо Г. Ибрагимова в тот период — через прекрасное к преодолению гнета старых устоев. Эта тема развивается в целом ряде рассказов: «В море», «Мулла-вор», «Любовь-счастье», «Потухший ад», «Дети природы» и другие.

Новый подъем классовой борьбы, усиливающееся влияние социалистических идей на татарских революционно настроенных демократов, на трудящиеся массы ведут к существенным изменениям в идейной позиции Г. Ибрагимова. Это хорошо видно в новом его романе — «Наши дни». Идеал красоты находит здесь свое отражение в образах революционеров, борющихся против самодержавия за интересы трудового народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила резкий поворот в судьбе писателя. На III Всероссийском съезде Советов (1918 г.) Г. Ибрагимов избирается членом ВЦИК, работает заместителем председателя Мусульманского комиссариата при Наркомате национальностей. В этот период его жизни произошло незабываемое событие — он встретился с Владимиром Ильичем Лениным. Писатель рассказал вождю пролетариата о своем жизненном пути, о своих заблуждениях в период Февральской революции. Чистосердечно рассказав все это, Г. Ибрагимов спросил Владимира Ильича, как ему быть дальше. Ленин твердо ответил: «Продолжайте свою работу!» Из воспоминаний самого писателя видно, что краткий и по предела ясный ответ вождя вдохнул в него новый, невиданный прилив сил и уверенности в будущем.

В годы гражданской войны, выполняя ответственное задание партии в тылу Колчака, он более четырех месяцев колесил по Сибири и благополучно вернулся в ряды Красной Армии.

В мирных условиях идет не менее напряженная работа. Г. Ибрагимов — председатель комиссии по переводу и изданию на татарском языке трудов В. И. Ленина. Он руководит академцентром, редактирует газеты, журналы, пишет большие научные труды по истории и лингвистике. Его перу принадлежат также статьи о жизни и творчестве выдающегося татарского писателя-просветителя Кадыма Насыри и пламенного героя Октября — Муллануура Вахитова, зверски убитого белочехами в Казани. На страницах газет и журналов регулярно появляются страстные публицистические статьи Г. Ибрагимова по всем важнейшим вопросам жизни и культуры республики. Поражают размах и энергия писателя, эрудиция и энциклопедичность его знаний.

Сразу же после перехода к мирной жизни Г. Ибрагимов опубликовал первый в татарской литературе историко-революционный роман «Наши дни», который был встречен читательской общественностью с огромным интересом. Ведь это было первое реалистическое произведение о событиях 1905 года не только в татарской, но и во всех литературах Советского Востока.

Успех «Наших дней», однако, не успокоил требовательного художника. Позже он вновь возвращается к своему произведению и основательно перерабатывает его.

В 1922 году появляется новый роман Г. Ибрагимова — «Сказание о красных цветах». Тогда же он создает удивительно чистый рассказ «Алмачтар» («Чубарый») — про детскую мечту о крылатом скакуне.

Проходит совсем немного времени, и читатели получают одно из самых поэтичных творений Г. Ибрагимова — роман «День степи», посвященный дореволюционной жизни казахов. Роман он писал еще до революции, когда учительствовал в степи. Но царская окраина, почувствовав в произведении бунтарский дух в симпатии автора к угнетенным массам казахского народа, конфисковала рукопись. Г. Ибрагимов восстановил ее по сохранившимся черновым набросам. В этом романе нашел яркое выражение интернациональный характер творчества татарского писателя, который и еще более углубленный его последователями.

В 1928 году был издан последний роман Галимджана Ибрагимова «Глубокие корни». В этом волнующем глубоко художественном произведении во всю мощь развернулся незаурядный талант писателя-реалиста. С огромной силой он раскрыл перипетии классовой борьбы в Татарии периода гражданской войны и восстановления народного хозяйства.

Учитывая его огромные заслуги перед Родиной и народом, Президиум ЦИК РСФСР присвоил Галимджану Ибрагимову высокое звание Героя Труда.

Произведения Г. Ибрагимова переведены и многократно изданы на русском, азербайджанском, башкирском, казахском, узбекском, киргизском, ногайском, чигурском, даргинском и других языках. Ему посвящены большие монографические исследования. Одной из самых прекрасных улиц Казани, а также Институту языка, литературы и истории присвоено его имя.

Благодарные потомки не забывают своего любимого писателя.

Абдурахман АБСАЛЯМОВ
КАЗАНЬ

Леонид ГУРУНЦ

НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

РАССКАЗ

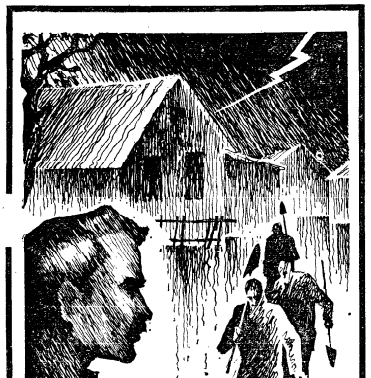


Рисунок М. САЛИНА

Акоп Сароян пришел в Мещиен года три назад. До него мещиенцы уже успели «прокатить» трех или четырех председателей.

Вышло так, что Сароян приехал в Мещиен после страды — время, когда в селе обычно справляют свадьбы, — и угодил в самый разгар деревенских карнавалов.

Разумеется, нового председателя потащили на пир. И, конечно, он так немного выпил. Никаких речей он не произносил, но решил про себя: так дело не пойдет! И тут же подумал: «А почему? Что из того, что в Мещиене любят попировать? Ведь не требуют же от тутового дерева орехов, а от орехового — туты».

Если так, почему же мы должны желать, чтобы мещиенец поступил с гостем так, как поступает тапинеч, который никогда не отличался хлебосольством? Тапы — куда богаче Мещиена, но в нем не загостишься. Недаром же говорят: у бедного скорее пообедаешь, чем у богатого. Сароян улыбнулся: «Ну вот, нашлась тебе работа, председатель».

Тутоводы говорят: если под деревом мало опавшей туты, не утруждай себя осмотром дерева — оно не принесет тебе богатого урожая.

Так и поступил Сароян. Он не пошел сразу на фермы, на скотные дворы, не стал осматривать сады и пашни Мещиена, не заглянул в бухгалтерские книги, а для начала навестил колхозников в их домах.

На третий день приехал уполномоченный из райкома:

— Ну, как?

Сароян только что разговаривал с одним старцем, отчитавшим его за неумение джигитовать на лошади, но был в самом веселом расположении духа.

Уполномоченный собирался уговаривать Сароян, чтобы тот не делал слишком поспешных выводов, не поддавался первому впечатлению. Он за этим и приехал: опасался, как бы Сароян, побоявшись «подмочить» свою репутацию крепкого председателя, не отказался от работы в Мещиене.

Сароян не заметил готовности уполномоченного дать ему бой в случае отказа, не заметил и его готовых сорваться с языка увещеваний — он был еще целиком под впечатлением разговора со стариком.

— Не знаю, как с хозяйством, — начал Сароян, — я его как следует еще не осмотрел. Но с людьми поговорил. Интересный народ! С таким народом любо работать...

Уполномоченный был, конечно, удивлен таким ответом, но уехал довольный: Сароян не отказался от Мещиена.

С многими колхозниками успел познакомиться Сароян, прежде чем удивил уполномоченного райкома своим ответом.

Здесь нужно оговориться. Собственно, Сароян разговаривал с двумя-тремя колхозниками, но ему уже казалось, что в Мещиене он живет давно и многих его жителей знает хорошо.

Атанес не в счет. Попробуй поживи хоть день в Мещиене, чтобы ты не знал Атанеса, не насладился его голосом, который будто пропитан воздухом Мещиена.

Но кто это? Длинный-предлинный, как аист, и худой, как сорока. Глаза тоже птичьи: маленькие, круглые, с лукавым прищуром, сквозь узкие щелки пробивается острый, насмешливый взгляд. Кто он?

Сароян шел по полю и встретил его. Незнакомец нес на плече лопату на длинном черенке, должно быть, подобранном по росту.

Пошли вместе.

— Заработать приехали? — услышал Сароян вместо приветствия.

— Как придется, — неопределенно ответил председатель.

— А сейчас куда? Знакомиться с обстановкой? — допытывался незнакомец.

— Предположим, так.

— Хорошо, что почву под ногами проверяете. Не так больно будет падать, — закончил незнакомец.

— А я и не собирался падать. Нехорошее это занятие — падать, — в тон ему ответил Сароян.

Сароян хоть и был немаленького роста, но рядом с непомерно высоким спутником казался подростком. Тот на целую голову выше.

Обменявшись взаимными любезностями, они свернули с дороги, спустились к роднику ополоснуть лица ключевой водой и присели на обнаженные корневище туты, будто старые друзья. Только сейчас заметил Сароян, какой у незнакомца здоровый кадык.

— А я тебя уже знаю, — сказал он, взглянув в маленькие глаза собеседника. — Ты Самвел.

Незнакомец удивился:

— Тебе кто-нибудь сказал?

— Нет, сам определил.

— Каким образом?

— Когда видишь перед собой перец, не нужно спрашивать, что это.

Самвел весело рассмеялся. Кадык от смеха задвигался по тощей шее энергичнее.

— Ну, если следовать твоему определению, то я перец сладкий. Настоящий перец — мой напарник, аробщик Согомон. Вот о его язык действительно обжечься можно.

Самвел встал, отряхнулся.

— Куда путь держать будешь? — спросил Сароян, тоже поднимаясь.

— Хочешь посмотреть, что я еще умею делать, кроме как молоть языком? — осведомился Самвел. Он теперь смотрел на председателя сверху вниз, как в колодец.

— Не мешало бы, — сказал Сароян.

— Не советую, — мотнул головой Самвел. — наше дело не прибыльное, орудуй лопатой! Ты лучше загляни на птичник. Более интересный объект: курочки-мурочки, яички-шаячки. — Самвел зашагал в сторону сада. Повернув голову, он бросил Сарояну: — Сходил бы на птичник, право. Галуст не обидит тебя. Хлебосольный человек.

Через минуту высокая, как жердь, фигура Самвела скрылась в зелени тутовников.

Получилось так, что вторым человеком, с которым в этот день Сароян перекинулся словом, был как раз Согомон.

Возвращаясь домой, председатель нагнал арбу в воловьей упряжке. Едва аробщик открыл рот, как Сароян сразу же определил: Согомон.

Аробщик в свою очередь тоже узнал Сарояна. Когда приехал новый председатель, Согомона в селе не было. Он только вернулся из зимовок.

— Садись, председатель, подвезу, — сказал Согомон. — Наше дело такое — катать председателей.

— В случае надобности постараюсь не беспокоить тебя. в колхозе есть машина, — ответил Сароян.

— Давай! — воскликнул Согомон, настегивая круторогих волов. — Теперь уж от председателей отбою не будет. Механизирован транспорт!

Согомон сидел на передке арбы, повернувшись вполоборота к собеседнику. В противоположность Самвелу он был небольшого роста, коротконогий, полный, даже толстый. Лицо круглое, с пухлым ртом, готовым раскрыться в ехидной улыбке.

— Скажи, Согомон, в Мещиене много таких кусачей, как ты и твой напарник Самвел? — спросил Сароян.

— Мы только цветочки, председатель, а ягодки будут впереди, — непонятно ответил аробщик. Он снова стегнул волов.

Железные ободья колес грохотали по камням.

— Комбед Ишхон да птичник Галуст, пожалуй, кусаться не будут. Со всеми председателями они ладят. А вот от бондаря Назара или от тутоухого Саркиса поначалу не жди — они похуже нас, — сквозь грохот донесся голос аробщика.

Арба уже подъехала к селу, но Согомон успел рассказать председателю еще одну мещиенскую историю. Возле дома он остановил волов.

— Зайдем, председатель, гостем будешь.

Арба въехала в тесный двор, наполовину затененный большим ореховым деревом.

По каменной лестнице, мелькая разноцветными платьицами, сбежали вниз с полдюжины девочек. Тесным кольцом они окружили арбу.

— Все твои? — спросил Сароян, помогая Согомону распрягать волов.

— Мои, — с гордостью ответил Согомон. — Мальчика не хватает. Он у меня с норовом. С девочками не водится.

На каменном крыльце, обвитом виноградной лозой, в прогале между ветвей с остатками желтой кучавой листвы, показалась высокая дородная женщина в сбившейся набок цветной косынке.

— Ну, пропащий, объявился? — бросила она Согомону с металлом в голосе.

Но, заметив возле него Сарояна, женщина развязала и снова завязала косынку.

— Что же в дом не зовешь председателя, Согомон Минаевич? — сказала она голосом, точно смазанным медом.

Сароян помог Согомону загнать арбу в угол двора. Только после этого вместе со всеми девичьим выводком поднялись на крыльцо. Веселой гурьбой вошли в комнату.

— Моя супружница, — представил жену Согомон.

Женщина подошла к Сарояну, по-городскому подала руку.

— Жасмен, — сказала она.

Через минуту она вышла в сени, должно быть, чтобы собрать на стол. Девочки тоже выпорхнули из комнаты.

— Да ты не слушай ее, — шепотом сказал Согомон. — Какая она Жасмен, если священник окрестил ее Варсенэ? Это она для себя приглянула себе недавно, после того, как побывала в городе, где ее племянница живет. У тамошней известной артистки стянула.

Из сеней раздался могучий голос Жасмен, звавшей дочерей:

— Матильда... Розалия... Элеонора...

Сароян зажал рот, чтобы не прыснуть.

— Вся Европа, — вздохнул Согомон. — Племянничек в городе нотариусом работает. Вот и шлет ей эти имена. И другим наша супружница взаймы дает: полсела изуродовал чертов нотариус.

Помолчав немного, Согомон добавил, горделиво улыбнувшись:

— А вот сына я назвал по нашей линии, мужской. Наполеоном величаем!

— Это ничего, подходящее имя. Наш Багратион неплохо сражался с ним, — рассмеялся Сароян.

И Согомон залился мелким клекочущим смешком. Вошла хозяйка с кучей тарелок, вилок, ножей.

— Уж не обсуждаете, чем богаты, — сказала она, расставляя на столе тарелки, по три перед каждым. Вилки и ножи положила рядом.

— Чем богаты, — машинально повторил за ней хозяин.

— Что это за пир вы для меня устраиваете? — спросил Сароян, следя за приготовлениями.

— Мы всегда рады культурному человеку, — сказала хозяйка, продолжая хлопотать у стола. — Вы, товарищ Сароян, говорят, в городе жили?

— Учился там, в школе подготовки колхозных кадров.

— Вот-вот. Культурного человека сразу видно. А что у нас? Правда, летом приезжают дачники... Ну, а те, что здесь, какая у них культура?

— Да, да, — согласно кивал хозяин.

В присутствии жены этот красноби вдруг сделался косноязычным, был тише воды, ниже травы. По всему видно, что в доме верховодит жена.

Хозяйка принесла две тарелки: в одной был нарезанный хлеб, в другой — небольшой закончный круг горного сыра. Пузатый графинчик с коротками апельсина на дне завершал убранство стола.

Варсенэ, наконец, присела у стола, давая понять, что с приготовлениями покончено. На ее белом, наскоро припудренном лице, плохо вязавшемся с загорелой шеей и смуглыми, обожженными солнцем руками, сияла улыбка, которая заметно молодила ее.

Согомон потянулся к хлебу, но взгляд жены остановил его. Он взял вилку.

— Пока вас не было, Согомон Минаевич, — сладеньким голосом пропела она, — мы избрали нового председателя.

— Знаю, — приглосовали, — обронил Согомон с полным ртом. — Избрали его за нас. Дай бог...

Хозяйка так стиснула на Согомона, что тот не договорил.

— Согомон Минаевич имеет в виду рекомендацию райкома, — улыбнулась она в сторону гостя.

Согомон хотел еще что то сказать, но раздумал, вероятно, под взглядом жены.

За столом говорила только хозяйка.

Согомон молча уплетал за обе щеки хлеб с сыром, совсем забыв о вилке.

— Плохой председатель — это камень на шее колхоза, — улучив момент, вставил Согомон.

— А плохой колхозник — камень на шее председателя, — ядовито заметила хозяйка, сверкнув в на мужа глазами.

А за окном, пока они чаевали, где-то весело и молодо звенела песня. То пел Атанес...

— С кем ты до меня толковал? — спросил тутоухий Саркис, прежде чем начать беседу. Как все тутоухие, он говорил громко.

— С Самвелом и Согомоном, — ответил Сароян.

— И с Европой познакомился?

— Да, был у Согомона дома.

— И везет же тебе, председатель, — всплеснул руками Саркис, искренне сочувствуя. — Достались тебе пустотелки.

Саркис роста невысокого, коренастый, с багровым лицом, по самые глаза заросшим рыжей, с проседью щетиной. Рыжие брови нависают над самыми глазами, бесцветными и колючими.

— Когда пшеницу моют в речке, — пояснил Саркис,— наливное зерно тянет книзу, а пусторопожнее, пленел, всплывает наверх. Вот на этот пленел, что остается наверху, ты и наскочил, — заключил он.

«Интересно, к какому зерну он относит себя, к пустотелкам или к тем, что тянут вниз?» — с улыбкой подумал Сароян.

Разговор этот происходил в доме Саркиса. Хозяин был немало польщен тем, что новый председатель посетил его раньше, чем многих других. Эту честь он целиком отнес за счет дома, не иначе. Ведь интересно же: простой человек, а поставил себе дом — загляденье!

Что верно, то верно. Дом тугоухого Саркиса был не на последнем месту в Мещиене. Каменная лестница, резной петух с прибитым гребешком на крыше — все честь по чести, как подобает дому в Мещиене.

Саркис строил этот дом чуть ли не всю жизнь, последний гвоздь был вбит недавно! Крепкий, стоящий дом, ничего не скажешь.

Однако настроение Саркиса сразу упало: Сароян не пошел посмотреть комнаты и граммофон с красной трубой — предмет обожания всей мещиенской ребятни, а попросил показать скот, находящийся в личной собственности хозяина.

Местом для беседы с председателем Саркис избрал застекленный деревянный балкон, откуда открывался вид на все село и далеко за ним. На балкон был вынесен табурет для гостя.

Погода стояла переменчивая, как бывает, когда осень погасла, а зима еще не наступила. То густой туман закрывал весь горизонт, то вдруг открывалась просека, в которой, как в перевернутом бинокле, был виден давно покинутый модельщиками белый, почти игрушечный монастырь... И голос Атанеса, конечно, который все время звенит в воздухе, не поддаваясь никаким изменениям и переменам погоды.

Возле балкона, в поредевшей листве тутовника, ветви которого заглядывали в окна дома, весело чирикали разжиревшие за лето воробьи.

— Разные бывают колхозники, — начал Саркис. — Да и председатели не на одну колоду. — Он поудобнее уселся на подоконнике, видимо, намереваясь завести долгий и приятный разговор. — Вот ты поголовьем интересовался, — продолжал Саркис, выпуская дым сквозь прокоченные усы. — Спасибо, если только с добрым намерением. А то был у нас один председатель: на словах — держи всякую живность, как и полагается по уставу, да только со двора не смей выносить. А живность тоже разная бывает. Одна кормится в навозе — и сыта, а другая начхать хотела на разных червячков, ей свежую траву подавай. А председатель — ни в какую. Трава общественная, мол, а вы частники, не дам пасти на колхозном пастбище.

— Прокатили? — улыбнулся Сароян.

— Прокатили, — облегченно вздохнул Саркис.

— И ты вот Падисюда,— немного погодя, сказал он.

— Его так звали?

— По книгам он числился как-то по-другому, Гриша, наш счетовод, знает, а мы его так.

— За что же ему такое нехорошее прозвище прилепили?

— Кому следует — сразу прилепят, — отрезал Саркис.

— Чем же плох был Падисюда?

— Сладу не было с ним — крепко зажал нас. При нем дух нельзя было перевести.

— Выходит, все председатели были у вас нехорошие?

— Нет, зачем все. Вот, например, Арменак был хороший.

— И все же прокатили.

— Но только за доброту! Сердцем был мягок больше, чем следует.

Сароян рассмеялся:

— Это как в сказке: пойдешь налево — коня потеряешь, направо — сам погибнешь. Какой же тропинки держаться?

Над крышей что то треснуло, загрохотало, ударила молния, прочертив потемневшее небо кривыми зигзагами. Ничего удивительного. В этих местах грозы и молнии нередки и зимою, не то что осенью.

Звонко ударились о железный лист крыши первые крупные капли дождя, смешанные с легкими катышками града. В водосточной трубе весело захлюпала вода.

— С урожаем будем, председатель! — воскликнул обрадованный Саркис. — Осенью дай тутс хорошенько напиться, она тебе отблагодарит летом.

Дождевые капли и катышки града все усерднее стучали по железному листу, словно несметные стайки птиц, слетевшихся на крышу, клевали зернышки.

— Да, о нашем Арменаке, — прислушиваясь к шуму дождя, продолжал Саркис прерванный разговор. — Может, он сам по себе неплох, но по комплекции не вышел. Ни тебе брюшка, ни синих галифе. Так себе — недозрелый опадыш.

«Этот камень в мой огород», — подумал Сароян.

— Посмотришь на гаринского председателя, и зависть берет: вид так вид. Любо-дорого за спиной такого, — продолжал Саркис под шум дождя.

Вода, отвесно падавшая из водосточной трубы, стала швырять и далеко отбрасывать тугую пенистую струю, потом пошла во всю силу.

На улице показались торопливые фигуры людей. На крыльцо с мешками и рядниками, они куда-то спешили.

— Куда они в такую погоду? — спросил Сароян, прикидываясь непонимающим.

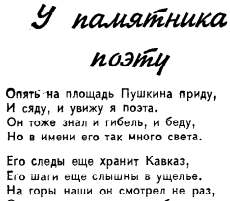
— А в сады, дождевую воду отводить под деревья, — ответил Саркис и, присев, стал торопливо разуваться.

— Хоть пута не по моей части, и свиньями командую, но совестно сидеть в такой день дома, — сказал он.

На улице становилось все больше людей. Вот промелькнула долговязая фигура Самвела с лопатой на плече. За ним мелко семенил Согомон. Через минуту к идущим присоединился Саркис. Прервалась песня Атанеса — должно быть, и мещиенский запевала не отстал от других в этот час.

«Пустотелки? — вспомнил Сароян, с улыбкой провожая глазами спины знакомых и еще незнакомых людей, спешивших в колхозные сады.

Кайсын КУЛИЕВ



У памятника поэту

Опять на площадь Пушкина приду,
И сяду, и увижу я поэта.
Он тоже знал и гибель, и беду,
Но в имени его так много света.

Его следы еще хранит Кавказ,
Его шаги еще слышны в ущелье.
На горы наши он смотрел не раз,
Созвездья наши для него блестели.

И я судьбу благодарю всегда
За то, что Пушкин слушал наши реки,
За то, что с той поры слита навеки
С кавказским солнцем Пушкина звезда.

На памятнике я читаю строки,
Столь дорогие сердцу моему.
Забуду ль, как, покинув край далекий,
Пришел я в летний день сюда, к нему.

Пришел сказать ему, что было всюду
Во мне, со мной его души тепло,
И в дни, когда мне было тяжело,
Я знал, что с ним я снова счастлив буду.

Чуть слышно говорю его слова,
Чтоб облака и листья не встревожить, —
Пусть мчится время так, что не стреножить, —
Неспешны облака, тиха листва.

Чтоб не смутить деревья у святыни,
Чуть слышно за стихом читаю стих,
А вечность гонит лошадей своих,
И время свиток свой читает ныне.

Во мне сегодня слитно говорят
Печаль, и радость, и зима с весною,
Недавнее былое с новизною.
Восход мой ранний, поздний мой закат...

Песенка

Вот вам песенка простая
О высоком горном снеге,
И о камне у дороги
Эта песенка простая.

Вот вам песенка простая
О реке в ущелье темном,
И о веточке кизила
Эта песенка простая.

Вот вам песенка простая:
Возвратился в саклю мальчик,
Он в лесу набрал малины,
Это — песенка простая.

Ты чиста, как снег вершины,
Ты проста, как старый камень,
Как река, полна веселья, —
Песенка родного края.

Как мальчишечья улыбка,
Песенка, ты с гор спустилась,
Ты приснилась мне зеленой
Тонкой веточкой кизила.

Говорю тебе утром

Гора, ты высока, огромна. Не унижу
Себя в сравнении с тобою, о гора,
Однако же в тебе наставницу я вижу, —
Да будет жизнь моя, как и твои, мудра.

Гора, ты высока, огромна. Всю округу
Ты светом радуешь. Поэту и горе —
Назначено двоим светиться на заре
И каждому внушить достоинство, как другу.

Не подавляешь ты меня, хоть высока:
Нет, чувствую, поверь, я крылья за спиною!
Я знаю: над тобой прошедшие века
Спокойной чередой идут и надо мною.

Я знаю, что поэт с горой—как брат с сестрой.
Как жить поэзии без высоты и света?
Величием горы сияет мысль поэта
И к высоте ведет людей земли родной.

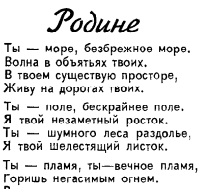
Хотя ты высока — огромностью и силой
Не давишь ты меня. Так будь ко мне добра —
Пусть не становится моя строка бескрылой,
Ты от убожества спаси ее, гора!

Века и льды тебе согнуть пытались плечи,
Но оставалась ты вольна, мощна, чиста.
И звезды говорят: «Пусть близко и далече
Вовеки всей земле сияет высота!»

Большая, ты светла. И я, твой сотоварищ,
Себе кажусь, гора, и выше, и светлей.
Я у тебя учусь, и ты мне счастье даришь:
Всегда любить людей, всегда любить людей!

Перевел с балкарского
Семен ЛИПКИН

Нормурад НАРЗУЛЛАЕВ



Родине

Ты — море, безбрежное море.
Волна в объятьях твоих.
В твоем существую просторе,
Живу на дорогах твоих.

Ты — поле, бескрайнее поле.
Я твой незаметный росток.
Ты — шумного леса раздолье,
Я твой шелестящий листок.

Ты — пламя, ты—вечное пламя,
Горишь негасимым огнем.
Всего только искра одна я
В сиянии красном твоем.

Аллея Ленина

Нет никаких
Табличек на деревьях,
Обычная
Зеленая аллея.
Но на большую
Выведет дорогу
И на вершину,
Всех вершин светлее.
Никто аллеей
Не пройдет беспечно,
Здесь строго
И торжественно идут.
Здесь помнят дни далекие,
И память
Об этих днях
Здесь, как святыню, чтут...
В краю друзей,
В глухом местечке польском
Ильич нашел
Убежище себе.
Здесь думал он
О судьбах всех народов
И о народа польского
Судьбе.
Здесь, говорят,
По этой вот аллее,
Он часто шел
Наедине с собой,
Она была
Помощницею в думах,
Была его
Излюбленной тропой.
По ней он шел.
Здесь думал о грядущем...
Здесь отдыхал он,
Здесь встречал друзей...
Ее теперь
Любовно называют:
«Аллея Ленина»!
Здесь память
Свято чтут.
Здесь все идут
Торжественно и строго,
Поскольку
Вместе с Лениным идут!..
...Нет никаких
Табличек на деревьях,
Обычная
Зеленая аллея.
Но на дорогу
Выведет большую,
И на вершину —
Всех вершин светлее.

Добрый свет

Весна!..
И сердце мне голубит
Она, улыбкою святясь,
И даль распахнута,
И люди
Идут,
Добрее становясь.
И в поле
Вспыхивают маки,
И в небе
Пышут облака.
А даль призывная
Мне машет,
Как чья-то
Легкая рука...
Весной
Любовь землею правит —
Улыбки
И цветы кругом!
И утверждает
Жизни праздник
Ликующий
Весенний гром...
Весна!
Твой светлый лик со мною
И твой
Торжественный завет:
Идти
С распахнутой душою,
Дарить тепло
И добрый свет!

Перевел с узбекского
Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

Сцена из спектакля «Третья ракета»

КЛУБ МОЛОДЫХ

Андрей ГОНЧАРОВ, народный артист РСФСР

ВЫСШАЯ ИНСТАНЦИЯ

СЕЙЧАС, в наши дни, спектакль, как никогда раньше, должен быть уникален, иначе театр не окажет должного воздействия на зрителей. Ибо, по меткому выражению Гегеля, театр — «высшая инстанция» для решения жизненных вопросов. Сегодня не могут завоевать популярность так называемые «лобовые» решения, поверхностная дидактика. Иногда их пробуют замаскировать сценическими эффектами или песенно-танцевальными упражнениями, но без глубинного художественного исследования человеческих и социальных взаимоотношений: я уверен, театр обесценивает себя.

Я не являюсь апологетом так называемого «режиссерского» театра, то есть театра преимущественно обобщенных образных решений, художественно содержательных «знаков», но он убедительно доказал свое право на существование непреходящий зрительский успех сопутствует спектаклям Театра на Таганке, возглавляемого Ю. Любимовым. По контрасту другое сценическое направление можно назвать «антрепризным» театром, стремящимся к поэзии психологических открытий, но ошибаются, я уверен, те, кто полагает, будто он требует меньшей энергии и твердости от режиссуры. Наоборот. Сколько раз мы уже видели, как затухало творчество талантливых и даже выдающихся актеров, когда они были предоставлены самим себе, или оказывались под руководством режиссеров по должности, а не по истинному призванию.

Если попытаться коротко определить, чем же театр сегодняшний отличается от прошлого, то я сказал бы — плотностью образной информации. Ныне мало добиться от актеров логически целесообразного и органичного действия, хотя необходимость в нем не уменьшилась. Нужна еще особая, эмоционально насыщенная выразительность этого действия, способная одарить зрителя богатством ассоциативных смыслов. Образный язык театра призван выражать то, что подчас нельзя передать словами, контакты между сценой и зрительным залом должны возникать как бы непосредственно от чувства актеров — к чувствам зрителей. А для этого необходим предварительный отбор выразительных средств, которым некому заниматься, кроме режиссера.

Главное в его даровании — восприимчивость в широком и глубоком смысле этого понятия. Эта восприимчивость гражданина к сегодняшним интересам своего народа, восприимчивость художника, претворяющего идею в сценические образы, восприимчивость психолога и педагога-воспитателя многоликого коллектива. Режиссер многое должен знать и всегда быть готовым к тому, чтобы отвергнуть свой ум и сердце неизведанному...

Основа нашего искусства — человек на сцене и человек в зрительном зале, взятые в их тесном взаимодействии. Нет ничего важнее для режиссера, чем ежедневные усилия в реализации своих мыслей и чувств, своих пристрастных наблюдений через образы, творимые актерами. Поэтому без актеров начинающий режиссер напоминает рыбака, пытающегося изучить тонкости своего промысла в безводной пустыне. Между тем много годы на режиссерских факультетах студенты репетировали этюды и отрывки из пьес лишь со своими товарищами, что создавало только подобие работы с актерами. Впервые молодые специалисты встречались с настоящими актерами после окончания института, и сразу же — жесткие производственные сроки, театральные «зуоры», с удовольствием испытывающие начинающего режиссера «на прочность», и многое другое, для него неожиданное...

На недавнего выпускника института часто смотрят как на дополнительную — и не всегда желательную — рабочую силу. Некому ставить пьесу, выбранную «для души»? А начинающий для чего? Правда, во все годы учебы педагоги ему советовали подобные произведения вообще никогда не ставить. Но кого это интересует? Никто из штатных режиссеров не хочет ставить сказку для детских утренников — и снова она предлагается молодому, хотя, быть может, этот жанр чужд его индивидуальности. Да еще распределение ролей при этом предлагается принудительное: все лучшие актеры заняты в других спектаклях. Казалось бы, и театру в конечном счете выгодно, чтобы молодой режиссер был вооружен подлинной заботой, чтобы ему помогли проявить его способности и знания... Но посмотрим на ту же ситуацию с другой, заинтересованной стороны: с какой стати ведущие режиссеры должны кому-то уступать лучшие пьесы? Да и где гарантия, что «зелеными юнцы» не спотвирнут, не растеряются из-за недостатка навыков?

Начало!.. Не для всех оно складывается одинаково счастливо — так, как, например, когда-то для А. Мамбетова, ныне ведущего режиссера казахского театра, или позднее для П. Фоменко, А. Говорухо, или С. Яшина — представителя младшего поколения моих учеников, успешно режиссирующего в Центральном детском. Порой оно приносит разочарования, которые нелегко перевить, неожиданные, которое не всякому дано преодолеть.

К сожалению, есть среди моих учеников и «рыцари» мнимого успеха. Куда направлен их темперамент? Каковы их «ценности»? Умение замаскировать художественную несостоятельность спектакля актуальностью его темы, способность предвидеть конечный зрительский успех той или иной пьесы и так скомпоновать заимствованные театральные приемы, чтобы постановка приобрела черты преследуемого «современного стиля»... Не хочется мне называть фамилии режиссеров, о которых я думаю, когда пишу эти строки. Надеюсь, они все же поймут, что нынешний их «успех» непрочен и что без подлинного художественного поиска, одухотворенного высокими идеями, творчества вопросу нет.

Но как все же обеспечить наилучшие условия для воспитания режиссерской молодежи в институте и за его пределами? По моему убеждению, вполне оправдало себя — все еще считающееся экспериментальным — совместное обучение режиссеров и актеров в ГИТИСе, обоюдно обогащающее и тех, и других. На курсе может создаться атмосфера столь необходимого молодым творческого азарта! Помимо этого здесь и такое обстоятельство, что я рукою вожу не только курсом, о котором идет речь, но и — по совместительству — Академическим театром имени Маяковского, и студенты с первых лет обучения чувствуют себя своими в этом театре, знают, что студенческие спектакли в случае успеха могут пойти на сцене нашего филиала.

Так бывало и в прошлом. Вспомним, к примеру, студии Художественного театра. Каждая из них выдвигала своих лидеров, но начинали они под чутким присмотром Станиславского и Немировича-Данченко. Потом одна из студий дала второе поколение МХАТа, другие превратились в новые театры — 3-й МХАТ, имени Вахтангова, Реалистический. Фактически как бы пятой студией МХАТа был театр-студия под руководством Н. Хмелева, а потом А. Лобанова — Театр имени Ермоловой. Можно вспомнить и студию Малого театра, Ф. Каверина, и некоторые другие.

Но Художественный театр, помимо студий, имел еще и Малую сцену — на зал на 500 мест, предоставленную молодежи. Кто ее не помнит из москвичей моего поколения, — на Тверской, 22! Там я ярких, задорных спектаклях «Ныне молодость» (по роману В. Кина «По ту сторону»), «Квадратура круга», «Реклама», «Елизавета Петровна», «Проданные славы», «Сестры Жерар» с успехом пробовала себя второе поколение.

Замечу кстати, что нынешний Учебный театр ГИТИСа не располагает элементарными условиями для постановочной работы. Получается так, что мы обучаем современной актерской и режиссерской сценической технологии в окружении давно устаревшей сценической техники.

Почти все приведенные рассуждения имеют самое прямое отношение к молодым драматургам. Начну с риторического вопроса: можно ли полностью удовлетворить процессом обучения режиссеров, если они за пять лет ни разу не испытали сложностей работы с драматургами? При этом должен заметить, что мне, например, не удалось поставить, кажется, ни одной советской пьесы без серьезной работы с автором.

Конечно, будущие режиссеры должны работать и с драматургами, и с художниками-декораторами, и с композиторами. Но как быть, если в институте нет ни тех, ни других, ни третьих? Между тем в Литературном институте имени А. М. Горького учат молодых драматургов вне тесной связи с театром. Отрыв от театра нередко обнаружить у будущих театральных художников в Институте имени Сурикова и Художественном училище памяти 1905 года, у будущих композиторов... Правда, иногда встречи происходят, но более для знакомства, чем для работы. Так не пора ли наладить прочные межинститутские связи, превратить случайные встречи в систематические занятия, включенные в учебные планы?

Самый распространенный недостаток пьес молодых — часто невоспитанный — незнание авторами законов театра. Сцена требует от персонажей активного действия как бы на пределе их человеческих возможностей, а для этого нужны подлинно драматические ситуации, острые коллизии. Однако мы часто читаем не драмы, не комедии, а словно бы этюды в лицах, зарисовки в диалогах. В них подчас есть многое, и авторская наблюдательность, и живый разговор, и даже актуальная тематика. Нет драматизма, композиционного мастерства. Не случайно наши театры все чаще обращаются к современной прозе — к романам и повестям Шукшина, Белова, Быкова, Кузнецова, Распутина, Тендрякова, Трифонова. Там истинного драматизма больше, чем во многих пьесах, которые пишут драматурги, особенно молодые.

Молодежные филиалы, малые сцены могли бы стать и лабораториями для драматургической смены, ведь в «солидных» театрах меньше возможностей для риска, там труднее начать работу с автором. Мы, «маяковцы» создали молодежный филиал. Первыми его провозвестниками явились спектакли у нас на Малой сцене. В частности я имею в виду постановку инсценировки по рассказам В. Шукшина «Характеры». Спектакль был поставлен в ГИТИСе со студентами-выпускниками и потом перенесен на Малую сцену театра. Кстати, В. Шукшин, просмотрев сценическую интерпретацию «Характеров», загорелся мыслью написать пьесу и уже через несколько месяцев читал нам своих «Энергичных людей». Как были горды начинающие режиссеры и актеры, что им удалось учествовать в такого замечательного писателя театральной драматургией!..

Мои ученики в ГИТИСе с первых курсов принимают участие в массовых сценах, потом им предстоит прийти сюда с готовыми спектаклями, которые здесь еще корректируются, совершенствуются. Но и молодые актеры, уже работающие в театре, не остаются в стороне. Так, они подготовили спектакль «Третья ракета» по Быкову, включенный в наш постоянный репертуар. Именно Малая сцена впервые открыла дарование таких наших артистов как Н. Гундарева, А. Фаустова, Ю. Ярославский, А. Марынов, В. Ильин и другие.

Малые сцены, малые залы помогают молодым актерам установить со зрителями особые отношения, убеждают от фальши и раскалывают к искренности. А режиссеров располагают к большей свободе поисков. Здесь была интересно поставлена пьеса В. Черных «Человек на своем месте». Именно здесь, на Малой сцене, состоялся успешный режиссерский дебют Б. Кондратьева с постановкой «Соглашения» Э. Брагинского и Э. Рязанова.

...И начал преподавать в Государственном институте театрального искусства имени А. В. Луначарского тридцать лет назад. Режиссурой занимаюсь еще дольше. Но если бы однажды я оказался перед необходимостью от чего-то непременно отказаться — от режиссуры или театральной педагогики — то не знал бы, на что решиться. Потому что просто не понимаю, как обходятся без педагогики некоторые мастера режиссуры, думается, они обкрадывают себя. Не говоря уже о чувстве ответственности за будущее нашего советского театра.

ТЕАТР

СЕМИНАР ДРАМАТУРГОВ

В Дубултах в Доме творчества писателей имени Я. Райниса прошел Всесоюзный семинар молодых драматургов, пишущих комедийные пьесы. Он был организован Советом по работе с молодыми литераторами при Союзе писателей СССР, Советом по драматургии при СП СССР и Министерством культуры СССР. В его работе приняли участие более тридцати молодых драматургов из всех республик нашей страны. Руководили семинаром — С. Алешин, Я. Апушкин, А. Арбузов, Ф. Кузнецов, В. Розов, А. Самсонов и др.

На семинаре обсуждены задачи, стоящие перед молодыми литераторами в свете постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», состоялся серьезный, обстоятельный разговор о дальнейшем совершенствовании мастерства.

Семинару предшествовало двухдневное Всесоюзное совещание молодых драматургов. На его открытии выступили секретарь правления СП СССР, главный редактор журнала «Театр» А. Сальский, первый секретарь правления СП Латвии Г. Приеде и другие.

Лучшие пьесы молодых рекомендованы к изданию и постановке.

КИНО

К. ЩЕРБАКОВ

ЛЮДИ И АКУЛЫ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ФИЛЬМ: ПРАВИЛА ИГРЫ ИЛИ ИГРА БЕЗ ПРАВИЛ?

«МЕРТВЫЙ сезон»: Ладейников — Д. Банионис, Савушкин — Р. Быков. «Семнадцать мгновений весны»: Штирлиц — В. Тихонов. «Белое солнце пустыни»: Сухов — А. Кузнецов. Верещагин — П. Луспекаев. «Гори, гори, моя звезда». Искремас — О. Табаков, Федя-художник — О. Ефремов.

Отдаю себе отчет в том, что жанры перечисленных здесь талантливых советских фильмов разные. Однако в своей статье я не ставлю задачей выяснение разницы между детективом, вестерном, пародией на него или, скажем, приключенческой притчей. Хочу обратить внимание только на одно существенное обстоятельство: каждый из этих фильмов пользовался и пользуется популярностью, стал как бы ее эталоном. Каждый из этих фильмов **смотрят.**

Для того чтобы доказать, что советским искусством накоплен немалый опыт в создании киноэпопеи идейного, нравственного, богатого и увлекательного одновременно, к четырем названным фильмам можно прибавить немало других, в разное время поставленных, от «Красных дьяволят» и далее через годы и расстояния. Да и вряд ли эту очевидность нужно доказывать. Нам есть чем гордиться и есть что вспомнить. Все так. Однако же в разговоре о приключенческом фильме на страницах «ЛГ» то и дело проскальзывают тревожные нотки.

Не обойдусь без них и я. Да, хороших приключенческих фильмов сделано было немало. В общем. Но если посмотреть последний репертуар кинотеатров, к примеру скажем, Москвы... Не зарябит в глазах от новых наших фильмов, на которые зритель, что называется, валит...

Всегда ли разумно, творчески используются, развиваются, осмысливаются собственные достижения? И не только собственные...

Мы стоим и будем стоять на том, что основная функция искусства — функция идейного, нравственного, эстетического воспитания. Эта точка зрения выверена, выстрадана всем опытом развития русской и советской культуры. Мы хорошо знаем, что кинематограф способен культивировать в людях чувства возвышенные, добрые и способен — примитивные, низменные, поддаживающиеся под вкусы и настроения мещанина. Но иногда мы забываем, что говорить о воздействии фильма, позитивном или негативном, можно, начиная лишь с того момента, когда мы уверены, что фильму этому есть кому и что питывать, что он имеет аудиторию. Воспитывать пустой зал — занятие пустое.

«Если вспомнить бессмертный афоризм, что все жанры хороши, кроме скучного, не стоит ли спросить себя: а не слишком ли велики наши успехи в этом единственном жанре, отвергнутом Вольтером?..» — задался резонным вопросом, открывая дискуссию в «Литературной газете» (№ 8, 1977), режиссер Владимир Мотыль, своей собственной работой в кинематографе немало сделавший для того, чтобы потеснить подобные сомнения. Готов подписаться под этим вопросом-ответом. Конечно, опыт таких мастеров, как В. Мотыль, С. Кулиш, как А. Митта, Т. Лиознова, А. Бобровский, Б. Тоцкий, Э. Кеосаян, заслуживает тщательного изучения. Однако стоит, мне думается, присмотреться и к тому, какими средствами, способами воздействует на зрителя кинематограф. Западный, не минуя, между прочим, его образцов, которые мы не можем приветствовать, но которые смотрятся, имеют прокатный успех. Думается, права Т. Хлопланина, предлагающая «тонко мыслить о своеобразном парадоксе зрелищности». Попытаюсь и я высказать несколько соображений.

ФИЛЬМ «Челюсти» приобрел известность если не скандальную, то во всяком случае достаточно шумную. Приходилось слышать, как разумные люди, которым довелось посмотреть этот фильм, высказываются в таком духе: стою, конечно, глянуть из любопытства. Но не станете же вы отрицать, говорили они, что это чепуха и всерьез задумываться здесь не о чем? Для такой точки зрения есть основания немалые. И все-таки, пожалуй, отрицать — стану. Ибо если в разных странах картина собирает очереди у касс, если она стала одной из самых прокатных — не попытаться понять причины этого вряд ли было бы плодотворно.

В американской ленте «Трагедия «Посейдона» (лично, по-моему, хорошей) гигантская волна переворачивает вверх килем океанский лайнер. И люди те, кто остался в живых и нашел в себе душевные силы и терпение для борьбы, — лезут из самой глубины стальной могилы, медленно погружающейся в пучину океана. Пусть днище зацарапывает могилу напоминание — упрутся в него и — что дальше? — все равно лезут: может быть, придет помощь. Пока человек жив, он не должен сдаваться...

В фильме «Пожар в поднебесье» небоскреб горит так, что вроде действительно горит небоскреб, ничего не скажешь, эффектно. На «Землетрясении» иногда в самом деле создается ощущение, что вас с героями фильма малость тряхнуло. И, кажется, все, кто иронизировал над «Челюстями», признавали: вот искусственная акула — это да, отлично сработано.

Перевернутый корабль, горящий небоскреб, земля, расползающаяся под ногами, акула — такая, что встает, да и вправду страшновато становится: а ну, как тянет... К высокой технике нужно добавить мастерство сюжетного построения: вы напряженно следите за происходящим на экране, даже понимая, что в реальной жизни это отношения не имеет. И все же... Все же — уверен! — не только (и не столько) муляж акулы тянет за собой очередь у касс. В тех же «Челюстях» наряду с удачным муляжом акулы действует удачный муляж герой.

Полицейский — интеллигент. Ученый-океанолог, интеллектуал, вовсе не могучий физически. И профессиональный охотник за акулами; детина такой, милиционер, косая сажень в плечах, требующий, однако, за свою работу практичное вознаграждение. Они-то втроем и отправляются на поиски акулы, которая безнаказанно терроризирует пляж. Двое возвращаются победителями, третьего профессионала, акула все-таки сожрала (надо платать, подделом: не рискуй за деньги, рискуй за идею). Нетрудно понять, что каждый из героев — схема, причем довольно элементарная; так сказать, «дважды два». Но, наверное, прежде чем ответственно утверждать, что дважды два — четыре, когда кому-то нужно было неведомо зачем доказывать могилу, в разбираемых случаях мозгами надо было поражать для того, чтобы создать простую схему, которую потом легко будет всячески варьировать, по при этом схему, обладающую **нравственной привлекательностью.**

Обстоятельства в фильме грозные, почти безысходные. Денежные воротилы, которым на человеческие жизни наплевать, и герой, который во имя людей не шелся на то, на что не решились другие, смог то, чего другие не смогли. Это ведь и в «Трагедии «Посейдона», и в «Землетрясении», и в «Пожаре в поднебесье», и во множестве других, менее приметных, но достаточно посещаемых фильмов.

Есть, конечно, фильмы, отровенно наивно рисующие в эпохи принципиальных, низменным, — это особая статья, не о них сейчас речь. Если же художник становится на эту новую ужу малоочетную стезю, то вот что происходит: появляется, без нравственного, социального начала редко кому нынче удается обойтись. Ясно, что на благородные чувства, социальный протест, на активного героя, способного защитить, повести за собой, у западного зрителя спрос. Потому, что ему, западному зрителю, этого остро не хватает — социальной справедливости, прочности, уверенности в завтрашнем дне.

А профессиональный уровень коммерческого фильма подчас таков, что трудно бывает определить, где же действительные мысли и чувства, а где — суррогаты и муляжи. В этом, между прочим, и опасность такого неоднозначного явления, как современный западный коммерческий фильм. Ибо, адаптируя идеи, он слишком часто оказывается равнодушен к тому, что адаптирует. Есть уверенное знание секретов построения увлекательного зрелища. А что в это вложить — дело второе. Сегодня так, завтра — этак. Жизнь подскажет...

А насколько возрастает сила и смысл талантливого, честного фильма, несущего мысль, боль, страсть его авторов, если сделан этот фильм со знанием приемов и способов воздействия на массового зрителя! Эти приемы и способы хорошо известны людям, снимавшим «Челюсти». Но ведь и Стенли Крамеру, поставившему «Оклахома, как она есть», и Артуру Пенну, поставившему «Погоню», и авторам итальянских политических детективов они известны не хуже. Серьезности, правдивости, масштабности мысли кассовый успех отнюдь не в ущерб.

Теперь самое время вернуться к теме картин, с которых я начал этот стаж-тайтиф. Право, ни одного из них не отдам за десяток обязательных полицейских, которые сами тонут, однако же в акулу стреляют. Потому что они, наши герои, — люди, а не мулажи и не схемы, более или менее искусные. Люди, которые отстаивают мои идеалы, живут по принципам и моральным нормам, мне близким. Но живут и отстаивают в ситуациях той сложности и такие же сомнения, в какие попадать не случалось. Оказываются с предельными обстоятельствами один на один и не пасуют в этом одиночестве.

И еще: герои обнаруживают свои душевные свойства в напряженном, мастерски выстроенном сюжете. Все этого сюжетного построения не было бы это героя, а иной герой потребовал бы иного сюжетного построения. Но не так как иногда бывает: сюжет — для увлекательности, герой — для идеи, неоригинальный, противоестественный сплав, обе составляющие которого в итоге, как правило, работают вхолостую. Думаю, силу нравственного влияния героя, который сумел реализовать себя тогда, когда вообще бы в самую пору было сказать, я сделал все, что мог, но выше головы не прыгнешь, — трудно переоценить. (Замечу в скобках: вовсе не склонен утверждать, что лишь этот путь перспективен. Утверждаю только, что его перспективность не вызывает сомнений.)

И вот тут возникает один вопрос, не дает ли у нас иногда о себе знать опасение этой самой предельности, крайности? Зачем же дескать, его, беднягу, так уж? Не поубавить ли препятствий и сложностей? Нуда, трудно было, выкарабкивался. Но потом в шторм на морс улегся, и товарищи помогли, не оставили... Но если товарищество и взаимовыручка — закон нашей жизни, это не значит, что он действует с прямолинейной буквальностью: в случаи, когда человек оказывается один перед лицом грозных, мучительных обстоятельств, невозможны А морская стихия общественными законами не управляется вовсе. Если это не принять во внимание, то при всех стараниях может и не получиться герои ожидаемой объемности, яркости. Откуда я знаю, какой он, если хочу показать себя не на чем: если чьи-то заботливая рука все равно не поможет, и выход укажет. Спасаться будет нечего, и сверзнешь не отрывая глаз от пучины, — тоже. Не помогут никакие технические чудеса.

Люди, а не акулы определяют зрительский интерес к искусству — искусству кинематографа в частности.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗРИТЕЛЯ

ЕСЛИ БЫ...

Я НЕ ПОМНЮ те времена, когда в театрах — и знаменитых театрах — после спектаклей той или иной пьесы давался в придачу еще и водевиль. Мне жаль, что я не видел этих двухмерных спектаклей. Жаль хотя бы оттого, что я не могу личным опытом подтвердить, хорошо это было или дурно.

Наши современные театры постепенно, как мне кажется, косвенным путем и приблизительно возвращаются к этой старой практике. Вот-вот и театры в фойе, театры на малой сцене, театры в репетиционных залах. Я их видел и в «Современнике», и в Центральном детском, и в театрах имени Моссовета и Ермоловой, и в Ленинградском БДТ... Пьесы, как правило, на этих сценах ставятся не длинные, с небольшим числом действующих лиц. Спектакль продолжается один час, редко — два. Потребность в них была естественна, возможность же возникла в связи с тем, что на главной сцене многие спектакли стали заканчиваться рано: около девяти часов вечера. А главное, московские театры, например, строят каждый в год 4—5 новых постановок. Занятость творческого состава малая, а желание работать буквально «распирает» и актеров, и режиссеров. Творческий труд — сам по себе радость, и чем больше работает актер или режиссер, тем он счастливее. Надо добавить: как правило, «театры в фойе» были созданы молодежью. Это — клад в наше театральное дело.

И вот сейчас, когда недавно прошедший Всесоюзный семинар по одноактной драматургии в Дубултах показал, что коротких одноактных пьес хорошего качества у молодых драматургов накопилось уже порядочно, приходит в голову мысль: а не играть ли их, как бывало раньше, после основного спектакля на главной же сцене!! Ведь это может сделать любой театр! Думаю, и проблемы свободных актерских и режиссерских сил нашли бы какие-то, пусть частичные решения. И развитие одноактной драматургии, которая так нужна самодеятельности, делающей великое дело культурного строительства, пошло бы по пути более высокого профессионализма да и просто получило бы новый мощный стимул.

Опасаюсь сказать со всей твердостью, но мне думается, что постановка одноактной пьесы после основного спектакля (повторяю: спектакли теперь, как правило, кончаются рано!) была бы делом прекрасным во всех отношениях. И для зрителей, и для театров. Появились же в кино удлиненные сеансы. Или, как уже их прозвали кинозрители, «продленки». «Медовый» удлиненных сеансов имеет две стороны: на одной — лучшие короткометражные фильмы, посмотреть которые стоит, но специально так и не пошел бы, на другой — убогие по художественному уровню одно-, двухчастевые ленты, которые и смотреть не надо, но избавиться от них невозможно — крутят перед началом основного фильма. Одноактные пьесы, на мой взгляд, следует показывать непременно после многоактного спектакля. Может быть, как и в кино, на эти удлиненные театральные вечера несколько повысить цены билетов. В конце концов зрители вправе купить билет только на основной спектакль, а смотреть одноактную пьесу найдутся на их места другие желающие. Тем более, если будут заняты какие-либо очень популярные актеры.

Словом, это уже как говорят на собраниях, чисто организационные дела. Такая практика дала бы еще одну возможность выявления новых драматургических, актерских и режиссерских сил. Если бы...

Виктор РОЗОВ

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

Каждый день приносит вести о новых успехах Социалистической Республики Вьетнам, единого народного государства, рожденного в долгой и трудной революционной борьбе. «Наш народ отмечает три даты — День победы (30 апреля), Международный день солидарности трудящихся (1 Мая) и день рождения президента Хо Ши Мина (19 мая), — говорится в директиве секретаря ЦК КПВ, — в обстановке, когда наша партия, весь народ и вся армия, развивая дух коллективного хозяина, всемерно включаются в соревнование за устранение трудностей, усиливают движение трудового соревнования и полны решимости успешно претворить в жизнь решения IV съезда партии».

ТЕ ХАНЬ (СРВ)

Поезд идет в весну

На дороге «Единство», там, где зелень — стеною,
поезд тяжко пыхтит, он идет на Хайфа.
От гудков его птицы взлетают в испуге.
Он спешит в Хошимин — это город на юге.
Вся страна разговору колес его внемлет:
он связал разделенные, разлученные земли —
и теперь они вместе после долгой разлуки,
словно к телу вернулись отсеченные руки.

На железной дороге «Единство» сегодня
поезд мчится из прошлого в день новогодний.
Позади грозовые и суровые годы —
годы крови, лишений и борьбы за свободу.
И колеса поют под сияющим сводом
о Вьетнаме народном, о Вьетнаме свободном.

Яркий свет пятилетки длинный путь освещает,
и гудок паровозный зарю возвещает.
И мосты, снова вставшие в мире и жизни,
рады верно служить обновленной отчизне.
Зашумели вокзалы, стали здания выше,
песню быстрых колес на рассвете услышав.
Смотрят окна вагонов на леса и озера —
как меняется жизнь на родимых просторах!

Поезд рвется в весну, тьму он колет на части.
И столбы вдоль дорог мерят версты и счастье.
Скоро, скоро увидят эти заросли леса,
как летят, словно стрелы, голубые экспрессы.
И увидят поля, замерев восхищенно,
поезд, мчащийся птицей вдоль хребта Чыонгшона.
И гудки поездов будут петь величаво:
— Слава съезду и партии! Родине слава!

Перевела Л. НИКОЛЬСКАЯ

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ПО СТАРЫМ МАРШРУТАМ

«Под сводами высокого собрания парил дух агента 007» — так начинает репортаж о тридцатом заседании бундестага ФРГ газета «Франкфуртер рундшау». Казалось бы, какая может быть связь между заседанием парламента, на котором рассматривались проблемы терроризма и похищениями преступного Джеймса Бонда? Такую связь, однако, нашел депутат от ХДС/ХСС Эрих Менде.

Он выступил с запросом по поводу путешествий западногерманских граждан на советских пассажирских судах, совершающих круизные рейсы в различных районах мира. Начав с утверждения о том, что, дескать, все советские туристские лайнеры заполнены агентами, ведущими «соответствующее наблюдение за пассажирами», Э. Менде выразил «серьезное беспокойство» за судьбу граждан ФРГ, которые, по его словам, подвергаются опасности «быть завербованными коммунистическими разведывательными службами».

Запугивая высокое собрание, депутат Менде нарисовал действительно страшненькую картину. Представьте себе: за каждым туристом из ФРГ, беспечно отдыхающим на советском судне, пристально следит «коммунистический агент». При первой же возможности этот «агент» вербует оного туриста, прямо на плану обучает его всем премудростям джеймсбондовского ремесла, и бывший добропорядочный Михель возвращается домой уже сторонником «коммунистических принципов».

Возникает, правда, один вопрос: чем руководствовался г-н Менде, расписывая все эти ужасы? Сам он на советских судах, судя по всему, не плавал. Может быть, о своих мытарствах депутату бундестага поведал кто-либо из тех, кто стал «жертвой происков коммунистических разведывательных служб»? Тоже нет. По крайней мере, в своем запросе Менде не приведет ни одного конкретного факта.

А вот газета «Франкфуртер рундшау» приводит факты: она публикует на своих страницах письмо жителя-ганцы города Дитценбах О. Шумахера, который сообщает, что в сама он, и многие из его семьи, уже совершили несколько круизов на советских судах, однако никто из них не заметил никаких попыток «политической обработки» или «вербовки в качестве агента». Решительно опровергая ложь об «условиях плавания и отдыха» на советских лайнерах (а с каждым годом все больше граждан ФРГ проводит свои отпуска в походах на туристских судах СССР), О. Шумахер пишет, что подобные утверждения преследуют лишь одну цель — «сеять политическую атмосферу, посеять рознь и вражду между гражданами двух стран».

Конечно, можно было бы посоветовать депутату бундестага самому совершить путешествие на любом советском судне, но, по-видимому, в его планы такие маршруты, но вряд ли он прислушается к этому совету. Ведь Менде и ему подобные претворяют монотонные призывы по одному и тому же поводу в неизменно громкие «разоблачения» — дезинформация — клевета...

Б. ПИЦИК

ХЕЛЬСИНКИ: КТО ПРОТИВ?

В ожидании ответа г-на президента...

В шумной кампании, развязанной ныне на Западе по поводу якобы имеющих место нарушений прав человека в социалистических странах, видная роль отводится вопросу воссоединения семей. Буржуазные газетчики пытаются раскопать хоть какие-нибудь случаи, которые можно было бы приспособить в качестве иллюстрации к тезису о «нарушении хельсинкских договоренностей». Особенно усердствуют некоторые американские журналисты.

А между тем им не нужно далеко ходить за примерами. В судебных органах самих США они могли бы узнать об одном — увы, не единственном — нарушении прав человека, беспрецедентном попрании всех нравственных норм.

Почти девять лет тому назад у жительницы Чехословакии Власты Габриеловой-Жлудкиновой были похищены двое ее детей — шестилетняя Власта и пятилетний Бедржих. Похитил их отец, который бежал от суда (за тяжелую аварию в состоянии опьянения) на Запад и через полгода скончался в Соединенных Штатах. Мать тщетно пыталась возвратить своих несовершеннолетних дочь и сына. Американские суды либо просто отказывали ей в признании ее материнских и человеческих прав, либо, когда суд начинал колебаться, дети «исчезали», увезенные «неизвестно кем» в неизвестном направлении. Отказавшись добиться справедливости у американской юстиции, Габриелова-Жлудкинова обратилась на днях с открытым письмом к президенту США. Рассказывая о чудовищных перипетиях, с которыми она столкнулась, пытаясь вернуть детей, Габриелова-Жлудкинова пишет:

«У меня до сего дня не укладывается в голове то, что произошло на суде в Сан-Бернардино, где рассматривалась судьба моих детей. Ведь самое основное человеческое право — это право матери на своих детей. А главной характерной чертой судебного разбирательства было то, что речь на нем шла не о благе моих ребят, не о моем праве матери — раздавались лишь ничтожительно предвзятые оценки социальных и политических отношений в Чехословакии... С тех пор у меня есть только одна возможность общаться со своими детьми — переписка. Причем на чужом, английском языке, поскольку Власта и Бедржих не имели и не имеют возможности говорить с кем-нибудь на родном языке...

Вы, наверное, представляете себе, уважаемый г-н президент, что мать и долгие годы спустя не может забыть своих детей, без конца терзается мыслью об их участи и ждет, неустанно ждет их возвращения. Думаю, вы и сами осудили бы ту американскую мать, которая отказалась бы от своих детей.

Уважаемый г-н президент, я следила за некоторыми вашими выступлениями в предвыборной кампании и знаю ваши призывы к сохранению высокой морали и дальнейшему обеспечению гражданских прав в США. Однако мой опыт пребывания в вашей стране и рассмотрения американскими судами дела о моих детях убедил меня, что элементарные нормы морали и гражданские права в США в действительности грубо попираются. По моему мнению, вам тут придется многое исправлять и налаживать.

...Надеюсь, уважаемый г-н президент, что вы, в духе ваших заявлений, пойдете мне навстречу и используете вашу огромную власть для того, чтобы исправить зло, причиненное мне и моим детям несправедливым решением американского суда.

Я обращаюсь к вам с открытым письмом, ибо только в этом случае могу быть уверена, что мои слова дойдут до вас».

Газета «Руде правоу», поместившая письмо матери, отмечает в этой связи: «Во всех цивилизованных странах похищение детей считается одним из самых тяжелых преступлений и карается по всей строгости закона. Соединенные Штаты не являются исключением. Однако в данном случае произошло что-то непонятное... Победило американское право на бесправие». «Руде правоу» говорит, что после высказываний президента Картера у убитой горем матери «возникла надежда, что, может быть, хоть на сей раз слова президента не слишком разойдутся с его делами...»

«Оправдается ли эта надежда? Хотелось бы верить... Однако, как бы ни развернулись дальнейшие события, один вопрос не может быть снят с повестки дня. Как реагировала бы американская администрация, если бы, скажем, чехословацкий суд, случись нечто подобное в ЧССР, отказал бы в возвращении малолетних детей американской матери, а отдал бы их куда-то на воспитание по той причине, что в США господствует иной социальный строй?

И если уж говорить о нарушениях права на воссоединение семьи, то начать нужно с того, что было рекомендовано еще до Хельсинки тому назад: «Лекарю, исцелися сам».

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

Песнь во славу палача

Французский певец Мишель Сарду проводит в концертные залы на выступления весьма оригинальным способом. Он неизменно появляется в сопровождении двух вооруженных «гориллы». Певец не столько опасается нападения своих разъяренных поклонников, сколько боится людей, возмущенных его песнями.

Дело в том, что Сарду открыто и с гордостью именует себя фашистом. Недавно еженедельник «Пари матч» опубликовал статью писателя Жана Ко, противопоставившего «Вьсню» Мишеля Сарду... Приведем из нее выразительный диалог:

— Так, значит, Мишель Сарду, вы нацист. И, несмотря на это, дела ваши идут хорошо?

— Семь тысяч зрителей приветствовали меня в Брюсселе и полторасто каких-то «гонцистов» протестовали у входа в зал. Все билеты на мои ближайшие турне распроданы.

— Черт возьми! Неужели нашим до такой степени в моде?

— За десять лет во Франции разошлось 25 миллионов моих пластинок...

— В чем же заключается «вызов» Сарду? Жан Ко видит его заслугу в том, что, не желая поставлять пошлые развлекательные программы, он обратился к «подлинным ценностям». Но оплакивает былое колониальное величие Франции, выступает сторонником твердого «правого порядка» и в песне «Я — фашист» с гордостью высказывается в защиту смертной казни. Западногерманский журнал «Штерн» писал, что Сарду сложил песнь во славу палача. Разумеется, песни Сарду, которые резко осуждает молодежь, заряженную, с его точки зрения, «правоцкими лозунгами идеи», сдобрены сильной дозой шовинизма и откровенного расизма.

Вот в прямом переводе кусает одной из его песен: «Я хотел бы обчистить банк, зарубить кассира, насиловать женщин, прыгнуть на вожделенную лучшую». Сторонники песни утверждают, что не следует видеть в этом песне жизненное кредо ее автора. Журналу «Штерн» сам Сарду заявил, что, пользуясь, таким способом он хотел сварить пугающее состояние людей, которые вынуждены жить в мрачных бетонных клетках на городских окраинах». По идеологическим, если здесь применимо это слово, взглядам тут совершенно прозрачны: подобные «художные» настроения нужно подавлять железной рукой полиции. Сарду говорит о своем безразличии к политике, но людей, не приглашенных его «заинтересованного» на службу реакции «искусства», называет «идиотами».

Выступления Сарду вызвали бурные протесты общественности ряда европейских стран. Почитатели требовали запретить его концерты состоялись в Париже, Голуэ, Брюсселе. В Швейцарии даже создан «комитет против Сарду». Однако эти протесты не в силу не приводят, потому что за спиной певца стоит промышленная система «массовой культуры». Поэтому так уверенно и безнаказанно выступает себя Сарду. Писатели и журналисты — говорит он, — могут называть меня фашистом, мне на это плевать!

А отходы, как это на странно, заявлений имеет Сарду и в определенной среде. Основатель «Фронта» Франции, академик Тьерри Монье поспешил заступиться за якобы «гонимого» певца. Он признает, что Сарду «иногда, что называется, перегибает», но, продолжает Т. Монье, кроме «Фашист не будет есть» нашел возможность в «выражении в песне «Я люблю мясо» и «Я ненавижу». Монье даже говорит, что, кто прекратит протест против песни Сарду, в «нарушение человеческих достоинствам». Таково оправданное мнение сторонника «свободы выражения» французского фашистского пропагандиста...

Л. ПАВЛОВ

РЕПЛИКА

Тяжкий недуг Ларри Макдональда

Пренеприятная история приключилась с американским конгрессменом Ларри Макдональдом — он рискует остаться совершенно обезоружным перед лицом «советской и прочей красной угрозы». Но не подумайте, что этот член национального сейма общества Джона Бирча оказался жертвой собственного непростительного легкомыслия. Ни в коем случае! Ларри Макдональд — ответный воробей, а вернее, «стрелец». К тому же он человек информированный — читает прессу, смотрит телепередачи и хорошо знает, что «разрядка» — это ловушка для легковерных, придуманная коммунистами, чтобы ослабить систему обороны Запада. Макдональд не привык полагаться ни на волю случая, ни тем более на чьюлибо добрую волю. Будучи человеком предусмотрительным, он решил создать свои личные арсенал, чтобы быть в полном смысле этого слова во всеоружии, если вдруг начнется «коммунистическое вторжение», массовое грабежное поношения и на разразится экономическая катастрофа. Так, по словам газеты «Атланта конституция», Макдональд мотивировал свои действия.

Задумано — сделано. И вот на чердаке дома Макдональда в штате Джорджия уже «спокойненько» побеседовали воронеными стволами более 200 винтовок, пистолетов и т. п.

Чтобы не привлекать к ним лишнего внимания властей к своему, между тем, не совсем обычному для члена палаты представителей деятельности, Макдональд использовал все лазейки, имеющиеся в положениях, регулирующих приобретение и регистрацию огнестрельного оружия. Не упустил он и возможностей своей... врачебной практики. Да, воинственный Макдональд — врач, представитель одной из самых гуманных профессий. Но для Макдональда, когда русские того и гляди ринутся у берегов штата Джорджия или, даже страшно подумать, в речки Атланты! И без всяких угрозисных советов Макдональд начал при каждом удобном случае выписывать больным для него винтовки и пистолеты. При этом он выбирал безнадежно больных людей, которые, по его расчетам, должны были вот-вот отбыть в «мир иной», очевидно, полагая, что в таком деле не рады выгодные иметь не живых, а мертвых свидетелей.

Но такие рвения иногда становятся явным, и незаконная деятельность конгрессмена оказалась достоянием гласности... Судя по всему, ему придется разоружиться.

Справедливости ради следует сказать, что Макдональд не одинок в своем рвении. В большинстве штатов США было обнаружено несколько крупных тайных складов оружия и боеприпасов, а также расистских и нацистских литератур. Ларри Макдональд не стал скрывать своих признаков этого недуга — конгрессмена Ларри Макдональда...

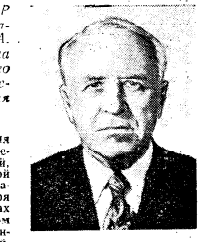
В. ЖУРАВЛЕВА

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН: каждый двадцатый — безработный

Фотомонтаж из западноберлинской газеты «Вархайт»

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

УВАЖАТЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА



Представитель СССР в Комиссии ООН по правам человека посол В. А. ЗОРИН отвечает на вопросы специального корреспондента «Литературной газеты» Юрия Ярцева.

— При всей важности для человечества такой проблемы, как гонка вооружений, в центре внимания новой американской администрации чуть ли не с 20 января оказался вопрос о «правах человека» в Советском Союзе и других социалистических странах. По крайней мере так заставляет думать кампания, развязанная на Западе антисоветскими кругами. Не без охоты в нее втянулись некоторые официальные и даже весьма высокопоставленные деятели. Милоходом, правда, делаются оговорки, что не все, дескать, в этом отношении ладно и в собственном доме, но оговорки оговорками, а весь пыл, который средствами массовой информации превращается уже в форменное пропагандистское наступление, направляется против Советского Союза. Да и оговорки не получают расшифровки. А есть ли у Соединенных Штатов моральное право роль адвоката, берущегося о «защите прав человека», якобы нарушаемых в социалистических странах?

В прошлом году, как известно, вступили в силу Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах. США до сих пор не ратифицировали ни тот, ни другой. Пылится в архивах конгресса конвенция о предупреждении геноцида. Та же участь постигла и конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации. США — вообще одно из немногих государств, которое на протяжении долгих лет отказывается взять на себя конкретные договорные обязательства по обеспечению основных прав и свобод человека.

Совсем так, что в разгар шумихи о «правах человека» в Дворце наций в Женеве в течение пяти недель проходили заседания 33-й сессии Комиссии ООН по правам человека. Работа ведущих органов ООН — Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности — освещается широко. Да и состав их, повестка дня — все это бывает известно нашим читателям достаточно хорошо, порой загодя. Поэтому начала рассказывать, пожалуйста, Валентин Александрович, несколько поподробнее о самой Комиссии ООН по правам человека. Кто в нее входит, какие прежде всего страны?

— В Комиссии представлены 32 государства, где, последовательно, и разные географические районы, и различные социально-политические системы СССР и КССР, Народная Республика Болгария и Югославия, далее 8 капиталистические государства Запада — США, Англия, ФРГ, Италия, Канада, Норвегия — члены НАТО и нейтральные Австрия и Швеция, а также Кипр, 6 государств Африки — Нигерия, Сенегал, Гвинея, Либерия, Замбия, Руанда, Берег Слоновой Кости, 6 государств Азии — Индия, Пакистан, Иран, Турция, Сирия, Иордания, а также 8 государств Латинской Америки — Эквадор, Панама, Перу, Уругвай, Коста-Рика, Куба.

— В ООН, однако, почти 150 государств, а всего в мире их около двухсот. В какой-то форме, очередные и страны, не представленные в комиссии, тоже участвуют в ее работе?

— На сессии приглашены наблюдатели от 39 государств, представители 9 межправительственных организаций (Европейского совета, Лиги арабских стран, Организации африканского единства, Организации американских государств), представители специализированных учреждений ООН (ЮНЕСКО, МОТ), представители Организации объединенных Национальных (ООН), Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) и 19 неправительственных организаций, включая Всемирный Совет Мира, Всемирную федерацию профсоюзов и т. д.

— Можно, следовательно, сказать, что присутствие представителей молодых демократических организаций как бы раздвигает стены зала заседаний, в нем был слышен голос миллионов людей, в защиту прав которых и развивает международное сотрудничество Комиссия ООН?

— Несомненно. В первую очередь это касается Всемирного Совета Мира, Всемирной федерации профсоюзов и других, представивших подготовленные ими документы.

— Сколько же вопросов входило в повестку дня?

— Ни много ни мало — 28.

— Но вопросы о нарушении прав человека на территориях, оккупированных Израилем, на Юго-Африке и в Чили были признаны первостепенно важными?

— Они и рассматривались в первоочередном порядке. Не буду пересказывать все то страшное, которые резко осудили массовые нарушения элементарных прав человека на территориях, оккупированных Израилем. Речь идет о объявлении создание израильских поселений, сохранение чрезвычайного положения, систематическое нарушение Женевских конвенций 1949 года об обращении с гражданским населением, введение дискриминационных законов, направленных против арабского населения.

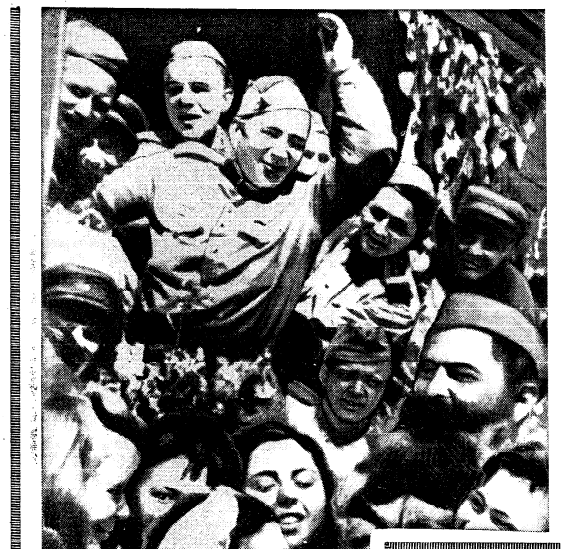
— Агентство Франс Пресс сообщило, что наблюдатель от Израиля отрицал «все обвинения, выдвинутые против его страны». Этот наблюдатель по фамилии Мерон заявил, что Израиль предоставляет жителям оккупированных территорий даже больше прав, чем это предусмотрено Женевскими конвенциями, а доклад спецкомитета по расследованию преступных действий Израиля назвал «абсолютно ложным».

— Я почему выступление Мерона и знаком с докладом спецкомитета. Вот пример для факты приведенных в пункте 223 и подтвержденных документально. «Медан Хасеф Абмиль, 34 лет, был жестоко избит и позже умер в госпитале в Хадасе от сложных переломов и внутреннего кровотечения», а Ахмед Дадуч, недавно освобожденный из-под ареста, страстного содержания под стражей, в возрасте около 20 лет, проживающий в деревне, был избит сотрудниками сил безопасности в то время, когда его везли в Тулкарм для допроса, и также умер от переломов и внутреннего кровотечения».

— А ведь комиссия располагала еще несколькими ВСМ. Факты, приведенные в нем, таковы: за десять лет, начиная с 1967 года, на оккупированных арабских землях брошено в тюрьмы свыше 27 тысяч человек, разрушено почти 20 тысяч домов, принадлежавших арабам, а деревни Аммас, Бейт Нуба и Бейт Ама стерты с лица земли.

— Террор и репрессии, проводимые правящими кругами Тель-Авива, и есть практическое воплощение сионизма. Группы порабощенных стран в своем просите резолюции выразили тревогу в связи с ухудшением положения на оккупированных арабских территориях. Было признано, что «Израиль продолжает нарушать нормы международного права и соответствующие международные конвенции», практикуя такие действия, как аннексия части оккупированной территории, уничтожение жилищ, массовые аресты, пытки и плохое обращение с арабским населением, экспроприация собственности, принадлежащей всем другим ресурсов оккупированных территорий. Проект резолюции обсуждался на пленарном заседании в течение пяти часов — таков был накал страстей. 23 делегации проголосовали «за». Даже не немногие западные делегации, которые не прочь были бы сказать по поводу нарушения израильских оккупационных властей, воздержались. Лишь три делегации — США, Канады и Австралии — проголосовали против. Но когда поступило предложение просить телеграмму правительству Израиля и выразить серьезную озабоченность в связи со сообщениями о пытках в израильских тюрьмах, комиссия приняла это предложение подавляющим большинством.

● ОКОНЧАНИЕ НА 14 СТР.



ВЕРНУЛИСЬ.
Фото из альбома **«САЛЮТ ПОБЕДЫ».** Издательство политической литературы.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ — 9 МАЯ 1945 ГОДА

Автопортрет ровесника Победы

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

«Поскольку мой день рождения совпал с окончанием Великой Отечественной войны, отец назвал меня Катюшей — в честь нашей легендарной «Катюши», сыгравшей немалую роль в достижении Победы».

«В честь Победы меня назвали Славой...»

«Сыну мы дали имя Александр. Отец так и называл его — Александр-победителя».

«Меня назвали Верой. Ведь я появилась на свет 9 мая 1945 года, когда все были полны верой в то, что наступила эра счастливой и спокойной мирной жизни...»

И еще одна характерная биографическая деталь, общая для большинства рожденных в День Победы: лишь немногим из их отцов посчастливилось, как Ивану С., с которого мы начали рассказ, увидеть, а тем более растить своих детей. Чаще всего матерям приходилось одним поднимать сыновей и дочерей. Ребенок готовится к жизни долго — с лета до весны. А похоронки — «Пал смертью храбрых» в боях за свободу и независимость Родины» — приходили, как известно, и после 9 мая.

«Мы росли без отца. Он погиб на фронте — в самом конце войны...»

«Наша мама — героиня. Нас было четверо, и всем она помогла встать на ноги...»

«Отец с войны не вернулся...»

Какими характерными чертами отмечено самое первое мирное пополнение советских людей? Что представляет собой обобщенный портрет ровесников Победы — тех, кто родился 9 мая 1945 года? Как сложились их жизнь? Чего они достигли? Какая у них семья? Чтобы ответить на эти вопросы, было решено объявить

ПОИСК

В Свердловск, город, в годы войны по праву снискавший себе славу одной из крупнейших кузниц Победы, выехал корреспондент «Литературной газеты». И хотя в его блокноте не было записано ни одной фамилии, ни одного адреса, он знал о своем будущем герое не так уж мало: что он родился в 1945 году и что случилось это 9 мая.

По просьбе редакции, городской и областной загсы предоставили корреспонденту возможность выписать из архивных книг фамилии, имена и отчества людей, увидевших свет в День Победы. На основании этих документов были получены первые статистические данные: в Свердловске 9 мая 1945 года родилось 20 человек (почти все — мальчики), в Свердловской области — тоже 20 человек (по странному стечению обстоятельств — в основном девочки). Только где они живут теперь?

Лишь семеро, как оказалось, — по прежним адресам. Отыскать следы остальных было сложно. Да и проблемы это не решало: редакцию-то интересовали не только свердловчане, но все, у кого в паспорте день рождения отмечен красной цифрой 9 мая 1945 года. Тогда было решено дать объявление — «Литературная газета» разыскивает ровесников Победы». Его поместили двадцать восемь областных, городских, краевых и районных газет: «Ленинское знамя» (Московская область), «Ленинградская правда», «Курская правда», «Коммунист» (Саратовская область), «Советский Сахалин», «Рабочий путь» (Смоленская область), «Волгоградская правда», «Красное знамя» (Томская область), «Советская Кубань» (Краснодарский край), «Тихоокеанская звезда» (Хабаровский край), «Волна» (Астраханская область), «Белгородская правда», «Призыв» (Владимирская область), «Комсомол» (Воронежская область), «Горьковская правда», «Знамя» (Калужская область), «Волжская коммуна» (Куйбышевская область), «Северная правда» (Костромская область), «Кузбасс» (Кемеровская область), «Молот» (Ростовская область), «Орловская правда», «Коммунар» (Тульская область), «Ленинская правда», «Уральская правда», «Северная звезда» (гор. Чердынь Пермской области), «Омская правда», «Восточно-Сибирская правда» (Иркутская область), «Звезда» (Пермская область).

На призыв помочь в розыске людей, родившихся 9 мая 1945 года, откликнулось около тысячи человек. По сути дела, они-то и стали тем «адресным столом», который помог выяснить фамилии, имена и отчества, города, улицы и номера домов ровесников Победы. Их тоже оказалось примерно тысяча. И тогда наступила очередь анкеты: где вы родились; прожили большую часть жизни; ваша профессия и должность; ваше образование... Всего анкета включала 15 вопросов.

Из тысячи разосланных в редакцию вернулись 333 заполненные анкеты: 174 — «мужских» и 159 — «женских». И хотя можно было ответить на все вопросы, лишь подчеркнув нужные пункты, большинство этим не ограничилось. Вместе с анкетами пришли настоящие письма-исповеди, подлинные человеческие документы, без которых обобщенный портрет ровесника Победы было бы, конечно, не создать.

Возможности анкеты ограничены. Как могли бы, скажем, они передать ту атмосферу всенародного ликования, которая царила повсеместно в день провозглашения Победы? Объяснить, почему и сегодня ровесники «навеки памятного дня» не забывают, что родились под радостные залпы победного салюта, хотя самого салюта ни видеть, ни слышать еще не могли.

«Мой брат Слава (Вячеслав) родился 9 мая 1945 года в городе Вознесенске УССР. Мне было тогда неполных 13 лет. Какой это был день! Я был дома с двумя братьями, когда по радио провозгласили Победу над гитлеровской Германией. Этого часа ждали все соседи — целые годы, ждали и мы, ждали тех лет, — со дня на день, с часу на час, с минуты на минуту, так как знали, что зверя бьют в его собственной берлоге. И вот он настал, этот час. А еще через два часа родился мой брат Слава. Он уже не знает, что такое война, не видел того горя, а мы, его братья, хоть и были малыми, а хлебнули. Какое счастье, что войны нет, что мы можем мирно жить, что над нашей планетой светлое, чистое небо! Я очень горжусь своим младшим братом. Он у нас инженер, а я работаю водителем городского автобуса...»

Трудно пришлось первому послевоенному поколению. Сто пятьдесят шесть человек — по сути дела, каждый второй — на вопрос анкеты «С каких лет вы начали работать?» ответили: «До восемнадцати», то есть вступили в самостоятельную жизнь совсем еще юными. «С 13 лет я на ферме». «С 15 лет помогала матери на заводе». «С 16 лет вкалывала». Так вступало в жизнь поколение, у которого отцы и матери долгие послевоенные годы-субботники, годы-воскресники поднимали страну из руин. Дети вынуждены были им помогать. Зато сегодня многие из них с гордостью написали: всего, что имею,

ДОБИЛСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО

Самую большую группу ответивших на анкету составляют рабочие — 80 процентов. Значительная часть из них — высококвалифицированные специалисты, на которых сегодня держится производство. Какими только профессиями они не владеют! Строители, наладчики, токари, аппаратчики, фрезеровщики, лекальщики, станочники, слесари, шоферы, трактористы. Причем очень часто не просто фрезеровщик, а «фрезеровщик пятого разряда», не только шофер, но и «водитель первого класса», не электросварщик, а «бригадир электросварщиков».

«Я родился 9 мая 1945 года в деревне Дуброва Курской области. Мой отец — участник войны. У меня среднее образование. Я служил в рядах Советской Армии, а потом работал — и строителем, и сборщиком на заводе, все искал «свое». Сейчас, видимо, нашел: уже седьмой год вожу автобус. Являюсь бригадиром, шофером-наставником (я шофер 1-го класса). За добросовестный труд меня наградили почетными грамотами, поощряли денежными премиями. Я был участником областных соревнований «Лучший по профессии», где наше предприятие заняло первое место...»

Подавляющее большинство опрошенных, несмотря на то, что трудиться начали рано, получили среднее (67 процентов) и даже высшее (23 процента) образование. При этом каждый пятый стал инженером — конструктором, технологом, механиком, экономистом, радиотехником, электриком, строителем. Многие получили профессию врача, учителя, стали архитекторами, художниками, адвокатами, офицерами Советской Армии, журналистами, овладели новыми специальностями, характерными именно для мирных, послевоенных лет. Графа «Ваши профессия и должность» пестрит современными: оператор ЭВМ, биофизик, техник-программист, инженер-программист, экономист-кибернетик. Немало и обыкновенных, так называемых рядовых профессий — продавец, парикмахер, медсестра, воспитательница детского сада... Не в роде занятий суть. Главное — есть нечто родящее этих разных, непохожих между собой людей с несхожими, часто нелегкими судьбами — священная для всего народа дата, ставшая днем и годом их рождения. Первый день мира, последний день войны. Память об этом дне не могут не хранить ровесники Победы, где бы и кем бы ни довелось им трудиться.

«Халтурить не могу, когда вспомню, что родилась в такой великий день. Чувство гордости охватывает, откуда силы берутся, не знаю.

«Когда я был маленьким мальчиком, то думал, что салют — это в честь моего дня рождения. Но и став взрослым, не забываю, что в день моего рождения над Москвой — салют. Стыдно не быть достойным этого великого дня!»

Свой трудовой путь Михаил начал на Хабаровском судостроительном заводе учеником слесаря-сборщика. И по сей день он трудится там же. Только теперь руководителем бригады коммунистического труда. Выпускает продукцию с личным клеймом. Награжден медалью, грамотами, дипломами. Заканчивает заочно Институт инженеров водного транспорта в Новосибирске. «По характеру он простой, скромный, добрый человек. И мужественный. Сколько мужества надо иметь, чтобы так работать и все время учиться, — пишет жена Михаила. — Думаю, он вполне достоин тех, кто геройски вел себя на фронте».

О честном, самоотверженном труде ровесников Мира говорят прежде всего «объективные показатели». Каждый четвертый из ответивших на анкету имеет правительственные награды, без малого каждый второй является отличником социалистического соревнования; очень многие сообщали, что носят высокое звание ударника коммунистического труда.

Сорок два процента опрошенных считают, что достигли в жизни «почти всего» или даже «всего», то есть, выражаясь языком социологов, жизненные планы свои реализовали: живут хорошо, работают с удовольствием, неплохо зарабатывают. Кстати говоря, зарплата половины мужчин составляет от ста тридцати пяти до двухсот рублей (у женщин несколько ниже). Каждый восьмой получает больше двухсот рублей в месяц, семь процентов — свыше двухсот пятидесяти.

Больше половины, а точнее — 57,7 процента, на тот же вопрос «Всего ли вы достигли, чего хотели?» ответили так: «Нет, но собираюсь достичь». Уловиться этому «нет» не придется, поскольку речь идет о людях молодых, только еще встречающих тридцатидвухлетие. В то же время не может не радовать активность жизненной позиции, выраженная в уверенном «собираюсь достичь», целеустремленность, ответственность, теперь уже не только перед днем прошлым, но и за годы будущие.

Около 90 процентов, как выяснилось, ведут общественную работу: член парткома, председатель завкома, народный заседатель, председатель группы народного контроля, народный контролер, депутат горсовета (их оказалось двое).

Поистине, как сказал поэт:

Священная годов минувших память
Да будет в новом подвиге жива!

«Я вам пишу о своей жене, близком мне человеке. Она родилась 9 мая 1945 года в городе Туле. Окончила в 1969 году Тульский политехнический институт и сейчас работает инженером-электриком на машиностроительном заводе. Является передовиком производства, ударником коммунистического труда, ее портрет — на заводской Доске почета».

«Моя племянница, ровесница Победы, по призыву комсомола, по велению сердца уехала из теплого Житомира на передний край пятилетки — возводить сибирский город Братск!...»

«Мои тетя и дядя — близнецы. Они родились в День Победы. Судьба их была трудной, а выросли и стали настоящими людьми. Моя тетя — учительница, ее выбрали депутатом городского Совета депутатов трудящихся. Мой дядя — токарь, работает бригадиром, ударник, общественник. Ими можно гордиться, а мне, девятикласснице, — следовать их примеру».

Почти все ровесники Победы — 94 процента опрошенных — успели обзавестись семьями. И, как правило, это

ХОРОШИЕ СЕМЬИ

Довольны ли вы своей семейной жизнью? Семьдесят процентов ответили на этот вопрос утвердительно. Любопытная деталь: мужских «да» оказалось на 30 больше, чем женских. Скорее всего это связано с тем, что основную тяжесть второго, домашнего рабочего дня в этих семьях чаще всего берут на себя не мужья, а жены. Но в целом и те, и другие, как правило, лишенные с детства тепла полноценной семьи, умеют ценить семейные узы, очень ласково пишут о женах, мужьях, детях, приводят трогательные подробности их жизни, учебы.

«Ребят у нас двое. Как по заказу: старший — мальчишка, младшая — девочка. Живем мы все очень хорошо...»

«Семья у меня очень дружная, двое детей. Нашей дочурке Недюшке 10 лет, учится без троек, а мальчике Коленьке всего 3 года, он ходит в детский сад. Муж мой работает на заводе электросварщиком. Так что все мы живы-здоровы, чего и вам желаем...»

«Когда дочке Леночке было два года, поступила в Костромское культурно-просветительное училище. Было трудно, но муж мне помогал...»

И все-таки у каждого десятого семейная жизнь не сложилась — о браке приходится говорить в прошлом времени: «состоял». Шесть процентов опрошенных семью создать еще не успели. И разведенные, и неженатые тоскуют по семье, горюют, что пока одни: «Не могу встретить суженого», «Одиноко одному», «Плохо без любимого». Те, кому на вопрос «Довольны ли они своей семейной жизнью?» прилюбо отвечать «Нет» и «не очень», часто ссылаются на выпивку супруга («Муж приходит навеселе», «Муж пьет больше, чем надо»), а некоторые — на тесное пока жилье («Была бы квартира попросторнее, все устроилось бы»).

Как правило, семьи у ровесников Победы маленькие: один, реже — два ребенка. Примерно семь процентов составляют исключение, у них по трое и даже по четыре детей. Еще одна любопытная деталь: число детей не прямо, а обратно пропорционально заработку, так что «винить» приходится в основном себя. Или все дело в том, что ровесник Победы еще молод?

Был в анкете и вопрос о здоровье. Большинство (62,5 процента) ответило, что здоровье у них хорошее, а иные написали даже «отличное». И все так примерно 36 процентов квалифицировали состояние своего здоровья как среднее, а четыре процента написали: здоровье плохое. В целом (40 процентов) это большие цифры, особенно если помнить, что обобщенный автопортрет пишут тридцатидвухлетние. Их, не знающих войны, тоже догнало ее «эхо»: и бедность, и послевоенная разруха, когда «усталые работали без устали. Голодные, как сытые, трудились». Вот почему у ровесников Победы к войне особый счет.

«Да, мы родились, когда война окончилась, но ненавидим ее. Я, например, не могу без боли смотреть фильмы, рассказывающие про войну, слушать песни о войне. Комок подступает к горлу...»

«Пусть наши лица как можно чаще озаряет улыбка: мир на земле — это такое счастье».

Первое послевоенное поколение — это люди, которые не любят сидеть на одном месте. Каждый второй по крайней мере один раз успел переменить место жительства, переехать в другой город или район: на большую стройку, на учебу, на крупные предприятия. Прожил большую часть жизни там, где родился, лишь каждый четвертый мужчина и каждая третья женщина. Некоторые (пять процентов опрошенных) меняли место жительства особенно часто, более четырех раз. Это, естественно, строители и офицеры Советской Армии.

***

Таков неполный и, конечно, несколько схематичный, как все подобные собирательные образы, но наверняка близкий к оригиналу автопортрет ровесника Победы.

Что можно добавить к сказанному?

Люди поведали нам историю своих жизней, некоторые прислали фотографии. Таким образом, наше заочное знакомство состоялось.

Впрочем, не только заочное. Недавно корреспондент «ЛГ» ехал в пригородном поезде из Наро-Фоминска в Москву. На последней с ним оказыве сидели три девушки и... хором заполняли анкету, которую редакция рассылала ровесникам Победы. Одна читала вслух вопросы, две другие помогали на них отвечать:

— Конечно же, Ленка, ты довольна семейной жизнью. У тебя два сына! И муж замечательный. Про тебя теперь в газете напишут...

Корреспондент узнал, что Лена приехала в родную Апрелевку к подругам издалека, что они с мужем работают теперь на стройке в далеком сибирском городе. Оттуда она и привезла анкету, полученную из редакции. Вот, оказывается, какие путешествия совершали анкеты!

Лена попросила корреспондента дать ей несколько адресов тех, кто, как и она, родился 9 мая 1945 года.

— Может быть, встретимся. И отыщем остальных. Это же так интересно!

Такие же письма пришли вместе с некоторыми анкетами:

«Создать бы общество (или клуб) ровесников Победы! Сколько интересного, связанного с памятной, необычной датой своего рождения они могли бы друг другу рассказать...»

«Очень хочется встретиться со своими ровесниками. Особенно остро это желание ощущается, когда подходит очередь «Дня Победы».

«Было бы неплохо, если бы редакция сумела организовать встречу «счастливчиков», к которым принадлежу и я...»

Откровенно говоря, подобной цели — перезнакомить «счастливчиков» — редакция перед собой не ставила. Видимо, это дело будущего. А пока заочное знакомство, тоже, на наш взгляд, полезное. И не только на наш.

«Очень нужное и важное дело вы придумали. В какой-то мере «спортрета» все нас сблизит, позволит лучше понять друг друга...»

«Думаю, не ошибусь, если назову инициативу газеты ценной. Уверен, такой материал, рассказывающий о судьбах первого мирного поколения, окажет благотворное влияние на подрастающую молодежь...»

Настала пора прощаться. В заключение мы поздравляем всех родившихся 9 мая 1945 года с Днем Победы и тридцатидвухлетием; желаем доброго здоровья, счастья, достижения целей, благополучия. И, конечно, мирного неба.

Л. ВЕЛИКАНОВА,
С. ЛУКНИЦКИЙ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

У ИСТОКОВ СНЕЖЕТИ

Здесь проходит водораздел между Днепром и Волгой. Одни реки текут на запад, другие — на восток. Земля неровная, бугристая, лобастая — горушки да горка, поля да перелески. Далеко видать отсюда. И дышится здесь широко, вольно. Песенная земля, былинная.

В этом-то месте, неподалеку от истока речки Снежеть, и засыпал на черном пьедестале Скорбящая Мать в ожидании своих сыновей...

Этот памятник на холме в совхозе «Бугровский» необычен. Воздвигнут его в честь своих товарищей, земляков, погибших на фронтах Великой Отечественной, здешний уроженец, сам в прошлом солдат-фронтовик, а теперь инженер-литейщик Дорохин Владимир Федорович.

Он приехал летом на родину в отпуск. Каждый день вставал чуть свет и три километра, опускаясь с горки, переходя вброд речушку и опять поднимаясь на горку, шел из своего родного поселка Гремучего на центральную усадьбу совхоза. Когда люди, выстояв печи, шли на работу, он уже возвращался домой, в Гремучий.

В то лето он мало любовался восходами, и утренним туманом над Снежетью, и золотистыми нивами на взгорках, и перистыми облаками на голубом небосводе — он спешил. Возил кирпич, цемент, воду, готовил раствор и верил каркас для фигуры.

Лепил он фигуру Скорбящей Матери и горельеф умирающего солдата зорьками — утренними и вечерними. Трудно сказать, почему. Может, потому, что сам был ранен и умирал на заре? Чудом выжил.

На фронт он пошел в сорок третьем, семнадцати лет от роду. После войны очень хотел учиться. И вот он из своего Гремучего ходил в вечернюю школу в Карачев, за десять верст. Он шел в Карачев полем — в лаптях, а на окраине Карачева переобувался в ботинки, лапти прятал в кусточки и так шел в школу. Возвращаясь из школы, опять переобувался... Но школу закончил. И поступил в институт. Учился в институте и работал. Ну, а потом жизнь хорошая пошла. Теперь он живет в Мелитополе, у моря. Дом свой сам, своими руками поставил, очень много книг у него, и картины пишет, он — инженер-литейщик компрессорного завода. Но родину свою не забывает. Да и как ее забыть, если у нас одна родина? Тут он свет увидел, тут ощутил тепло земли. Той самой земли, которую пахал до войны его отец Федор Тихонович, первый председатель здешнего колхоза, а теперь пашут брат Петр Федорович и четверо его сыновей.

...Скорбящая Мать стоит на высоком холме и, не утирая слез, не скрывая горя, всматривается в даль дороги.

Б. КАЧЕНОВСКИЙ

БРЯНСК

ПИСЬМА С ФРОНТА

«ГОЛУБОЙ ПРИНЕСЕШЬ ВАСИЛЕК»

ИССЛЕДУЯ ТЕМУ НАРОДНОГО ПОДВИГА, УКРАИНСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА НАТАЛЬЯ КАЩУК ОБРАТИЛАСЬ К ФРОНТОВЫМ ПИСЬМАМ ЛЕЙТЕНАНТА ВЛАДИМИРА АНТОНЧИКА, КОТОРЫЕ БОЛЬШЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ ХРАНИЛ ЕГО БРАТ.

Семья Антончиков жила в Киеве. Война разметала ее. Родители оказались в фашистской неволе. Младшему сыну Михаилу удалось выпрыгнуть из эшелона, шедшего в Германию. Украинские и польские женщины скрывали парнишку, помогли ему добраться до своих. А вскоре установилась у него связь со старшим братом Владимиром. Владимир, лейтенант-артиллерист, шел вместе с фронтом от берегов родного Днепра на Запад, к Висле. Вот строки из его писем.

«Командую артиллерийским взводом. За бои за Днепр награжден орденом Красной Звезды».

«Движемся почти круглые сутки, едем все дальше на Запад. Сейчас у нас привал, и я использую эти несколько минут, чтобы написать тебе пару слов».

Простые письма Мужественные письма. С верой в победу. С думой о близких.

«Я рад за тебя, что ты, несмотря на трудности, добился чего хотел — стал воспитанником художественного института. Теперь тебе нужно будет напрячь все свои силы, всю энергию, чтобы успешно его окончить. Я, чем могу, буду помогать... А я живу той фронтовой жизнью, о которой тебе не раз писал. Бью фашистов за все, что они сделали на нашей земле, мщу за наших родителей и не успокоюсь, пока хоть один гитлеровец будет держать оружие против нас, пока хоть один наш человек будет томиться в рабстве в Германии».

27 апреля 1944 года Владимир писал:

«Ночью получил от тебя письмо с твоей фотографией, письмо из родного Киева, за которое очень и очень тебя благодарю, и на рассвете спешу дать ответ... Береги квартиру, наведи в ней порядок, чтобы наши родители возвратились в такую квартиру, из какой они ушли. Родители наши должны вернуться, в это мы должны верить.

Отдавай все своей учебе, а я отдам все для полного разгрома врага и для быстрейшей победы... Воюем пока хорошо. Мне вручили орден Отечественной войны».

Дорога вела все дальше на Запад. Все ближе, все желанней победа, час встречи с близкими.

«8.XI.44. Спешу поздравить тебя с годовщиной освобождения нашей родины, центра и сердце Советской Украины — города Киева. Я уже отправдывал годовщину Октября. Конечно, ты не знаешь, как праздновут на фронте, но примерно можешь представить. Вчера во время торжественного обеда вышли огонь, и пришлось обедать только поздно вечером когда совсем стемнело. Но ничего, все это кончится, и тогда отпразднуем все наши праздники все вместе.

17.XII.44. В первых строчках разреши поздравить тебя с наступающим 1945 годом и пожелать тебе много счастья и здоровья и новых хороших успехов! Я думаю, что этот год будет годом окончательной победы над фашистской Германией, годом нашей встречи».

...Следующего письма с фронта Михаил ждал дольше обычного. А когда получил его, сжался от недоброго предчувствия: почерк был не Володин.

«30.I.45. Здравствуй, дорогой Михаил!

Мне очень тяжело писать это письмо, ибо Владимир был мне самым близким другом: почти братом... Я пишу, исполняя свой долг, как он ни тяжел для меня.

Это было уже в Германии 24 января рано утром. Мы завязали бой в селе Оберштрадцим (Силезия). Орудия взвода Владимира выдвинулись на прямую наводку, ибо пулеметы мешали продвижению пехоты.

Вскоре был ранен заряжающий первого орудия. Разъяренный Владимир бросился вперед и, не считаясь ни с какими предостережениями, выдвинул из-за дома второе орудие. Рядом с ним был заряжающий Хоцанович. Очередь сразила одновременно обоих...

Так геройски в бою пал твой брат и мне дорогой друг...

Глубоко соболезнующий тебе, Михаил Пастер

20.III.45. Германия. Пишет Вам товарищ Вашего брата Вячеслав Байканов... В боях на территории Германии мы утеряли 24.1.45 смелого и мужественного офицера Володю.

Вести о гибели его пришли мгновенно по всему нашему подразделению. Еще сильнее бьют врага воспитанники Вашего брата за гибель командира. С воинскими почестями был похоронен Владимир в с. Оберштрадцим (Силезия).

Апрель. 1945. Вы прислали письмо Мише Пастеру. Но его к несчастью, уже нет, он погиб смертью храбрых при форсировании реки Нейсе.

Смольянинов Иван Пахомович.

И еще письмо. Из села Подлипное.

«29.4.45. Здравствуй, Михаил!

Сегодня я получила письмо от Володиного друга с фронта и от Вас.

Миша — я буду называть вас так, и думаю, что вы не обидитесь, я верю, вы такой же простой и хороший киевянин-украинец, каким был ваш брат, — вам тяжело будет читать, а мне не легче писать все это.

Мы просили...

...Стоял сентябрь 1943 года. Но люди не убирали урожай. Вечерами — пустынно и страшно. Пылает в пламени пожара Конотоп на окраине которого мое село Подлипное. А на полях горят стога хлеба.

...Как сейчас вижу Володю. Бодро и красиво сидя на коне, он подъехал к воротам и сказал: «Галинка! Дай мне твой адрес. Я не спросила, зачем. Все было так просто и понятно. Подъехав близко к забору, Володя наклонился с коня и подал на прощанье руку. Крепко и нежно сжав мою, посмотрел в глаза и сказал: «Вернемся с победой, до свиданья. Галинкаа». Потом еще спросил. Не забуду ли я его. Пустил коня в галоп и уехал. Я видела, как над грудью он остановился и посмотрел еще раз...

Миша, я плачу, я мучаюсь сейчас... Поймите... Я любила Вашего брата, любила по-настоящему...»

«15.V.45. Меня понимает прекрасно мама; увидев мои глаза, полные слез, она начинает плакать, словно за родным сыном.

Сердце рвется от одного сознания: Володя никогда не придет. А ведь он так верил в нашу встречу, хотел видеть васильки на Украине с ее нежным шелестом ветвей, с песнями соловья.

А в предпоследнем письме он писал:

Если погибнуть придется
(Я от смерти всегда
подалек),
Ты тогда на могилу мне
летом
Голубой принесешь
василек.

...Мне еще тяжелее, что не могу я выполнить его просьбу — принести на могилу васильки, которые часто посылала в конверте. Его могила далекая, неведомая мне...»

...Галина Косарь и Михаил Антончик встретились в Киеве осенью 1945 года, когда девушка ехала на учительскую работу в Закарпатье...

О чем же осталось сказать еще в заочном кругу рассказа в письмах? О том дне, когда в художественном институте председатель Государственной комиссии поэт-академик, поэт-фронтовик Микола Платонович Бажан поздравил живописца Михаила Антончика, чья дипломная картина была признана лучшей... О том, что память войны жжет сердце художника и доныне... Воедино слились для него и материнская любовь, и бесконечная доброта женщин Польши и Украины, передававших его от села к селу после побега из концлагеря, и нежность той девочки, которая прыгала с ним вместе из тюремного эшелона да так и не поднялась с насыпи, и неизбывная печаль Гали... Все это стало темой монументального полотна «Женщины войны»... О том, что тема народного подвига стала главной в творчестве художника Михаила Антончика.

Наталья КАЩУК

Что должен испытывать и как вынужден поступать директор завода или фабрики, поставленный в условия, когда выгодное всей стране (допустим, чтобы выпускаемые изделия обходились дешевле, чтобы пользующихся спросом товаров изготовлялось как можно больше и т. д.) вдруг оказывается невыгодным руководимому им предприятию, его работникам, ему самому? Об этом шла речь в опубликованных в конце прошлого года очерках П. Волина «Когда выгодно — невыгодно» и «Сухари «осенние» («ЛГ» от 6 октября и 24 ноября 1976 года). Автор рассказал о том, на какие ухищрения идут оказавшиеся в таком положении хозяйственники и к каким материальным и нравственным потерям ведет существующая система планирования и оценки работы предприятий, отраслей, нередко заставляющая — в ущерб государственным интересам — сдерживать темпы технического прогресса, скрывать резервы производства и т. п.

Разговор об этом продолжили на страницах «Литературной газеты» наши читатели — ученые, руководители и специалисты предприятий, просто потребители промышленной продукции («ЛГ» от 16 февраля, 23 марта, 20 апреля с. г.).

Редакция получила более ста откликов на эти выступления, и почти продолжает поступать. В некоторых письмах авторы задают вопрос: а какова позиция Госплана по обсуждаемым проблемам? Публикуя сегодня полученный ответ, мы намерены продолжить дискуссию.

«КОГДА ВЫГОДНОЕ—НЕВЫГОДНО», «СУХАРИ «ОСЕННИЕ»

По поручению руководства Госплана СССР, отдел по внедрению новых методов планирования и экономического стимулирования сообщает мнение отдела по вопросам, поднятым специальным корреспондентом газеты П. Волиным в статьях «Когда выгодное — невыгодно» и «Сухари «осенние».

В самом сжатом виде суть проблемы, по нашему мнению, состоит в том, что существующая система оценки выполнения предприятиями заданий государственного плана не позволяет с достаточной достоверностью судить о степени удовлетворения запросов потребителя, что на практике существуют еще «лазейки», позволяющие предприятиям выполнять план производства лишь по общим, количественным показателям. В достижении этой цели многие руководители производства ставят интересы отдельного коллектива выше общественных, нарушая, в частности, обязательства перед предприятиями - смежниками, торговлей за поставку конкретной номенклатуры изделий.

Следует отметить, что корреспондент газеты не связывает решение проблемы с механической заменой одного показателя во производству другим.

Действительно, проблема более сложна. Она существовала и ранее, когда применялись такие утверждаемые показатели, как валовая и товарная продукция. Переход к показателю реализуемой продукции повысил роль потребителя в производстве, но, как показывает опыт, недостаточно. В то же время по своей экономической сущности показатель реализуемой продукции выгодно отличается от предшествующих утверждаемых показателей по производству, так как без согласия заказчика не может быть осуществлен акт куплипродажи продукции. Так что дело не в показателе, а в практике его применения в системе управления производством и оценке деятельности коллективов предприятий.

3 декабря 1976 года Госплан СССР, Госкомтруд СССР, Минфин СССР и ВЦСПС приняли решение, которое, по нашему мнению, будет экономически побуждать поставщиков в значительно большей степени удовлетворять интересы потребителей. С января 1977 года размер фонда материального поощрения предприятий, которые всегда одновременно выступают и как поставщики, и как потребители, ставится в прямую зависимость от степени выполнения ими обязательств по поставкам продукции.

В этих целях предприятие обязано определить все нарушения договорных обязательств за истекший период (учет нарастающим итогом с начала года) в номенклатуре, предусмотренной заключенными договорами и принятыми к исполнению нарядами. На сумму нарушений и будет считаться невыполненным план по реализованной продукции при определении фактического размера фонда материального поощрения.

Данный метод в наиболее полной мере ставит размер фондов материального поощрения в зависимость от выполнения договорных обязательств по поставкам продукции, что определено «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Д. УКРАИНСКИЙ,
заместитель начальника отдела по внедрению новых методов планирования и экономического стимулирования Госплана СССР

СЛОВО СДЕРЖАЛИ! (Молодые строители Норильска) Фото **В. ЧЕЙШВИЛИ**

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

«КРИВАЯ КОМПРОМИССА»

Министерство рыбного хозяйства СССР рассмотрело статью А. Озерова и М. Подгородникова «Кривая компромисса», опубликованную 5 января с. г. в «Литературной газете», и сообщает, что в статье правильно освещены актуальные проблемы, связанные с использованием водных ресурсов и сохранностью рыбных запасов в северном Каспии.

Северный Каспий с впадающими в него реками Волгой и Уралом является уникальным рыбохозяйственным водоемом. Однако рыбное хозяйство здесь находится сейчас в крайне неблагоприятных условиях, которые вызваны недостаточным количеством волжской воды, сокращением нерестилищ, расширением масштабов орошаемого земледелия в дельте Волги, Волго-Ахтубинской пойме, загрязнением водоемов. Запасы отдельных видов рыб снизились в 15—20 раз. Только в 1975 году ущерб, нанесенный рыбному хозяйству, оценивается в суммы на нерестилищах, составил 680 миллионов рублей, а в 1976 году превысил и эту сумму.

В статье правильно освещается положение, сложившееся со строительством вододелителя в дельте Волги. Ввод его в действие в 1974 маловодном году был задержан вследствие невыполнения Минводхозом СССР мелиоративных работ в западной части дельты.

В настоящее время это уникальное сооружение принято государственной комиссией, начинается ввести вододелитель в 1977 году для пробной эксплуатации. Сейчас, до практического опробования, не представляется возможным оценить эффективность устройств в плотине вододелителя для пропуска рыбы. На случай задержки осетровых в нижнем бьефе вододелителя заранее предусмотрена перевозка их в верхний бьеф. Таким способом возможно перевезти около 80 тысяч штук осетров.

Авторы статьи оправданно заостряют внимание на актуальных вопросах сохранения нерестового фонда в дельте Волги.

Для усиления контроля за сохранением нерестилищ Минрыбхоз СССР установил порядок, в соответствии с которым обнесение валами нерестовых участков в Волго-Каспийском бассейне допускается только с разрешения Главрыбвода. К лицам, которые производят незаконное обвалование этих участков, перекрытие протоков, вспашку нерестовых площадей, применяются штрафные санкции. К организациям предъявляются иски за ущерб, причиненный рыбным запасам.

В статье правильно подчеркивается, что эффективность рыбохозяйственных мероприятий, включая и строительство вододелителя, резко снижается вследствие развития в дельте рисосеяния, требующего больших расходов воды и связанного с массовым применением ядохимикатов и гербицидов.

Министерство поддерживает мнение авторов статьи о том, что в дельте Волги целесообразно сочетание рыбного хозяйства с развитием животноводства при использовании пойменных земель под сенокосы, культурные пастбища.

Для сохранения и воспроизводства рыбных запасов в бассейне Каспийского моря, в восточной части дельты Волги и на акватории северного Каспия введена заповедная зона, где допущено развитие в дальнейшем только рыбного хозяйства и водного транспорта. Это решение контролируется органами рыбоохраны.

В целях предотвращения ущерба рыбным запасам Каспийского бассейна Госэкспертиза Госплана СССР рекомендовала Минсельхозу СССР и Минводхозу СССР рассмотреть вопрос о запрещении дальнейшего развития рисосеяния в пойме и дельте Волги и о соответствующем увеличении производства риса на землях Сарпинской низменности. Госэкспертиза признала также необходимым применение в пойме лишь быстрораспадающихся гербицидов и ядохимикатов.

Минрыбхоз СССР считает совершенно правильным изложенное в статье «Кривая компромисса» мнение о допустимости проектирования работ в бассейне нижней Волги по отдельным временным и локальным схемам. Это приводит к бесконтрольности в строительстве, расширению сельскохозяйственных угодий за счет нерестилищ, нарушению водного баланса региона северного Каспия.

В связи с недостаточной экономической обоснованностью и серьезными недоработками «Схему комплексного использования водных, земельных и рыбных ресурсов нижней Волги, рек Урала и Ахтубы и северного Каспия» Госэкспертиза Госплана СССР 8 декабря 1976 года не рекомендовала к утверждению.

Проектные и научно-исследовательские институты Минрыбхоза СССР выполнили подробные проработки к упомянутой схеме. В них изложены требования рыбного хозяйства к сохранению оптимальных природных условий данного региона. Схема будет повторно рассмотрена в Госэкспертизе Госплана СССР.

В связи с острым дефицитом воды представляется необходимым принять решение об ограничении потребления воды в бассейне Волги и в регионе северного Каспия.

Минводхозу следует всемерно ускорить разработку технико экономических обоснований переброски воды из северных рек.

И. НИКОНОРОВ,
член коллегии Министерства рыбного хозяйства СССР

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ

Редакция «ЛГ» получила еще один официальный ответ. Его прислал заместитель министра сельского хозяйства СССР В. Бородин. Это письмо во многом повторяет уже опубликованный ответ Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР («ЛГ», № 12, 1977). Вместе с тем Минсельхоз ни слова не говорит о важной проблеме данного региона — о взаимодействии земельных и рыбохозяйственных организаций. Как приостановить сокращение нерестилищ? Что делать с теми участками земли, которые обнесены валами и уже вовлечены в сельскохозяйственный оборот? Ведь вододелитель строился для того, чтобы затопить водой нерестовые участки, дать возможность рыбе размножаться на мелководьях. Но как восстановить численность рыбы, если у рыбного хозяйства отняты большие участки земли! Этот вопрос Минсельхоз обходит молчанием.

РЯДОМ С НАПАРНИКОМ

Шесть человек несут бревно. Один пригнулся, остальным сразу стало тяжелее. Раз схитрил, второй, — третье бревно с ним уже не понесут, пошлют работника почестнее или приспособятся носить впятером.

Вот простейшая модель многих социально-экономических экспериментов, рождающихся «снизу» на наших глазах.

Неудовлетворенность существующим положением ломает традиционные формы организации труда, оплаты, материального стимулирования. Что же предлагается взамен? Хотя эксперименты и отличаются один от другого, есть у них одно объединяющее их свойство: комплексность. Каждый из них предлагает комплекс перемен (организационных, технических, социальных), и смысл их — в образовании низовой ячейки, члены которой прочно связаны между собой коллективной ответственностью за результаты труда.

Даже простое перечисление этих экспериментов — щекинский метод, бригадный подряд, безнарядная система оплаты труда в сельском хозяйстве, аксайский эксперимент, вазовская система оплаты труда — дает представление о безграничных возможностях творческой инициативы коллективного разума, озабоченного совершенствованием организации нашего хозяйства.

Принципы новых экспериментов дружно таятотеют к усилению коллективного характера труда. Тенденция закономерная и с технической, и с социальной стороны. Возьмем для примера угольный забой. В «эпоху» отбойного молотка каждый занимался своим делом: один доставлял лес, другой крепил забой, третий отбивал уголь, четвертый его грузил и т. д. Пришел угольный комбайн (а сейчас — и целый механизированный комплекс угледобычи), и нет больше ни лесогона, ни крепильщика, ни навалоотбойщика — есть бригада рабочих очистного забоя, где один может успешно заменить другого, где квалификация и добросовестность каждого прямо влияют на результаты коллективного труда. Преодоление узкой специализации — характерная черта нынешних поисков в социально-экономической области. Больше специалистов, чем на конвейере, трудно придумать, и то на Волжском автомобильном заводе создаются бригады, чтобы которые способны выполнять не одну-две, а многие операции, предусмотренные технологией на данном участке.

Но дело, конечно, не только в технике. Мы живем в обществе развитого социализма, когда само сознание трудящихся становится все непримиримее по отношению к плохим работникам, к разгильдяйству, халатности, безответственности и т. д. Существующие системы оплаты труда, к сожалению, не всегда стимулируют хозяйское, бережное отношение человека к материалам и оборудованию, высокую трудовую дисциплину. И с этих позиций многие эксперименты можно рассматривать как своеобразный протест против обезлички и уравниловки. Идешь мимо стройки и видишь разбросанные доски, битый кирпич, груды затвердевшего цемента. Все это — вычет из доходов общества, расчета, по людям, которые в ней повинны, такая бесхозяйственность (если не сказать резче) убытна не принесет.

Эксперименты по коллективной организации и оплате труда почти всегда связаны с прямым согласованием интересов общества и трудового коллектива. При правильно поставленной например, системе бригадного подряда рабочим экономически выгодно бережно относиться к ресурсам.

Однако... В щекинском эксперименте участвует тысяча заводов. Темпы роста производительности труда на этих предприятиях в полтора-два раза выше средних. И наместо, многого — тысяча. Но это лишь 5 процентов промышленности. По методу Злобина работают 30 тысяч бригад. Много? Но это только 8 процентов строительных рабочих. К тому же и эти 8 процентов сомнительны: часть бригад лишь объявлена «злобинскими», но продолжает фактически работать по-старому. И как бы хорошо ни трудились новаторские коллективы, на общем темпе роста промышленности и строительства это заметно не сказется.

Почему же удачные опыты не становятся достоянием широкой хозяйственной практики?

ИНИЦИАТИВА... НАКАЗУЕМА

Комплексные эксперименты порождают и комплекс причин, тормозящих их внедрение.

Начнем с того, что новое появляется там, где люди его ищут в хотят добрых перемен. В каких, например, хозяйствах принимается безнарядная система оплаты труда? Только там, где есть благоприятная социально - психологическая почва для этого: высокий уровень организации хозяйства, трудовой дисциплины, социалистической сознательности. Сибирским экономистам, например, удалось внедрить эту систему в Искитимском совхозе Новосибирской области — в числе других мер, предусмотренных программой долговременного сотрудничества Сибирского отделения АН СССР с этим хозяйством. Но знаем мы и неудачи, когда благие намерения ученых наталкивались на стойкое нежелание любых перестроек, недоверие, активное психологическое сопротивление. Это обстоятельство я назвал бы внутренними условиями, в существенной мере влияющими и на рождение, и на смерть эксперимента.

Во многих случаях, однако, гораздо важнее роль внешних условий. Если, скажем, обратиться к опыту организации строительства в нашем Новосибирске (а это, мне думается, к сожалению, опыт типичный), то годовой цикл строительных работ можно охарактеризовать коротко: спячка — раскачка — штурм. Большая часть объектов сдается в последние месяцы года. Вопиющая неритмичность! Как «жить» методу Злобина в такой системе? Его можно только искусственно поддерживать в отдельных бригадах, во имя общественного престижа, но никак не ради действительной государственной пользы. (Хотя здесь я согласен с призывом Л. Лондона — «ЛГ», № 14, 1977 год — «более трезво оценивать наши возможности» и присоединяюсь к его выводу о том, что уж лучше иметь несколько настоящих «злобинских» бригад, чем много формальных, перебрасываемых с объекта на объект, работающих неравномерно и т. д. Поэтому за «модель» в таком случае только дискредитирует хорошую идею.)

То же самое со щекинским методом — и он предъявляет весьма высокие требования к внешним условиям. Во-первых, прежде чем сократить людей, обслуживающих установки (если говорить о химии), нужно провести крупные организационно-технические мероприятия. А всегда ли и всем ли охота этим заниматься? Во-вторых, разбуженная инициатива трудящихся плодит одно за другим предложения по мобилизации резервов («давайте объединим два пульта», к примеру), но на их осуществление не предусмотрены материальные ресурсы («а у нас кабеля нет!»). Новая, динамичная психология неизбежно приходит в противоречие с издавна существующей консервативной системой снабжения, сложившимися хозяйственными связями, ограниченными возможностями отрасли, и т. д.

Продукт внутренней социальной зрелости отдельного коллектива — эксперимент — вынуждает в свою очередь добиваться и четкой организации хозяйства, и здесь мы выходим на экономические причины, достаточно хорошо известные читателям «Литературной газеты» (сошлюсь хотя бы на одни из последних публикаций — статьи П. Волина «Когда выгодное — невыгодно» и «Сухари «осенние»: «ЛГ», №№ 40, 47, 1976).

Представим себе, что одно строительление целиком состоит из бригад, работающих по методу Злобина. Все они строят экономно и качественно. Государство получает огромный эффект, а план при этом может оказаться... невыполненным. Почему? Да потому, что главный показатель оценки работы строителей — объем строительно-монтажных работ, а отнюль не доточный вид качественно сделанных объектов. Вот строители и роют котлованы зимой, сжигая уголь и нарабтывая преслоутый объем: зимнее-то расценки выше летних. В таких условиях наше целиком «злобинское» управление окажется в значительно худшем материальном положении, чем его соседи, прозагорающие лето и с энтузиазмом долбящие мерзлую землю.

Не «безопасен», с этой точки зрения, и щекинский метод. Перекроит допустим, на него Омский нефтеперерабатывающий завод, и в первые же годы производительность тут повышается на 8—10 процентов. Завод с аппетитом «съедается» свои резервы, радуясь открывшимся возможностям. Но это преждевременная радость. Как писала «ЛГ», «и на выполнить план нельзя, и слишком перевыполнить боязно. Опасно, рискованно...». Планирование чаще всего ведется по достигнутому уровню, и победившие на 8—10 процентов становятся в следующую пятилетку тревожной «обязаловой». А завод уже сливки снял, и каждый новый процент роста требует теперь огромного напряжения, множества разнообразных работ. Так предприятие, которое лучше сработало в прошлом, попадает в более тяжелое положение по сравнению с теми, что работали и работают хуже.

Поневоле начнешь использовать резервы с оглядкой и осторожностью, сегодня — только часть, кое-что прибережем на завтра. Опять кто-то «пригибается», перекладывая общую тяжесть на остальных.

Хотелось бы несколько подробнее остановиться и на психологических аспектах проблемы. В судьбе экспериментов многое зависит от хозяйственных руководителей. Авторитет оценки их деятельности многообразны, и не последняя роль среди них принадлежит морально-престижным моментам. Знакомясь с хозяйственной практикой, я не раз сталкивался с такими ситуациями, когда руководитель сознательно идет на экономически невыгодные для завода перестройки (невыгодные по тем же причинам, о которых писала газета) во имя общегосударственной пользы, из побуждений долга и совести.

В 1976 году Алтайский завод тракторного электрооборудования перешел на выпуск электрогенераторов, которые легче предыдущей модели на 25 процентов, но не уступают ей по техническим характеристикам. Цена новой машины ниже на 13 процентов (знакомая ситуация, не правда ли?), и хотя выпуск этих машин увеличился на 44 тысячи штук в год, объем производства оказался ниже прошлогоднего на 9,5 миллиона рублей. А так как план был утвержден в прежних ценах и не менялся, инженерно-технические работники завода лишились значительной части премии.

Рентабельность нового генератора оказалась в три с лишним раза ниже прежней. И вот результат: был завод в передовых, оказался в отстающих. Поди теперь доказывай, что ты прине народному хозяйству огромную дополнительную выгоду...

Разумеется мы никак не можем сводить интерес хозяйственника только к зарплате, только к материальным стимулам. Но это не значит, что мы можем пренебречь ими. Что получает директор предприятия, перешедшего на щекинский метод? Он сознательно ставит себя в более трудное положение (чем больше дал, тем больше потребуют). На первых порах он может быть хоть морально удовлетворен — растет производительность, и все говорят о том, какой он хороший руководитель. Но проходит совсем немного времени — и складывается противоположное мнение: смотрите, был когда-то хороший директор, а теперь что? Темпы снижаются, план еле тянет и т. д.

Что получает начальник строуправления, внедряя злобинский метод? Дополнительные заботы и очень жесткие обязательства.

И последнее, о чем не могу не сказать, хотя, конечно, частная статья не может исчерпать всей глубины проблемы. Внедрение многих экспериментальных систем сдерживается чрезмерной сложностью инструкций о правах и возможностях (в этом смысле) предприятий. Каждое, даже незначительное изменение (в штатном расписании, оплате, расстановке работников и т. д.) должно проводиться через такое множество бумаг, которое способно отбить вкус к переменам даже у самых оптимистично настроенных руководителей. Пункты, подпункты, оговорки, ограничительные добавления разных времен — это серьезный барьер, который удается более или менее успешно преодолеть только первым — инициатором начинания. Энтузиазм же многих последователей быстро угасает в бумажном потоке.

ПО КОНЕЧНОМУ РЕЗУЛЬТАТУ

Внедрение нового прямо зависит от качества планирования, структуры управления действующего хозяйственного механизма. XXV съезд партии поставил задачу усилить комплексное воздействие плана, экономических рычагов и стимулов, всей системы управления на достижение конечных народнохозяйственных результатов. Социально-экономические эксперименты в отдельных коллективах и отраслях только подтверждают актуальность этой задачи. Из сказанного вытекает несколько очевидных выводов.

Первый: необходимы перестройка планирования, переход на систему качественно иных показателей, в основе которых должна лежать оценка по конечному продукту. При этом план должен быть стабильным. Если менять задания предприятию в течение года, ужесточая их в зависимости от хода выполнения, то нечего и надеяться на поиск и мобилизацию резервов.

Второй: план должен быть подкреплен стимулирующей системой экономических рычагов таким образом, чтобы выгодное государству было было выгодно и любому предприятию, и каждому работнику. Пока же часто бывает наоборот. Не могу удержаться еще от одной яркой иллюстрации этого. Новосибирский завод «Сибсельмаш» в прошедшей пятилетке обновил модели выпускаемых сельскохозяйственных машин. Использование новой техники (по всем показателям превосходящей старую) дало народному хозяйству экономический эффект в 10,5 миллиона рублей. А завод... понес 10 миллионов рублей убытка. Новый лущильник (повышает производительность труда в два раза, снижает эксплуатационные издержки в четыре раза и т. д.) принесет в десятой пятилетке народному хозяйству 4 миллиона рублей дохода и — 3,8 миллиона рублей убытка заводу.

Третий: опыт социально-экономических экспериментов учит, что нужно глубоко продумать основы этих экспериментов — организационные, экономические, научные, юридические. (Известно ведь, что нередко эксперименты заканчивались драматически для их инициаторов.) По мнению члена-корреспондента АН СССР Татьяны Ивановны Заславской, с которой мы не раз обсуждали все эти проблемы, в проведении экспериментов большую роль должна играть Академия наук СССР как генеральный штаб науки. А проводиться они должны, считает Т. И. Заславская (и я с ней согласен), под эгидой и контролем Государственного комитета по науке и технике, который мог бы — в случае необходимости — выступать в роли очень сильного защитника. Ведь эксперименторы, беря на себя важную социальную миссию, лично себя ставят под удар: их правовая позиция часто уязвима.

И последнее: жизнь предлагает очень интересные формы организации труда и оплаты, но многие ли из них настолько радикальны, чтобы работать за их повсеместное распространение? Щекинский метод нацелен, например, на всех видов затрат на сокращение лишь одного вида — затрат живого труда, экономии фонда заработной платы. Но общество, народное хозяйство заинтересованы в экономии не только заработной платы — в себестоимости промышленной продукции она составляет приблизительно пятую часть, остальное приходится на сырье, материалы, амортизацию оборудования. Значит, ориентируясь на экономию только зарплаты, эксперимент использует лишь часть наших возможностей.

Более глубоким, с широких социально-экономических позиций, являются, по-моему, те эксперименты, где действует система коллективной оплаты труда по конечному результату, ориентирующиеся на эффективное использование всех видов ресурсов — и фондов, и капвложений, и материальных, и трудо.

Вы пашете, а ваш товарищ отдыхает в теночке. Вы можете пожать плечами: «Нашел время!». Вы можете сказать ему несколько крепких слов, если вас трехсотлетнее пренебрежение дел в хозяйстве. Но вы можете и вообще не обратить на него внимания, потому что лично вас бездельe другого не касается. А если вы оба — члены звена, оплачиваемого по конечным результатам? Тогда тот, кто прохлаждается в страду, обкрадывает вас, вы работаете за него, и вряд ли вы станете равнодушно поглядывать на лоботряса.

В журнале «ЭКО» не раз публиковались статьи по результатам изучения удовлетворенности человека его работой, в частности на Пермском телефонном заводе, на Омском нефтеперерабатывающем заводе, на ВАЗе. Однозначен вывод: там, где труд оценивается через его конечный результат, там и социально-психологический климат намного лучше.

Разнообразие новых форм организации труда и производства, рождаемых самой жизнью, дает нам право на социальный оптимизм: ведь резервы очевидны. С точки зрения эффективности общественного производства, десятая пятилетка, как говорилось на XXV съезде партии, должна быть переломной. И роль социально-экономического эксперимента — при всей сложности его судьбы — трудно переоценить.

Академик А. Г. АГАНБЕГЯН

КАК ПЕРЕХИТРИТЬ БЕЗДЕЛЬНИКА

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О СУДЬБЕ ЭКСПЕРИМЕНТА В ЭКОНОМИКЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ХОТИМ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ

Уважаемая редакция!

Моему сыну двенадцать лет. А мне сорок шесть. Поздний ребенок, скажете? Да, поневоле поздно. Я мать-одиночка. Есть у нас матери-героини, а есть матери-одиночки. Вот так. Я не хочу лишать них-либо достоинств, но и мы доброго слова заслуживаем...

Рассказывая свою историю, надеюсь, что ваша редакция не оставит ее без внимания и, возможно, хоть чем-то поможет. Не мне лично, но всем тем, кто находится в аналогичном положении. А нас немало.

После окончания института меня распределили в НИИ, моим начальником оказался еще нестарый человек, ему было тридцать восемь. Я знала, что он женат, что от жены не уйдет. Но что поделать, если я его полюбила!

Долгих десять лет мы работали вместе. А потом я встретил решилась. Уехала. Родился у меня сын, я назвала его Никитой, отцу не сообщила.

Теперь, когда Никитке уже двенадцать и он похож внешне на отца один к одному, я могу сказать, что трудности физические позади: бессонные ночи, детские болезни, стирки, кормежки, ведь у меня никого не было — ни бабушек, ни мам, ни тетушек. Одна. Но впереди другие тяготы — моральные. Чего я боялась — происходит: знание матери-одиночки дает себя знать.

И откуда люди все узнают? Ведь ни я, ни тем более Никитка никому ничего не рассказываем. Но я чувствую во взглядах мужчин некое полупрезрительное отношение, а во взглядах женщин — жалость. Жизнь, не похожая на их супружескую, кажется им в чем-то ущербной, неполноценной. Может быть, даже порочной. Они не понимают и, боюсь, никогда не поймут, как весело и здорово мы живем с Никиткой, и если бы не их косые взгляды...

У меня есть соседи, которые будто бы и неплохо относятся ко мне. Их дочка Ирочка, ей одиннадцать, дружит с Никиткой, но я недавно была совершенно убита, едва пришла в себя от того, что узнала. Оказывается, мои соседи считают, что Никита Ирочке не пара, что у него мать одиночка, а значит возможно, он станет «парнем с дурными наклонностями», потому что отца нет и, как они говорили, «не было», а мать-одиночка — женщина слабая и легкомысленная. Это я слабая и легкомысленная! Вот что рассказал мне Никитка, рассказал мрачно, опустив глаза и не глядя на меня,— я его таким не видела никогда. Они поссорились с Ирочкой, и она очень ехидно выложила ему эти сведения. Значит, родители, не стесняясь детских ушей, не боясь загрязнить детскую душу, так откровенно низко говорили о нас с Никиткой. А я никакая не мать-одиночка, не чувствую я себя одинокой, потому что у меня есть сын.

Но как, скажите, как внушить эту простую истину таким «моралистам», как мои соседи?

А. П.

СВЕРДЛОВСК

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ЛЮБОВЬ И ДЕМОГРАФИЯ

СТУДЕНТКА двадцати лет, незамужняя, отправляясь на экзамены, надевает на безымянный палец обручальное кольцо.

Зачем?

— Ну, что вы — совсем другое дело! Замужним дополнительных вопросов не задают.

Да, плохо быть одинокой! Даже на экзамене...

Об этой трудной проблеме в последние годы пишут немало. О брачных объявлениях, об «электронной свахе», о разных культмассовых методах, помогающих современным Джульеттам найти своих Ромео — или наоборот. Но вот появилась статья Виктора Переведенцева «Города женихов» («Литературная газета», № 7 от 16 февраля 1977 года) — проблема одиночества, или, точнее, безбрачия, обнажила еще одну, может быть, самую горькую свою грань.

Оказывается, в 1970 году (а с тех пор положение вряд ли существенно изменилось) на 100 «женихов» в нашей стране было 170 «невест».

Цифра эта меня просто поразила. Прошу прощения за то, что не буду здесь говорить ни о «службе знакомств», которую женски поддерживаю, ни об экономических аспектах проблемы, а подойду к ней чисто человечески. Ведь литература — тоже своеобразное ведомство: департамент души, что ли. Правда, ведомственный подход принято осуждать — но в иных случаях он необходим. Стоит санитарному врачу начать мыслить широко, воспарить мечтой поверх сухих инструкций — и он, чего доброго, впустит в город холеру...

Я думаю вот о чем.

Сегодня все мы, как правило, смотрим на взаимоотношения полов совершенно определенно. Мы ценим девичью честь и женское достоинство, мы считаем прочную семью не только лучшей, но единственно серьезной и уважаемой формой отношений любящих друг друга людей.

Нелепо поставить под сомнение этот не вчера придуманный, а вековой, традиционно уважаемый постулат...

Но, скажите, как быть с цифрами? С тем непреложным фактом, что из десяти сегодняшних «невест» даже теоретически, даже арифметически обеспечены «женихами» лишь шестеро? Как жить оставшимся четырем? Неужели они должны пройти свой жизненный путь, не узнав любви и не родив ребенка?

Вся моя ведомственная сущность яростно восстает против такой перспективы!

Стойкий дефицит

Да, конечно, эпоха изобилия еще не настала, всего не хватает на всех. Что ж, можно прожить без высшего образования, без собственной машины, без дубленки, без нужных томов Конан Дойля на книжной полке.

Но без любви — нельзя.

Однако что я предлагаю? Что делать, если женский стойкий, исконный дефицит, ликвидировать который в ближайшей будущем не под силу даже Госплану?

Прежде чем отвечать, давайте разберемся в тайных пластах проблемы.

Во-первых, она более остра, чем кажется. Ведь помимо одиночества явного существует одиночество скрытое. Например, мужья-алкоголики полностью удовлетворяют семейную статистику, но вряд ли устраивают собственных жен.

Растет число разводов, увеличивая число одиноких. Не исключено, что будет расти и в дальнейшем: с подъемом культуры возрастают требования к духовной стороне брака, а люди «растут» неравномерно: с подъемом благосостояния уменьшается страх перед материальными последствиями разрыва — сегодня бывшим супругам чаще всего не требуется даже разменивать комнату в коммуналке и делить кухонную посуду.

Во-вторых, проблема — и это внушает мне оптимизм — куда менее остра, чем кажется. Да, жестокая статистика обрекает многих невест на жизнь без любви и детей. Но женщины живут не по законам статистики. Почти все и любят, и рожают — чисто матерей-одиночек свидетельствует об этом с достаточной очевидностью.

Из самых безвыходных положений люди, как правило, находят выход. Нашли и тут.

Другое дело — как к этому выходу относиться.

Сегодняшнее наше расхожее мнение — по крайней мере в его коммунально-кордонных модификациях — относится довольно плохо. Распространенность связей и детей без брака объясняют прежде всего распущенностью и недостатками воспитательной работы.

Цифры, приведенные В. Переведенцевым, заставляют усомниться в универсальности такого подхода.

Возьмем хотя бы проблему одиноких матерей.

Как известно, закон их защищает. Если их права и отличаются от прав матери замужних, то лишь в лучшую сторону. Но для многих ревнителей строгой морали они до сих пор несомненные грешницы, хотя и заслуживающие, в силу нашей с вами гуманности, снисхождения. А некоторые коммунальные сановники категорически против даже снисхождения — убеждены, что именно железная строгость нравов может ликвидировать безотцовщину...

Но разве эта пресловутая «безотцовщина» — общественное бедствие? Можно ли так однобоко оценивать? Если бы многие, многие незамужние женщины не стали матерями, сегодня обществу недосчитались бы многих, многих детей. А дети — будущее страны. Я не специалист — но, боюсь, демографические прогнозы стали бы угрожающими.

В любой области человеческой деятельности кому-то достается ноша потяжелее. Служить радистом в Заполярье труднее, чем менять пластинки на Сочинской турбазе. Но кому придет в голову на этом основании осуждать или жалеть зимовщиков? Чем труднее, тем больше уважаем! А одиноким матерям — труднее.

Когда человек болен, наше общество страхует его за счет здоровья. Это в общих интересах — ведь заболеть может каждый.

Одинокие матери — следствие не распущенности (хотя, конечно, бывают и такие случаи), а «демографической болезни» — неравного количества женихов и невест. Не пора ли всерьез подумать о страховании на случай этого недуга?

Не знаю, как скоро появится у общества возможность оплачивать труд матери по воспитанию детей. Но когда появится — в первую голову надо будет подумать о матерях одиноких.

Кстати, ситуация, обрисованная В. Переведенцевым, заставляет по-новому взглянуть не только на положение ста семидесяти статистических «невест», но и на роль ста «женихов».

Вдумчивый социолог на сей раз не смог преодолеть инерцию устоявшегося мнения — и для него эти вольные «женихи» всего лишь лентяи, бездельники, дезертиры с любовного фронта. «Уклоняются от вступления в брак»! В самой лексике сквозит осуждение...

Но представим на момент: уклоняющиеся «женихи» перестали уклоняться и разом всей своей статистической сотней вступили в брак. Лучше ли станет обществу?

Конечно, сто невест обретут мужей, и проблема на шестьдесят процентов будет решена.

Ну, а оставшиеся сорок процентов? Остальные семьдесят женщин?

Они разом потеряют все. Потеряют надежду.

Потеряют «друзей» — есть такая эластичная формулировка, иногда помогающая жить.

Потеряют компаньонов для праздничных вечеринок — а нет страшнее одиночества, чем в праздничные вечера.

Потеряют спутников для театра и кино, партнеров для танцев, товарищей для турпоходов и поездок в отпуск.

Наконец — да простят мне этот бестактный вопрос — как они будут рожать детей?

Что же я предлагаю?

Для начала спокойно признать, что рядом с обширным, организованным и достаточно стабильным пространством семьи существует меньшее по размеру, но куда более бурное, мире нестабильности. Ликвидировать его мы не можем, как бы ни старались, — статистика не даст. Самое разумное — считаться с неизбежным фактом его существования и попытаться понять законы, по которым живет этот запутанный, трудноуправляемый мир.

Семейные одиночки?

Выше я утверждал, что проблема одиночества (в узком, «брачном» смысле слова) не так остра, как о том трубят цифры. Попытаюсь теперь это доказать.

Что такое семья?

Когда-то считалось, что браки заключаются на небесах. Затем божественные функции принял на себя загс. Но не слишком ли мы обожествляем загсовские документы? Расписан — счастлив, не расписан — одинок...

Примем на момент фантастическое допущение: исчезли все бумаги со штампами, остались только люди и их отношения. Сразу же окажется, что мужчин и женщин, прочно связанных друг с другом любовью, дружбой, взаимной заботой и помощью, гораздо больше, чем мы предполагали. А одиноких в полном смысле слова — куда меньше.

Природа не терпит пустоты. Жизнь не терпит несчастливости. Как пчела на высохшей равнине все-таки находит медовое, так и человек, где бы и как бы он ни жил, ухитряется отыскать медовую капельку радости.

Все живое нуждается в любви. Почему либо перекрыты прямые, канонические дороги к счастью? Что же — в ход идут переулки, проходные дворы, сквозные подъезды, пожарные лестницы. Уж если травинка пробивает асфальт...

Если допустить, что достаточно прочную связь или отношения, скрепленные бытом, можно считать семьей (а разве не таковы самые существенные признаки официальной, общепризнанной семьи?), то выяснится, что очень многие из одиноких семейны.

Вот несколько примеров.

Она живет в Вильнюсе, он в Ленинграде. Она не замужем, у него нечто сложное, о чем не любит говорить. Познакомились в турпоходе одиннадцать лет назад — ей тогда не было двадцати. Раза два в году находится повод съездить друг к другу.

При этом женщина не глупа и внешне достаточно приятна.

Довольна ли она?

И нет, и да. Больше бы хотела да. Ей есть кого любить. Есть с кем поехать в отпуск. Кому писать. О ком думать по вечерам, засыпая. Есть причина в универмаге забегать в отдел мужских рубашек.

Наконец — тысячу раз простите — есть возможность родить.

Хотела бы замуж? Очень! Но только за него. А он, по каким-то своим причинам, об этом не заговаривает...

Маловато для женщины? Пожалуй. Ну, а жить всю жизнь с нелюбимым лучше?

Иногда какая-нибудь из замужних подруг спрашивает:

— А если завтра он тебя бросит?

Она отвечает

— А если завтра от тебя уйдет муж? И потом, что бы ни случилось завтра, уж эти-то одиннадцать лет — мои!..

Еще случай и проще, и труднее. Она свободна, у него жена и две дочки, восьми и двенадцати лет. С женой уже давно нет ничего, кроме хороших человеческих отношений. «Роман» длится лет пять.

В подобных ситуациях обычно предлагается два выхода: либо, как это именуется, «одержать победу над собой», либо «покопчить с ложью» — то есть разойтись и оформить новый брак.

Однако трое взрослых не торопятся разрубать узел. Почему? Им виднее. «Одерживать победу» не хотят, возможно, потому, что тогда два не до конца счастливых человека станут до конца несчастными. Жена мирится с ложью по причинам, опять-таки вполне понятным: все же есть близкий человек, мужская рука в доме, отец у дочек. Ну, а та, другая? Ей, конечно, хотелось бы не частичного, а полного, без лжи, счастья — но уж очень неохота услышать, как под коваными сапогами правды хрустнут косточки двух девчонок, восьми и двенадцати лет...

Так и живут. Их дело.

Кстати, на вопрос о семейном положении обе женщины, в достаточной ладу с фактами, отвечают «замужем».

В. Переведенцев в своей статье приводит известный парадокс: согласно переписи, замужних женщин у нас на полтора миллиона больше, чем женатых мужчин. Это расхождение в цифрах и юмористы, и социологи относят на счет все тех же легкомысленных «уклоняющихся» холостяков. Может быть, приведенная выше история объясняет загадку переписи убедительнее?

Ах, вы не замужем...

Пожалуй, самый момент переходить к выводам.

Итак, проблема одиночества — даже в узкоматримониальном смысле — предельно сложна. В обозримом будущем универсальных решений не видно: как ни комбинируй, сто семьдесят «невест» не выдашь замуж за сто «женихов».

Так что же делать?

Лет сто назад, попав в степной буран и сбившись с пути, неопытный ямщик начинал беспорядочно дергать вожжи — надо же делать хоть что-нибудь! Чаще всего он, увы, замерзал в той степи глухой. А бывалый, наоборот, бросал вожжи — верил чутью лошади. И она вывозила.

У жизни — свое чутье. И надо больше ему доверять. Помочь одиноким обрести счастье — благороднейшая задача. Но есть еще и задача-минимум: не мешать.

А ведь мешаем, здорово мешаем порой!

Один из примеров тому — история Никитки, его мамы и родителей Ирочки, о которой рассказало письмо из Свердловска.

Не знаю, как организационно решить все эти проблемы. Но в одном убежден: мораль не должна становиться поперек человеческому счастью. В конце концов ее уставная обязанность — защищать человека, а не самое себя...

А вспомните, как часто мы именуем моральной неустойчивостью многолетнюю, преданную, на редкость устойчивую любовь лишь за то, что эта многолетняя преданность человека человеку отражена в регистрационной книге загса!

Когда-то, в эпоху наших прадедов, одинокие мужчины, а тем более женщины легко находили свое место в большой многоступенчатой и многодетной семье. Уж там-то было за кем ухаживать, кого любить и нянчить!

Сегодня этот выход не годится — больших семей стало гораздо меньше. Но свято место пусто не бывает — на все большие заменяют удивительно прочные дружеские компании. Хотя, конечно, вы не назовете райисполком, который при распределении жилья учитывает дружеские связи очередников...

При огромном размахе жилищного строительства в стране однокомнатные малометражки, рассчитанные на одного, — постоянный, хронический дефицит. Даже в кооперативах. И живут при мамах тридцатилетние незамужние женщины, портя нервы себе, близким и сослуживцам, озлобляясь и мстя всем подряд за то, что негде встретиться с любимым человеком.

И еще я думаю... вот о чем. Своди в наших устных и письменных выступлениях проблему одиночества исключительно к замужеству, не обостряем ли мы ее бессмысленно и жестоко? Тысячи «семейных одиночек», устроенных в жизни, право же, лучше иных замужних, начинают тем не менее болезненно ощущать собственную ущемленность. В принципе им замужество вовсе не необходимо. Но что делать, если о нем долдонят все вокруг? Что делать, если оно престижно? Престижно, как дипломы, как французские колготки, как японский зонтик, как меховая шуба в почти бесснежном южном городе.

Вы замужем? Ах, вы не замужем...

Все понимаю: крепкая семья, серьезное отношение к браку... Но почему кому-то могут быть несимпатичны мои знакомые наивные и мудрые старики, юнцы двадцатых годов, прожившие рука в руке долгую жизнь, вырастившие детей, поднявшие внуков, бедовавшие, голодавшие, радовавшиеся, но так и не выкроившие за полстолетия полчаса, чтобы приложить к своей любви чернильный налеп штампа?

Вы замужем? Нет, но мы любим друг друга. Верны друг другу.

...Да, сто семьдесят на сто — задачка не из легких. Но давайте, решая ее, думать не только о форме, но и о сути. Ведь по-настоящему горька не жизнь без мужа — горька жизнь без любви...

А БАБУШКИ ВСЕ НЕТ... Фото В. БОГДАНОВА

СТАКАН ПО КРУГУ

Есть в нашем городе кафе с нежным названием «Снежинка». Оно расположено в центре города, и туда заглядывает много посетителей. Напоминает это кафе, простите за грубость, «забегаловку». Раздевалки нет, так что за столиком приходится сидеть в верхней одежде. Впрочем, столиков — это тоже слишком хорошо сказано. В кафе «Снежинка» стоят обычные, как в плохих столовых, столы. К вину здесь подаются граненые стаканы. К тому же коньяк и вино в ассортименте есть всегда, а вот сок бывает лишь иногда, лимонад — тоже нечастое явление. Сколько об этом пишут, а все остается, как было!

Кафе с подобным никудышным обслуживанием — не единственное в городе. То же можно сказать о кафе «Пингвин», «Молодежное» и других.

А ведь умеют все оборудовать с комфортом. Не так давно открылось кафе «Космос». Вот там действительно можно приятно провести время, но оно — единственное в городе, и все желающие не в состоянии попасть туда.

Если вы опубликуете письмо, может быть, в нашем городе задумаются, как превратить «забегаловки» в места отдыха молодежи. Фактически речь идет не об улучшении тоже общественного питания, а об эстетическом и нравственном воспитании. Если в кафе разливают вино в граненые стаканы, почему с таким же успехом не пустить «стакан по кругу» на ступеньках подъезда?

Г. КОТОВЩИКОВА, И. ПОВАР

КАЛИНИНГРАД

ИЗ ПОЧТЫ ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

УКРАДЕННЫЙ ДЕНЬ

Выясняя, куда пропадает наше время, я недавно провел социологическое микроисследование, которое заняло одну-единственную неделю, что, наверное, является вопиющим нарушением законов статистики. И все-таки к полученным выводам стоит прислушаться.

Началось все с того, что в зимний выходной день я зашел в почти пустой зал ресторана перекусить. На мою нехитрую трапезу, состоявшую из салата, блинов и кофе, пришлось «хулопать» около двух часов. Конечно, на за счет перегрузки официанта, а потому, что «выдерживание» посетителей в ресторане стало чуть ли не правилом хорошего тона.

Именно тогда у меня хватило времени задумать свой эксперимент — подсчитать, сколько часов и минут уходит в течение «средней» недели на ожидания. И подсчитал.

Понедельник. Час 40 минут простоял за апельсинами. Продавала их одна продавщица, а четыре другие скучали за прилавками магазина — они апельсинами почему-то не торговали.

Во вторник около часа потратил на то, чтобы сдать стеклотару. Две приемщицы следили за тем, как загружали прибывшую за ней машину. А очередь ждала.

Дважды в течение недели пришлось отправлять заказные письма, и на это ушло 45 минут. Потому что приплаются они в том же окошке, где и бандероли, которые не просто штемпелюют, а упаковывают, надписывают, взвешивают, куда-то уносят...

30 минут стоял в четверг в продуктовом магазине. Было это в обеденный перерыв, покупателей собралось много, а в кассах происходила смена дежурств, так что работали только два кассира из трех. Причем попеременно: одна касса закрывалась, другая открывалась, а публика участвовала в «кроссе» из одного конца торгового зала в другой. В пятницу 25 минут пришлось простоять в сберкассе, чтобы уплатить за квартиру. Здесь никаких «происшествий» не было. Такова норма. Примерно столько же времени ушло на две очереди, которые пришлось отстоять, чтобы оплатить заказанный в кредит междугородный телефонный разговор. Очередей оказалось две потому, что в первой — в кассу переговорного пункта — я стоял зря. Не догадался, что оплату за переговоры в кредит принимают почему-то не здесь, а в окне приема телеграмм.

Не буду перечислять все. Скажу только, что на прочие ожидания за неделю ушло что-то около двух часов.

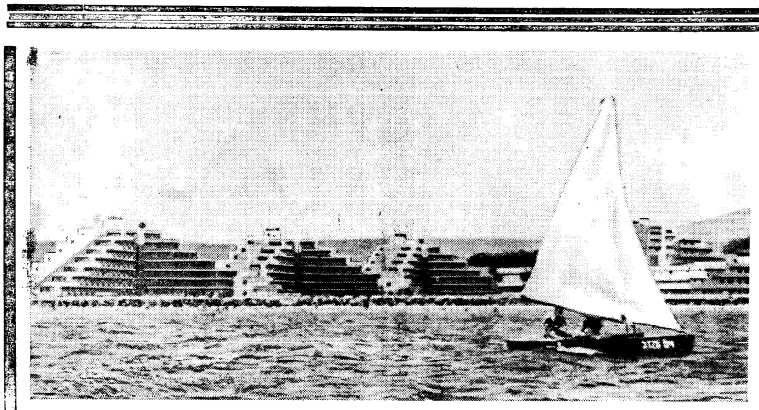
К тому же надо учесть, что на этой неделе я не сдавал и не получал заказы ни в химчистке, ни в ателье, ни в ремонтных мастерских. Я не томился в ожидании мастера телевизионного ателье, который должен прийти «во второй половине дня» (это произошло в прошлом месяце). Я не ходил на прием к врачу, где, прибыв за несколько минут до указанного в талончике времени, узнаешь, что здесь решили придерживаться живой очереди, и покорно пристраиваешься в конец. И, главное, в подсчете не учитывались «нормальные», в пределах нескольких минут, очереди, в которых ежедневно приходится выстаивать не так уж мало времени.

Теперь остается оценить, насколько все это мелочи. Конечно, о каждом случае в отдельности и упоминать вроде неловко. Но ведь были-таки их много. В общей сложности на них ушел целый рабочий день! А раз так, значит, разговор принимает вполне серьезный оборот.

Как бороться с такой бессмысленной тратой времени? Думаю — наказывать виновных. А чтобы виновных отыскать, надо провести более строгие, чем мои, научно обоснованные социологические исследования, связанные с очередями, и убедиться в том, что в них нет ничего обязательного, — что они результат плохой работы, никудышной организации дела в каждом отдельном магазине, ателье и т. д. Очередь может быть исключением. Превращать ее в правило, как пытаются делать многие работники предприятий торговли и сферы услуг, нельзя.

А. СИМКИН

КИЕВ



АРХИТЕКТУРА В МЕРТВЫЙ СЕЗОН

Александр ЛЕВИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Албена что-то сместила у меня в голове. Расхотелось писать традиционно. Если нет ни одного прямоугольного фасада, если этажи террасами спускают по диагонали, превращая отели в пирамиды, то почему «крыша», «фасад» и «опоры» в моем репортаже должны соответствовать канонам?

Я стоял посреди архитектурной феерии, обращавшейся прямо к чувствам, минуя разум, как только и должно обращаться к человеку искусство. Стоял и записывал в блокнот несколько вариантов начала своих заметок. Вышло пять. Возле отеля «Калиопа» подумал: зачем выпорать один из пяти? Разве все пять не могут сложиться в один?

ПЯТЬ ВАРИАНТОВ НАЧАЛА

1. Вечер в ресторане модного, всемирно известного курорта; щубы брошены на спинки стульев, люди в куртках и свитерах. Мертвый сезон. На Солнечном Берегу большинство отелей заперто на ключ...

2. Собираясь в вояж, решил «подновиться». Знакомый архитектор порекомендовал литературу. Статьи в специальных журналах. Пишут: «Опыт курортного строительства болгарских архитекторов получил всемирное признание...» Пишут: «...Совершенно исключительным явлением следует признать строительство болгарских курортов». Пишут: «...Никто не мог себе представить, что Болгария, перед которой стояли задачи развития национальной экономики, выйдет на ведущее место среди стран лагеря социалистического международного туризма...» Пишут... Почему вышла? Об этом не пишут...

3. Болгары не скупятся на похвалы коллегам. Они мудро считают, что есть пророки в своем отечестве. Я выписываю из профессионального журнала болгарских зодчих об Албене: «...Новое архитектурное явление... отвергнуты рутина и шаблон, бесстрастное казарменное расположение... полное единство градостроительной композиции и архитектуры... полная гармония архитектуры со средой и природой... Албена достигла своего крещендо...»

Это сказано о сооружениях, построенных индустриальным способом из крупных панелей.

4. Всю жизнь я с чьих-то слов повторял: «Ну, это построено на песке!» Непрочно, стало быть, зыбко. В Болгарии «на песке» достроена архитектура. Дай бог всем так строить! «Песок» принесит болгарской казне рубли, доллары кроны, марки, лиры, фунты стерлингов, золотые и прочее. В сезон «песок» привлекает четыре с половиной миллиона иностранных туристов — население Болгарии лишь вдвое больше. И, кстати, кавычки можно было бы не ставить...

Все туристические проспекты Болгарии заполнены фотографиями красавиц, идущих и бегущих по песку, сидящих и лежащих на песке. Выписки из рекламного издания «Болгария вас ожидает»: Золотые Пески — «заросшая пляжная полоса длиной четыре километра и шириной сто метров, усыпанная мелким золотистым песком» (98 отелей!); Албена — «пляжная полоса длиной семь километров и шириной сто метров, усыпанная мягким мелкозернистым песком» (44 отеля!); Солнечный Берег — «пляжная полоса длиной шесть километров, усыпанная мелким золотистым песком, который местами образует большие дюны» (110 отелей!).

Я заношу в свой блокнот: «построено на песке» означает «много и хорошо».

5. Камчия — поросшие густым, почти девственным лесом бухточки, заливы, речные протоки, озерца; каналами они соединены с морем и друг с другом, соседствуют с заповедным природным парком. На островах и по берегам интимные уточки одноэтажных домиков и бунгало. Прямо в озерах и заливах на эстакадах — гостиницы для яхтсменов...

Объясняет, показывая на большом макете, директор «Туристпроекта» Любомир Христов:

— А вначале была идея все закопать, выровнять берег, поставить здесь высотные гостиницы. Так представляли себе перспективы развития курортов к югу от Варны. Но «засыпали» мы порочную идею ради новой структуры.

— Проект хорош, однако даже на первый его этап нужно сто миллионов левов! — вздыхает председатель Комитета по делам отдыха и туризма Атанас Димитров. — Будем строить, но не в этой пятилетке. А пока запретили в тех местах какое бы то ни было строительство, дабы не испортили территорию...

Загодя обмозговать идею, не спеша сделать проект, приберечь землю — с подвального слова Разуму можно было бы начать заметки о болгарских курортах.

...Однако не подзатянулись ли «пять вариантов начала»?..

ЧЕТЫРЕ ИНТЕРВЬЮ В ПРОДОЛЖЕНИЕ

1. С Пенчо Арабаджиевым, генеральным директором комплекса Золотые Пески, беседуем в моем номере отеля на морском берегу.

— Я этот район еще с тридцать девятого года знаю. — говорит хозяин, на час превратившийся в гостя, — с тех пор, как безработным нанялся здесь строить дорогу в монастырь... Золотые Пески ведут свою историю с пятьдесят шестого. Сейчас масштаб такой: летом здесь ежедневно отдыхают двадцать тысяч туристов.

— А мест в ресторанах? — спрашиваю я, вспомнив сочинение о аттическом очереди.

— Тридцать пять тысяч... Мы не заинтересованы, чтобы человек ожидал. Надо, чтобы он покушал, не тратя времени, услуги, обеды, развлечения, сувениры... В Золотые Пески за двадцать лет вложено 75 миллионов левов. Все эти деньги уже возвращены государству, и сверх того получено 35 миллионов прибыли.

2. Генеральному директору Албены Желю Стайкову и архитектору Александру Савову, директору по капитальному строительству, для разминки задаю традиционный вопрос: что здесь было раньше?

— Змеи... Змей очень много. Теперь нет.

— Кто их съел?

— Ежи... В Албену завезли с полтысячи ежей. По всей Болгарии собирали. Населению платили пять левов за ежа. Коммерческий подход! — Желю Стайков смеется раскатисто, громко.

Постепенно разговор выруливает на архитектурную стезю. Оказывается, была борьба. Некоторые уверяли, что из крупных панелей получится однообразно, похоже на стандартные районы новой жилой застройки. Но нашлись люди, которые сложили «песню из панелей» и опровергли подобные представления. Албена стала триумфом Николая Ненова и его соавторов.

— Я бывал во многих странах, видел разные курорты, — говорит Александр Савов. — Албена красива, интересна — мое глубокое убеждение. К сожалению, комплекс не завершен, центра еще нет. Доминантой там будет восемнадцатиэтажный отель, пожалуй, самый красивый из всех. Что-то отдаленно похожее на огромную вазу для цветов...

— Как удалось уговорить заводы и строителей? Почему они не сказали: у нас потоки, масштабы: каждый год сдавали в эксплуатацию отели на 2000 мест. Домостроительный комбинат ощутил прибыль. Кроме того, тридцатипроцентная надбавка к зарплате за сооружение курортных комплексов...

— Вероятно, и в капитальных вложениях не было недостатка?

— Мы вообще не получали капитальных вложений. Албена строится за счет банковского кредита. На восемь лет банк дал нам шестьдесят пять миллионов.

— А сколько уже вернули?

— Сорок...

И опять громко смеется Желю Стайков:

— Нам даже будущие строительные площадки приносят прибыль! Там пока кемпинги стоят. Экономика! Постепенно кемпинги отодвигаем и строим отели.

— Откуда туристы?

— Почти вся Европа — 28 стран!.. Несколько десятков тысяч человек отдыхало из СССР.

— Албена — это гора, река?

— Женское имя!.. Когда Тодор Живков осматривал макеты архитекторов, он спросил: как это называется? Авторы ответили: комплекс «Балчик-юг» — по названию ближайшего города. «А не назвать ли именем красивой добруджанки Албены?» — предложил Тодор Живков. Всем понравилось. Действительно, «Балчик-юг» не звучит.

3. Чтобы предлагать строителям «дерзкие задачи», нужны «дерзкие архитекторы». Талантливые — это само собой, но главное — наличие «дерзкого на дерзость». Интервью в Софии так или иначе крутилось вокруг этой проблемы.

Разговор с Иваном Мавровым, главным секретарем Союза архитекторов Болгарии, секретарем союза Людмилой Шурковой и председателем Софийского отделения Любомиром Боневым напомнил мне анекдот о «теории относительности». Тот, кто едет в переполненном трамвае, считает: негде повернуться. А стоящему на остановке представляется, будто мест сколько угодно и можно пройти вперед. Собеседники сетовали: нужно обновить нормы авторского права в архитектуре, сделать их более действенными. Слушал их и думал: эти люди уже в «высоком тоне». А я только пытаюсь сесть в «трамвай». Авторское право есть у наших литераторов, есть у музыкантов, кинематографистов, а у зодчих нет. С интересом листаю книжечку небольшого формата с белоснежной обложкой. Там говорится, что заказчик и строители обязаны повесить на готовом сооружении табличку с именем автора... Утверждающие станции могут изменить проект лишь в случае начественного его исполнения или несоответствия действующим правилам проектирования и строительства, а всякие другие изменения объекта могут быть сделаны только с согласия автора... повторное использование индивидуального проекта — только с письменного согласия автора и т. д.

Это совсем, совсем не то, что случается кое-где иной раз, когда к зодчему приходит администратор и пальцем показывает на макете: «Будет так!»

Постепенно я начинаю понимать атмосферу, окружающую болгарского архитектора. Но в нашем случае «Балканстурист» был заинтересован получить нечто новое, привлекательное. А архитекторы только того и ждут. К тому же упростили процедуру утверждения. Собственно, их не было, утверждающих инстанций! Подписывали проект его руководитель, потом — группа авторов, потом — дирекция института, и все! Шло прямо на стройку. На всех курортных комплексах так. Некогда было утверждать. Некогда было заседать. Времени не имели портить проекты. Говорили авторам: «Вам самим нравится? Ну и делайте!» Доверяли. Рассуждали так: архитектуры... Албена — гостиницы с оригинальным сидутом, которые зрителю способны компенсировать отсутствие деревьев. Авторы всех наших курортных комплексов получили Димитровскую премию. Я вам так скажу: и водитель, и строитель интересно делать красивое дело.

— А заказчику?

— Часто заказчик выступает в роли врага архитектуры. Но в нашем случае «Балканстурист» был заинтересован получить нечто новое, привлекательное. А архитекторы только того и ждут. К тому же упростили процедуру утверждения. Собственно, их не было, утверждающих инстанций! Подписывали проект его руководитель, потом — группа авторов, потом — дирекция института, и все! Шло прямо на стройку. На всех курортных комплексах так. Некогда было утверждать. Некогда было заседать. Времени не имели портить проекты. Говорили авторам: «Вам самим нравится? Ну и делайте!» Доверяли. Рассуждали так:

4. В кабинете заведующего отделом ЦК БКП стоит макет — новая его работа. Комплекс административных зданий, круглых и овальных.

— Кубики и квадратики в сочетании, немного фантазии — и вот такой получается архитектура, — улыбается хозяин кабинета.

Его руки непрерывно что-то рисуют на листке бумаги. Профессиональная привычка? Георгий Стоилов — активно действующий архитектор и ответственный партийный работник. Говорит: одно другому не мешает.

— Конечно, если упрощенно смотреть, нынешняя архитектура появилась сразу, будто ее выстрелили из пистолета. — Неправильно! Меня этот вопрос часто задавал. Я себя спрашивал, старался найти причины: почему наши архитекторы смогли спроектировать такие гостиницы, которые коренным образом отличаются от всего, что мы делали? И я понял, что это не совсем так. Были работы, пусть небольшого масштаба, над которыми мы не задумывались, как следует, но в них уже содержались в зародыше принципы, воплощенные впоследствии в самом первом курортном комплексе — Дружбе. Когда архитектору поручаешь делать то, что ему нравится, он способен на многое. Наши зодчие дождались наконец дела, о котором мечтали, которое позволило им выразить свои творческие взгляды. Помню, с каким чувством сам участвовал в проектировании. В комплексе Дружба построил два отеля — «Эконом» и «Рубин», потом строил и на Золотых Песках. Повторяю: начало начал — именно Дружба, во всех отношениях это был крупный эксперимент — в архитектуре, экономике, обслуживании. Эксперимент оправдался, стали получать валюту, ну и, как говорится, появился аппетит. Архитектора от комплекса к комплексу шла все дальше, становилась более пластичной, колоритной, оригинальной. И притом каждый ансамбль сохранил свое лицо. Золотые Пески — особенно ярко выраженный принцип пейзажной организации, отели и рестораны свободно «плавают» в природной среде, в лесу и на полянах... Солнечный Берег — обособленные дворики, имеющие собственную среду, развитие принципов нашей национальной программе реконструкции курортных комплексов, которые хотят сделать круглогодичными, а не сезонными, как сейчас (будут закрытые плавательные бассейны, лечебницы на минеральных водах и прочее), о сооружении отелей в горах Рилы, Родопах... И еще о том, что «коммерческий туризм» отнюдь не вытеснил в Болгарии все другие формы отдыха и лечения. Параллельно и в больших масштабах развертывается программа строительства профсоюзных пансионатов, здравниц...

2. На Солнечном Берегу живу в «Диаманте». Вдоль пляжа стоят высокие отели-башни, некоторые, вроде «Кубана», — с узором балконных ограждений, создающих ощущение бегущей волны. Между башнями, в зелени, стелются по земле вытянутые одноэтажные бунгало: «Чинара» и прочие подобные названия. Лично мне больше всего симпатичен «Созополь» Николы Николова. Отель задуман и выполнен блистательно: террасы по периметру уютных крытых двориков, дерево и камень. Идешь вдоль фасадов — картина непрерывно меняется. Настоящий театр, в котором не устаешь смотреть и восхищаться. По духу близок к этой идее и соседний «Несебр».

Приятное путешествие по Солнечному Берегу с Руминой Московиной и Маруцей Дойчевой, сотрудницами информационного центра, закончилось не менее приятным обедом в «Трите чучура» («Три источника»). А в знаменитые «Капитанские встречи», увы, не попали: мертвый сезон. Здесь бесчисленное множество ресторанчиков, баров, таверн. На все вкусы. «Странжеские кулибии» — крытые соломой шалаши, деревенский плетень (а это бар с концертной программой), «Ханский шатер» — пиршество в старинных ханжеских интерьерах, «Пиратский корабль» — веселье на шхуне, выброшенной на берег, ночной бар-варьете — циркообразное круглое здание в современном стиле, с окнами-фонарями по периметру крыши, заведение дорогое.

3. Где я сам хотел бы отдыхать? В Албене? Нет, не в Албене... Мой идеал — Русалка.

Если снизу смотреть, от моря, то домики сливаются в оригинальную композицию. Они словно детские кубики, из которых художник сложил свою картину. На крыше одного будто стоит другой, а то и два подряд. Но это не этажи — нет общих лестниц, коридоров. Ощущение многоэтажности создается за счет склона. Горные склоны позволяют обитателям «третьего этажа» так же спокойно шагать с порога во двор, как и жителям «первого». Между домами, совершенно невидимыми с берега, вьется улочка, почти деревенская. Рестораны сверху глядятся средневековым городком — множество острых крыш. Но это одно здание, в котором каждый из шести залов имеет свою оригинальную кровлю. А между залами — площадки для открытых кафе. Посреди ресторана — башня из камня с внутренней лестницей, по которой я забирался. Там на разной высоте смотровые площадки... Скульптура: женщина, падая, выпускает из рук птицу... Еще скульптура: вертикальная композиция из бетонных столбов, созвучная окружающим скалам...

Брожу по совершенно пустынной Русалке. Двери не заперты. На столах, на полу следы недавней жизни: проспекты, пустые бутылки, банки из-под косметики. Домик — это комната с балконом, две кровати, зеркало, встроенный шкаф в прихожей, душ. Каждый из пятисот имеет свое название. Я посидел в «Марианне», потом пробрел в «Люстину»...

Все это придумал Марин Марнинов, архитектор из Варны, а построили болгарские рабочие. Построили дорого за один год: 522 домика-бунгало, 1444 места, «Главпроект» — это национальный капитал болгарской архитектуры. Если «Главпроект» делает — значит, так и надо делать. Лучше автора никто не знает, как надо делать. Разумеется, если под автором понимать лиц и организации, пользующиеся безусловным доверием.

(В скобках замечу, что в архитектурных кругах Болгарии мне рассказывали: возникла и крепнет идея предоставить ведущим зодчим, на первое время десяти-пятнадцати народным и заслуженным архитекторам, лауреатам Димитровской премии, право «авторского штемпеля». Чтобы обладатель сам окончательно утверждал свой проект с точки зрения архитектуры. Тут желание максимально проявить творческое лицо автора.)

— Спасибо архитекторам в Болгарии? — спрашиваю Георгия Стоилова.

— У нас населения 8,8 миллиона человек, а архитекторов — около трех тысяч. В процентном отношении — одно из первых мест в мире.

ТРИ СТРАНЫ ИЗ ДНЕВНИКА

1. ...Георгий Стоилов в разговоре обмолвился: «Мой партизанский командир...»

— Вы были в партизанах? (По возрасту этого не скажешь.)

— Да, до 9 сентября, был мальчишкой, сыном полка.

...Атанас Димитров, председатель Комитета по делам отдыха и туризма, последний после Болгарии в Чехословакии, в партизанском отряде взял на воспитание девочку, родители которой были убиты фашистами. Крошечное существо уцелело случайно, его нашли среди трупов. Сейчас приемная дочь Атанаса Димитрова — историк, работает в одном из софийских музеев. Внучка родилась 7 ноября и названа Авророй. Узнал об этом не от Димитрова. Сам он больше часа рассказывал о перспективах развития «коммерческого» туризма в Болгарии, об обширном расширении границы, намеченные планом Таманяна. Но в облике своем не утерял и никогда не утеряет неповторимого таманяновского почерка, потому что в этом почерке — архитектурный гений Таманяна. Зодчий твердо, сильной рукой ставил здания поразительные по ясности замысла, чувству пропорции и ритма. Он оставил людям не только свои творения, но и традиции.

И благодарные ереванцы воздвигли своему зодчему памятник вблизи оперного театра — любимого его детища.

Говорят, это единственный в нашей стране памятник архитектору.

Константин СЕРЕБРЯКОВ

На снимке: памятник А. И. Таманяну в Ереване. Скульптор — А. Овсепян, архитектор — С. Петросян.

Заказчик—французская туристическая фирма — поставил такие условия. Болгары выдержали срок. Эта фирма имеет еще шестьдесят поселков на курортах Греции, Югославии, США и т. д. Но подобного Русалке нигде больше нет.

Ежегодно по договору с Болгарией французская фирма «привозит» восемьдесят тысяч туристов со всей Европы и платит сразу за жилье, услуги, продукты, которые путешественники будут съедены. Каждый сезон болгары получают за Русалку миллион долларов.

Один день в бунгало стоит в полтора раза дороже дневного рациона, предусмотренного путевкой. Развлечения: море, песок, четыре бара, в том числе и ночной, дважды в неделю варьете, яхты, конные прогулки верхом, теннисные корты и т. д. Договор с фирмой — на десять лет.

ДВА ОБОСНОВАНИЯ ЗАГОЛОВКА

1. Что чувствуешь, гуляя в одиночестве среди сотен запертых на ключ отелей? Можешь утешаться самодеятельным афоризмом: архитектуру курортов лучше всего смотреть в мертвый сезон. Когда нет длинноногих загорелых красавиц, ничто не мешает обозревать здания.

Я ходил и смотрел. Домик-коробка, встречающиеся и здесь кое-где, выглядят без людей, с погасшими окнами не очень-то привлекательно. Но вот запись, сделанная по свежим впечатлениям в Албене: «Это музей современной архитектуры под открытым небом... Несколько мужчин и женщин бродят между зданий курорта, похожего на инопланетный город, брошенный его обитателями. По пустынной Албене можно водить экскурсии, точно по Колизею... Сама по себе Албена способна стать центром притяжения туристов...»

Запись в Русалке: «Голубизна. Море неподвижно. Ни одного человека вокруг. Но какое полное ощущение жизни! Поселок — будто большим мастером нарисованное полотно».

Мой вынужденный критерий: «Архитектура — лишь то, что производит глубокое впечатление даже без людей. В мертвый сезон».

2. Французский архитектурный критик Мишель Рагон подарил мне свою книгу «Города будущего». По автографу могу восстановить точную дату встречи: 11 июня 1971 года. Я спросил тогда Рагона, что он думает о современной архитектуре. «Это временная архитектура, — ответил он. — Называя современную архитектуру «временной», я тем самым хочу выразить глубокое убеждение в том, что мы научимся на основе новой техники и новых материалов создавать впечатляющее произведение искусства... Мы поклоняемся прямой линии, плодим чудовищно однообразные горизонтальные и вертикальные коробки. На смену им непременно придет и уже приходит архитектура совершенно иных, новых и пластических форм».

С некоторой натяжкой, вероятно, не приемлемой для строгих знатоков, можно сказать, что после великих архитектурных эпох минувших столетий, подаривших миру выдающихся шедевры зодчества, наступил «мертвый сезон» архитектуры, знаменующийся культом технологии в ущерб эстетике. Не исключено также, что свой «мертвый сезон» был в каждый отдельно взятый период мировой архитектуры.

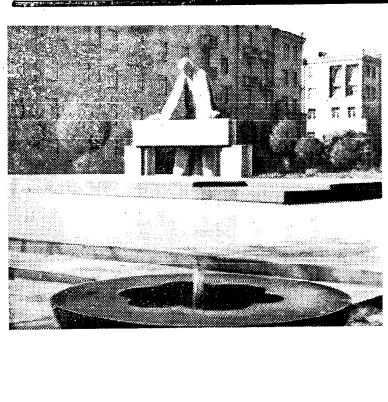
...За мертвым сезоном в срок приходит сезон бархатный...

И может быть, Албена наряду с рядом прекрасных сооружений и комплексов в других странах, в том числе и в СССР, представляет собой оазис новой Архитектуры?

СОФИЯ—ВУРГАС—ВАРНА—МОСКВА

На снимке: *курорт Албена*

РУКИ ЗОДЧЕГО



Да, именно таким, склоненным над столом, и вспомнил Александра Ивановича Таманяна...

Сорок три года назад мне, тогда юноше, довелось увидеть знаменитого архитектора в его тесной мастерской в Ереване. Твердо положив руки на стол, он стоял над чертежом строящегося по его проекту гранитного здания Нардома, ныне Театра оперы и балета.

За окнами сносили серые, из необожженного кирпича домишки, рушили кривые глиняные ограды. В небе клубились тучи пыли. И уже вставали новые контуры столицы. А в этой комнате жил весь будущий город с проспектами, бульварами, монументальными зданиями, скверами, фонтанами. Жил в чертежах, схемах, макетах.

Александр Иванович — в белой сорочке с закатанными до локтей рукавами — отошел от стола и провел рукой по расчерченному тушью листу ватмана, висевшему на стене.

— Вот как раскинется город, — сказал он и посмотрел в окно.

Мне показалось, что он перенесся во времени и видит, как сбылось все им задуманное.

Через два года Таманян умер...

Бывший вице-президент Академии художеств в Петрограде, признанный в России архитектор, он в начале 20-х годов приехал в Ереван строить новую, советскую, Армению.

Он разработал первый генеральный план реконструкции Еревана, создал свои принципы городской планировки, свой, таманяновский, стиль, в котором творчески возродил лучшее, что было в классике древнеармянского национального зодчества. Он оживил упругиный в недрах дикий камень, засверкавший на солнце розовым теплом.

Он творил без устали, этот высокий, худой, уже пожилой человек с острой седой бородкой и острым взглядом. Он работал, забывая о собственных удобствах: строил современные дома, а сам жил в старом домике с ветхим деревянным балконом...

Нынешний Ереван давно перешагнул границы, намеченные планом Таманяна. Но в облике своем не утерял и никогда не утеряет неповторимого таманяновского почерка, потому что в этом почерке — архитектурный гений Таманяна. Зодчий твердо, сильной рукой ставил здания поразительные по ясности замысла, чувству пропорции и ритма. Он оставил людям не только свои творения, но и традиции.

И благодарные ереванцы воздвигли своему зодчему памятник вблизи оперного театра — любимого его детища.

Говорят, это единственный в нашей стране памятник архитектору.

Константин СЕРЕБРЯКОВ

На снимке: памятник А. И. Таманяну в Ереване. Скульптор — А. Овсепян, архитектор — С. Петросян.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«МОЛНИЯ СРЕДИ ЗИМЫ»

Совет Министров Карельской АССР рассмотрел статью В. Хегглунд «Молния среди зимы», опубликованную в «Литературной газете» [№ 5, 1977 г.]. Грозозащита многих памятников деревянного зодчества в республике требует сложных проектно-изыскательских и строительно-монтажных работ. Учитывая их трудность и отсутствие в республике соответствующих специалистов, Министерство культуры Карельской АССР через объединение «Росреставрация» в 1975—1976 годах выполнило первоочередные работы по грозозащите главных памятников музея-заповедника «Кижи».

В 1977 году намечено провести работы по обеспечению надежными молниеотводами памятников народного деревянного зодчества в городах Кондопоге, Кеми и ряда памятников в музее-заповеднике «Кижи». Совет Министров республики рассмотрит вопрос об улучшении охраны и использования памятников истории и культуры в Карельской АССР и о принятом решении сообщит дополнительно.

А. КОЧЕТОВ,
Председатель Совета Министров Карельской АССР

УВАЖАТЬ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Представитель СССР в Комиссии ООН по правам человека посол В. А. ЗОРИН отвечает на вопросы специального корреспондента «Литературной газеты» Юрия Ярцева

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-й СТР.

— Юг Африки — другой район, где аресты и насильственное переселение местных жителей, убийства и пытки стали фактом каждого дня. Около 20 миллионов человек лишены здесь человеческих прав. Памятен расстрел в Соуэто 16 июня прошлого года. Само это слово стало символом расизма. Как проходило обсуждение вопроса о нарушении прав человека южноафриканскими расистами?

— Преступная политика апартеида, подавление национально-освободительного движения народов Намибии и Зимбабве властями ЮАР и незаконным режимом Южной Родезии — все это опирается на политическую, военную и экономическую помощь западных держав, Израиля и империалистических монополий. Только их соденствие и соучастие позволяют расистским режимам Смита и Форстера продолжать свой преступный курс. Одно заседание было прервано для рассмотрения экстренного вопроса. По предложению Нигерии комиссия приняла телеграмму на имя Генерального секретаря ООН с просьбой принять срочные меры для спасения жизни двух лидеров СВАПО — Аароа Мушимбы и Хендрика Шиконго. Обоим угрожала смертная казнь.

— Если бы приговор был утвержден, расправа могла произойти в считанные часы?

— К счастью, на следующий день в зале заседаний было объявлено, что Курт Вальдхейм использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы спасти жизнь патриотов. Расисты ЮАР испугались и отступили. Нужно заметить, что весьма, к трибуны, представители западных государств также вынуждены были осуждать политику апартеида. Однако смысл их выступлений сводился к тому, чтобы продолжать «диалог» с расистами. Вместе с тем, явно заигрывая с представителями национально-освободительных движений, представитель США назвал, например, СВАПО «существенным элементом» политической структуры Намибии.

— «Структура», созданная колонизаторами, опирается на войска ЮАР численностью 45 тысяч человек. Если бы делегат США, призывавший «проявить единодушие в отношении ЮАР», был последователен, он прежде всего предложил бы вывести всех этих головорезов из Намибии. А он, очевидно, этого не сделал?

— Да, между словами и делами у делегации США почти всегда обнаруживался разрыв. Вот еще пример. В проекте резолюции, внесенной рядом африканских и неприсоединившихся стран, имелся важнейший раздел. А в нем, во-первых, предлагалось «открыть досье на всех лиц, виновных в совершении преступлений апартеида или в серьезном нарушении прав человека в Намибии», во-вторых, выдвигалось предложение о применении конкретных мер, включая принудительные главы VII Устава ООН, «чтобы положить конец незаконной оккупации Намибии Южной Африкой», и, наконец, осуждались действия стран, которые «прямо или через посредство своих граждан способствуют сохранению существующей ситуации в Намибии, Зимбабве и Южной Африке». Призыву «воздерживаться от подобных действий» не в последнюю очередь следовало бы внять американскому делегату. Но хотя Эдард Лоэнстейн и распространялся по поводу «нового подхода» новой администрации США к проблемам Африки, он проголосовал против раздела А. И, конечно, остался в единственном числе — настолько единодушной была точка зрения всей комиссии. Только трое западных союзников США (Англия, ФРГ, Италия) воздержались.

В другой резолюции, принятой комиссией, подтверждалось, что «продажа оружия, договоры о сотрудничестве в области атомной энергии и деятельность многонациональных корпораций в Южной Африке, Намибии и Южной Родезии представляют собой акты пособничества апартеиду и относятся к числу непосредственных причин продолжающейся незаконной оккупации Намибии расистским режимом Южной Африки и присутствия ее войск на территории Намибии для агрессии против соседних африканских государств и вмешательства в их внутренние дела».

Представители США, Англии, ФРГ и Канады, прежде выступавшие в общей форме за передачу власти черному большинству, проголосовали против этой резолюции. Да, поистине, одно дело — на словах выступать в защиту «прав человека» и выискивать мнимые нарушения там, где их нет и в помине, и совсем другое дело — предпринимать реальные действия в конкретных ситуациях, вызывающих возмущение всего мира.

— Теперь о Чили...

— Тут сразу проявились две тенденции: с одной стороны, требование немедленного прекращения репрессий против широких масс чилийского народа, с другой — попытки представить дело таким образом, будто «нормализация» положения всецело зависит от «диалога» с пиночетовскими властями.

К точке зрения социалистических, а также большинства развивающихся стран присоединились и почти все неправительственные организации, такие, как Всемирный Совет Мира, Международный союз, Ассоциация юристов-демократов, Всемирная федерация профсоюзов, Социнтерн и другие. А «конструктивный диалог» с хунтой отстаивали прежде всего делегации Великобритании, ФРГ. Неожиданным оказалось выступление американского представителя.

— Вы имеете в виду Брэдли Тайсона?

— Да. Он заявил, что его делегация присоединяется к числу соавторов резолюции, подготовленной группой неприсоединившихся стран, и выразил сожаление в связи с той ролью, которую США сыграли в свержении законного правительства Альенде. Еще он сказал, что новая американская администрация осуждает действия своих прежних представителей в Чили. На следующий день, однако, стало известно, что президент США и госдепартамент дезавуировали своего представителя.

— То есть вопросу отреклись от его слов? «Заявление Тайсона было сугубо личным, не санкционировано заранее и не является выражением взглядов правительства» — вот дословно реакция госдепартамента. А случай ведь необычный. Не кажется ли вам, что знание фактов, видимо, пришло в противоречие с официальным положением Тайсона? А факты знакомы ему из первых рук. Он специалист по Латинской Америке, много писал о ней, не один год жил там, кроме звания профессора университета и степени доктора наук, носит еще и сан методистского священника. Что ж, если еще и религиозные убеждения подталкивают человека к тому, чтобы отделять правду от лжи, это лучше того, когда, ссылаясь на религию, выдают ложь за правду.

— Действия новой администрации США большинством участников сессии были расценены как безответственные. 26 голосами комиссия приняла резкую резолюцию, выразив «глубокое негодование» по поводу постоянных нарушений прав человека в Чили, узаконенной практики пыток, похищений лиц по политическим мотивам, изгнания из страны и лишения чилийского гражданства.

А у тех, кто дезавуировал Тайсона, не нашлось ни одного гневного слова по адресу хунты. Это есть больше развязало руки Пиночету. «Нью-Йорк таймс», например, свидетельствует: «В ответ на новое осуждение Комиссией ООН по правам человека правительство Чили, судя по всему, вступило на путь еще большего ограничения политических свобод, которые и без того сильно урезаны».

Не объясняется ли это тем, что крушение американские и западногерманские банки буквально в те же дни открыли Пиночету дополнительный кредит на льготных условиях? Получается так: терзай людей в застенках, держи под сапогом целую страну, топчи ее — и вперед! — поддержка международного капитала диктатору обеспечена.

— ...Поддержка, оказанная подавляющим большинством членов комиссии. Тем настоятельнее стоит вопрос о реальной защите суверенитета, реальном осуществлении права народов на самоопределение. Представители 17 стран-членов и 12 наблюдателей поддержали право народа Палестины на самоопределение, вплоть до создания своего собственного государства. Делегаты отдельных стран осудили диктаторский режим в Южной Корее, поддерживаемый оккупационными войсками США, выступили за суверенные права Панамы над зоной Панамского канала, за ликвидацию американского господства над территорией Пуэрто-Рико...

Но подлинная независимость неотделима от осуществления экономических, социальных и культурных прав трудящихся. Есть прямая связь между сохранением реакционных и диктаторских режимов, агрессией и посягательством на суверенитет, с одной стороны, и неспособностью ряда государств, в первую очередь развивающихся, создать условия для полного осуществления экономических и социальных прав, с другой. В то же время сама жизнь ставит сейчас вопрос таким образом, что в первую очередь человеку должно быть гарантировано право на труд, образование, социальное обеспечение. От этого не уйти. Осуществление экономических, социальных и культурных прав зависит, однако, как от внутренней политики государств, так и от усилий по оздоровлению международной обстановки, углублению разрядки, сдерживанию гонки вооружений, разоружению и использованию высвободившихся средств на нужды социально-экономических программ.

Во многих государствах Запада экономические и социальные права остаются несбыточной мечтой для большинства населения. Только в условиях социалистического строя, ликвидировавшего эксплуатацию человека человеком, миллионам людей обеспечено действительное право на труд, отдых, образование, охрану здоровья, раскрыты широкие возможности для участия трудящихся, без различия национальности и пола, в управлении предприятиями в городе и деревне, в управлении государством. В СССР уже почти полвека нет безработицы, тогда как крупнейшие государства капиталистического мира, включая США, оказались не в состоянии дать работу всему трудоспособному населению, не говоря уж о том, чтобы обеспечить своих граждан основными политическими и гражданскими правами, независимо от расы, национальности, пола и религии. Того, чего лишены миллионы людей в странах капитала — подлинной свободы, демократических прав, доступа к знаниям, уверенности в будущем, всего этого не заменят «права», записанные на бумаге, в конституциях и законах.

— Да в буржуазных конституциях, кстати сказать, не записано. Вот есть формула «граница нищеты», имеющая отношение к прописке в США. 25 миллионов человек опустились ниже этой «границы». Подсчитано, что женщин среди них больше, чем мужчин. Сказать, что и в бедности первые поставлены в неравноправное положение по сравнению со вторыми, было бы, конечно, горькой шуткой, но так или иначе принятая пять лет назад поправка к конституции о равноправии женщин все еще не утверждена. Казалось бы, и ничего на это возразить. Ни цифры, ни факты опровергнуть нельзя.

— Тем не менее делегации США, Англии, ФРГ и других западных стран пытались умалить значение экономических, социальных и культурных прав. В резолюции, принятой без голосования, говорилось о том, что «полное проникновение в жизнь экономических, социальных и культурных прав имеет решающее значение для действительного и подлинного осуществления гражданских и политических прав». Делегация США, однако, заявила, что, если бы эта резолюция голосовалась, она воздержалась бы при голосовании.

— Такая откровенность была бы даже похвальна, если бы она не вытекала из морали, не просто допускающей разлад между словом и делом, но ставящей дело, как бизнес, в господствующее положение над всей жизнью. Применительно к теме нашего разговора эту мораль точно передает одна известная крылатая фраза Ликольна, стоит лишь ее перефразировать так: «Собственность выше свободы, доллар выше человека». И, опираясь на такую вот «мораль», организаторы кампании в «защиту прав человека» в Советском Союзе берутся учить, других жить. Не было ли попыток использовать с этой целью трибуну Комиссии ООН?

— В связи с пунктом II повестки дня делегация США попыталась была поставить вопрос о «нарушении прав человека» в СССР. С самого начала стало ясно, что задумано по меньшей мере широкое обсуждение «вопроса». Уже на пятый день работы комиссии делегат США Эдард Лоэнстейн высказался в том смысле, что американская делегация очень хотела бы получить информацию относительно действий советских властей в отношении лиц, как он выразился, «заинтересованных в вопросах прав человека». Советская делегация выразила удивление по поводу заявления представителя США, поскольку комиссия не могла рассматривать вопросы, относящиеся к внутренней компетенции Советского государства.

— У советской делегации, наверное, нашелся бы не надуманный предлог, а вполне реальный повод привлечь внимание к судьбе граждан США, из-за произвола властей оказавшихся в положении «заинтересованных в вопросах прав человека». С той только разницей, что не было бы никакой нужды ни у кого запрашивать информацию. В США можно одному человеку чохом предъявить 78 обвинений, и все эфабулы — одинаковые — от участия в убийстве до нарушения правил уличного движения. Так было со священником Беном Чемберлеем, знаменитым негром на борьбу за равноправие. Только ко одному «обвинению» ему дали 34 года тюрьмы. А сколько могли дать по всем 78? 100, 200, 300 лет? Кому-кому, а делегату США полагалось бы знать, что в его стране общее число заключенных в тюрьмах достигает, по официальным данным, почти трехсот тысяч человек, а по неофициальным — больше миллиона, что все они числятся уголовниками, и тем, кто осужден за политические убеждения, власти все равно приклеивают ярлык «уголовник», что общее количество политзаключенных скрывают, что в рядах штатов существуют секретные инструкции ФБР, по которым борцов за гражданские права рекомендуется арестовывать «по любым возможным обвинениям». Выходит, что инструкция, составленная под диктовку директора ФБР, выше конституции, написанной «отцами основателями» США!

— Спустя три недели американский представитель внес предложение, чтобы комиссия запросила у Советского правительства информацию относительно задержания «некоторых лиц, которые проявили активность в деле содействия правам человека».

Советский представитель решительно отклонил это предложение. Обсуждение вопросов, касающихся внутренних дел СССР, противоречило бы пункту 7 статьи 2 Устава ООН, а также задачам самой комиссии. Оно явилось бы вмешательством во внутренние дела нашей страны. Читатели «ЛГ» должны учитывать, что заседания в Женеве проходили на фоне развязанной антисоветской кампании. Те лица, которые упоминались в ходе этой кампании, изображались «борцами за права человека», хотя было известно, что они нарушали советские законы и поддерживали связи с представителями иностранных разведок, принадлежащим званием корреспондентов и дипломатических работников иностранных посольств, в частности посольства США в Москве. Ясно, что акции, предпринятая американской делегацией, могла внести в работу комиссии дух «холодной войны», навлзать ей оценку искусственно созданной пропагандой США ситуации и лишить комиссию ведущей уголовной ответственности за нарушение советских законов. Это принесло бы ущерб делу разрядки и пошло бы на пользу той кампании, которая была развернута определенными кругами, заинтересованными в обострении международной обстановки и проведении антисоветских, антисоциалистических подрывных диверсий.

— Эти круги иначе называют «группами специальных интересов». Псевдонимы прозрачный. За ним укрываются правые, объединившиеся с военщиной и частью академической элиты, плюс бизнес, связанный с производством вооружения, плюс сионисты, профбоссы... Вчера они кричали о «советской угрозе», кричат о ней и сегодня, но новым их коньком стали «права человека». Почти безраздельное единение на телевидении, радио и в печати позволяет им так формировать общественный климат и так поощрять официальные акции, чтобы связать их с антисоветской кампанией в «защиту прав человека»... Как же дальше развивалась дискуссия во Дворце наций?

— А дальше... Да никакой, собственно, дискуссии по своему предложению г-ну Лоэнстейну развернуть не удалось. Представители БССР, Народной Республики Болгарии, Алжира, Кубы, Югославии, Сенегала, Индии, Сирии, Верхней Вольты, Уганды, Венгрии и КНДР заявили, что рассмотрение вопроса, навязанного делегацией США, не входит в задачи комиссии, несовместимо с принципом невмешательства во внутренние дела государств, идет вразрез с тенденцией к разрядке напряженности и создает опасность возвращения к «холодной войне». Лишь союзники США по НАТО (Англия, ФРГ, Канада, Италия) формально поддержали акцию США, не утруждая себя, впрочем, попыками каких-либо доказательств «нарушения прав человека» в СССР.

Стало ясно, что американское предложение будет отклонено. Стоило, однако, делегации Народной Республики Болгарии внести проект короткой резолюции — «не рассматривать» более американское предложение, как представитель США попытался навязать малодушную дискуссию, поставив уже отвергнутые провокационные вопросы, и заявил, что если он получит «дополнительную информацию» от советских делегатов, то может снять свое предложение.

Представитель СССР предложил делегации США на выбор: либо она безоговорочно снимает внесенный ею надуманный вопрос, либо делегация СССР требует немедленного голосования проекта болгарского проекта. Никакой поддержки у большинства членов комиссии представитель США не нашел и вынужден был заявить, что снимает с голосования свое предложение. Представитель Народной Республики Болгария в свою очередь не стал настаивать на голосовании своего проекта ввиду отпадения всего вопроса. Председатель сессии, делегат Югославии, сформулировал решение: вопрос снимается с обсуждения.

Так бесславно провалилась эта акция американской делегации, прикрывшейся лозунгом «защиты прав человека».

В заключение следует сказать о том, что не увенчались успехом усилия отдельных западных делегаций завести комиссию в тупик «холодной войны», восстановить неуклонительному соблюдению договоренностей, достигнутых в Хельсинки. Значит, общий итог 33-й сессии оказался положительным. Недаром восемь недовольный этим опять вытащил проекты многолетней давности — либо учредить должность Верховного комиссара по правам человека, наделенного широкими полномочиями, либо придать самой комиссии назначенческий характер, что противоречит Уставу ООН. На будущей, 34-й сессии наши дипломаты предстоит серьезная борьба за основное направление работы комиссии, против попыток увести ее от решения главных задач. Тем крепче мы будем хранить верность Уставу ООН, который недвусмысленно говорит: права человека нужно уважать, а вмешательству во внутренние дела государств давать отпор.

НА ЧЕРНОМ РЫНКЕ НАЕМНИКОВ

«КОГДА вы получите это письмо, я буду уже в Африке»... С подполковником запаса армии США Робертом Брауном, уведомлявшим о своем отъезде, у меня еще с прошлого года заочно установились сугубо деловые отношения: за умеренную плату он регулярно снабжал меня информацией о «возможностях вербовки наемников за рубежом», а я разбирался из себя одного из его клиентов. Игра стоила свеч.

Всего за один доллар Браун прислал мне каталог вербовочных фирм «военнослужащих». Похожий на самоучитель по обращению с оружием и взрывчаткой. А позвонив на днях в резиденцию Брауна в штате Колорадо, я узнал, что отошел подполковник всецело сосредоточился на новой авантюре с прицелом на Заир.

Однако такой Браун здесь не один. В Калифорнии в открытую вербует наемников и бывший десантник ВВС США Дэвид Бафкин. Его контора действует под вывеской «Боевая группа наемников». Один журналист из здешней газеты «Ньюсдей» позвонил Бафкину. Добавочные сведения: никаких препятствий со стороны властей не будет, а по дороге в Киншасу к американским наемникам присоединятся 350 английских рекрутов... Да, подтверждает и «Вашингтон пост», Мобуту наладил переговоры с наемниками о поступлении в его вооруженные силы.

Вопрос о наемниках приобрел нынче такую остроту, что на заседаниях Совета безопасности ООН (в связи с недавним нападением на немецких бандитов на африканскую республику Бенин) речь шла о контрмерах глобального масштаба, направленных на пресечение этой новейшей формы империалистического бандитизма. Представители некоторых африканских стран довольно прозрачно намекали на виновность вашингтонских властей. От подобных упреков ранее отмахивались. Теперь же дело приобрело настолько серьезно, что представителю США пришлось в оправдание заявить:

— В Соединенных Штатах вербовка или зачисление американских граждан на службу в иностранные вооруженные силы квалифицируется по закону как преступление. Если такого рода деятельность будет обнаружена, то мое правительство предпримет расследование и прибегнет к мерам наказания тех наличии уже. Мы против использования наемников для вмешательства во внутренние дела других стран.

В уголовном кодексе США действительно имеется статья 959, предусматривающая три года тюремного заключения и денежный штраф за вербовку наемников или за вступление в отряды наемников. Никто по этой статье до сего дня не осужден и даже не находится под следствием! Наемничество поощряется и финансируется разведкой.

Как это практически происходит?

Создателем американской системы наемничества считается бывший капитан морской пехоты, полковник Дюпонтаен Лэдд из прослеживых спецчастей «зеленых беретов». С Лэддом я встречался еще в 1971 году в Пномпене. Тогда он откровенно рассказал мне, что держится только на батальонах «охотников за черепами».

Когда в вскоре перебрался в Лаос, то в окружением партизанами Вьентьяне много наслышался о коллеге Лэдде из ЦРУ по кличке «Каяк». Его подлинное имя — Джордж Бэкон — раскрыто теперь двумя его сообщниками: подполковником Брауном и Томасом Отсом. Браун в начале прошлого года готовил отправку первой группы американских наемников для вторжения в Анголу через Заир. В Киншасе они установили контакт с резидентами ЦРУ. Их было не меньше 60 во главе с Джоном Стокуэллом. Матерый диверсант, подвизавшийся в Бурунди, а еще раньше — в Южном Вьетнаме, он и не думает отрицать разбойничьих вылазок в Анголу. В феврале 1976 года в Заире к нему явился Бэкон — «Каяк» в компании с американскими наемниками: Отсом, Акером, Герхартом и Бафкином. Все они, за исключением Бафкина, 14 февраля перешли ангольскую границу в составе англо-американской группы наемников и были в тот же день разбиты.

Только Отс бежал с поля боя. Бэкон — «Каяк» был убит на месте, Акер и Герхарт сдались ангольцам и переложили всю ответственность на Бафкина. А тот, вернувшись домой, не стал отпираться и нагло заявил: «Кто же осмелится в США меня преследовать? Ведь деньги были получены через посредников от ЦРУ».

А Бафкин после провала в Анголе, — сообщил мне нью-йоркский журналист Эрнест Волкман, — вербует теперь наемников для отправки в Заир и показался: «Наверху все знают про мой бизнес, и никто мне не препятствует».

Вот записанное на магнитофон признание Бафкина о вербовке наемников: «Я хорошо поработал на ЦРУ. Я очень много сделал для этих парней. ЦРУ оплачивало наемников в Анголе. ЦРУ вербовало наемников во Вьетнаме. ЦРУ вербовало наемников для Конго».

...Вечером 12 апреля в аэропорту Киншасы приземлился самолет из Китая со «специальным грузом». Иностранные корреспонденты сообщили из Киншасы, что «специальная помощь» Китая включает также тяжелое вооружение. Но не только в Заире руки сильной смерть пекинские пули и снаряды. Укрывшийся в Киншасе представитель ангольского народного Холден Роберто, многолетний ставленник ЦРУ, заявил, будто часть этих поставок предназначена для интервенции против Анголы.

Известно, что разбитые год назад в Анголе наемники имели пулеметы, мины и даже несколько танков китайского производства. Чуть ли не с тем же самым повстречался теперь в пограничных районах Анголы американский репортер Дэвид Смит: остатки разгромленных контрреволюционных шаек в джунглях вооружены пулеметами и автоматами из Китая. Главарь бандитов Джонас Савимби подтверждает, что по-прежнему получает оттуда и боеприпасы, и оружие.

Кто такой Савимби? Полтора месяца назад он был принят в Киншасе, до того стажировался девять месяцев в Китае, поступив в ЦРУ, стал агентом Пекинского посольства. При Савимби неотступно находится «главный военный советник», офицер ЦРУ по кличке Жак. Хотя на нем форма французского парашютиста, он изъясняется по-французски с явным акцентом. Это должно его подручных совсем не говорят по-английски — они французы, служившие в наемнических легионах французской армии и марионеточной Биафры. На этот счет журнал «Ньюсуик» пишет так: «Абсолютно ясно, что действия Франции в Заире получили одобрение Вашингтона. Американские и французские дипломатические лица встречались для обсуждения заирского кризиса. ЦРУ и французская разведслужба условились обмениваться информацией».

От «обмена информацией» они быстро перешли к «обмену» наемниками, и в апреле этого года и к «обмену» экстренными военными акциями во имя сохранения за американскими и французскими монополиями богатейших месторождений хрома, кобальта, урана, меди, цинка, золота, алмазов в Заире. Белый дом уже отправил туда на 15 миллионов военных материалов. А из Парижа направили в Заир отборных десантников-парашютистов и предоставили самолеты для переброски в провинцию Шаба марокканских солдат, оснащенных американским оружием. По оценке прошлых лет одновременно стягивается туда и банды наемников...

А в Нью-Йорке с трибуны ООН американские представители тем временем на словах осуждают наемничество и клянутся не вмешиваться в чужие дела. Тем уже обычной картиной, что китайский делегат вторит и поддакивает им.

И. АНДРОНОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
НЬЮ-ЙОРК

Вот они, «солдаты удачи», которые разоблачают в Африке. Их вербует и оплачивает ЦРУ.

РЕПЛИКА

ЧЕМ ИЗМЕРЯТЬ ДЕМОКРАТИЮ?

Западногерманская газета «Вельт» на видном месте поместила сообщение: ее хозяин и издатель Аксель Шпрингер награжден «Американской медалью дружбы», присужденной ему «Фондом мира». Для Шпрингера использовал все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы спасти жизнь патриотов. Расисты ЮАР испугались и отступили. Нужно заметить, что весьма, к трибуны, представители западных государств также вынуждены были осуждать политику апартеида. Однако смысл их выступлений сводился к тому, чтобы продолжать «диалог» с расистами. Вместе с тем, явно заигрывая с представителями национально-освободительных движений, представитель США назвал, например, СВАПО «существенным элементом» политической структуры Намибии.

— «Структура», созданная колонизаторами, опирается на войска ЮАР численностью 45 тысяч человек. Если бы делегат США, призывавший «проявить единодушие в отношении ЮАР», был последователен, он прежде всего предложил бы вывести всех этих головорезов из Намибии. А он, очевидно, этого не сделал?

— Да, между словами и делами у делегации США почти всегда обнаруживался разрыв. Вот еще пример. В проекте резолюции, внесенной рядом африканских и неприсоединившихся стран, имелся важнейший раздел. А в нем, во-первых, предлагалось «открыть досье на всех лиц, виновных в совершении преступлений апартеида или в серьезном нарушении прав человека в Намибии», во-вторых, выдвигалось предложение о применении конкретных мер, включая принудительные главы VII Устава ООН, «чтобы положить конец незаконной оккупации Намибии Южной Африкой», и, наконец, осуждались действия стран, которые «прямо или через посредство своих граждан способствуют сохранению существующей ситуации в Намибии, Зимбабве и Южной Африке». Призыву «воздерживаться от подобных действий» не в последнюю очередь следовало бы внять американскому делегату. Но хотя Эдард Лоэнстейн и распространялся по поводу «нового подхода» новой администрации США к проблемам Африки, он проголосовал против раздела А. И, конечно, остался в единственном числе — настолько единодушной была точка зрения всей комиссии. Только трое западных союзников США (Англия, ФРГ, Италия) воздержались.

В другой резолюции, принятой комиссией, подтверждалось, что «продажа оружия, договоры о сотрудничестве в области атомной энергии и деятельность многонациональных корпораций в Южной Африке, Намибии и Южной Родезии представляют собой акты пособничества апартеиду и относятся к числу непосредственных причин продолжающейся незаконной оккупации Намибии расистским режимом Южной Африки и присутствия ее войск на территории Намибии для агрессии против соседних африканских государств и вмешательства в их внутренние дела».

Представители США, Англии, ФРГ и Канады, прежде выступавшие в общей форме за передачу власти черному большинству, проголосовали против этой резолюции. Да, поистине, одно дело — на словах выступать в защиту «прав человека» и выискивать мнимые нарушения там, где их нет и в помине, и совсем другое дело — предпринимать реальные действия в конкретных ситуациях, вызывающих возмущение всего мира.

— Теперь о Чили...

— Тут сразу проявились две тенденции: с одной стороны, требование немедленного прекращения репрессий против широких масс чилийского народа, с другой — попытки представить дело таким образом, будто «нормализация» положения всецело зависит от «диалога» с пиночетовскими властями.

К точке зрения социалистических, а также большинства развивающихся стран присоединились и почти все неправительственные организации, такие, как Всемирный Совет Мира, Международный союз, Ассоциация юристов-демократов, Всемирная федерация профсоюзов, Социнтерн и другие. А «конструктивный диалог» с хунтой отстаивали прежде всего делегации Великобритании, ФРГ. Неожиданным оказалось выступление американского представителя.

— Вы имеете в виду Брэдли Тайсона?

— Да. Он заявил, что его делегация присоединяется к числу соавторов резолюции, подготовленной группой неприсоединившихся стран, и выразил сожаление в связи с той ролью, которую США сыграли в свержении законного правительства Альенде. Еще он сказал, что новая американская администрация осуждает действия своих прежних представителей в Чили. На следующий день, однако, стало известно, что президент США и госдепартамент дезавуировали своего представителя.

— То есть вопросу отреклись от его слов? «Заявление Тайсона было сугубо личным, не санкционировано заранее и не является выражением взглядов правительства» — вот дословно реакция госдепартамента. А случай ведь необычный. Не кажется ли вам, что знание фактов, видимо, пришло в противоречие с официальным положением Тайсона? А факты знакомы ему из первых рук. Он специалист по Латинской Америке, много писал о ней, не один год жил там, кроме звания профессора университета и степени доктора наук, носит еще и сан методистского священника. Что ж, если еще и религиозные убеждения подталкивают человека к тому, чтобы отделять правду от лжи, это лучше того, когда, ссылаясь на религию, выдают ложь за правду.

— Действия новой администрации США большинством участников сессии были расценены как безответственные. 26 голосами комиссия приняла резкую резолюцию, выразив «глубокое негодование» по поводу постоянных нарушений прав человека в Чили, узаконенной практики пыток, похищений лиц по политическим мотивам, изгнания из страны и лишения чилийского гражданства.

А у тех, кто дезавуировал Тайсона, не нашлось ни одного гневного слова по адресу хунты. Это есть больше развязало руки Пиночету. «Нью-Йорк таймс», например, свидетельствует: «В ответ на новое осуждение Комиссией ООН по правам человека правительство Чили, судя по всему, вступило на путь еще большего ограничения политических свобод, которые и без того сильно урезаны».

Не объясняется ли это тем, что крушение американских и западногерманских банков буквально в те же дни открыли Пиночету дополнительный кредит на льготных условиях? Получается так: терзай людей в застенках, держи под сапогом целую страну, топчи ее — и вперед! — поддержка международного капитала диктатору обеспечена.

— ...Поддержка, оказанная подавляющим большинством членов комиссии. Тем настоятельнее стоит вопрос о реальной защите суверенитета, реальном осуществлении права народов на самоопределение. Представители 17 стран-членов и 12 наблюдателей поддержали право народа Палестины на самоопределение, вплоть до создания своего собственного государства. Делегаты отдельных стран осудили диктаторский режим в Южной Корее, поддерживаемый оккупационными войсками США, выступили за суверенные права Панамы над зоной Панамского канала, за ликвидацию американского господства над территорией Пуэрто-Рико...

Но подлинная независимость неотделима от осуществления экономических, социальных и культурных прав трудящихся. Есть прямая связь между сохранением реакционных и диктаторских режимов, агрессией и посягательством на суверенитет, с одной стороны, и неспособностью ряда государств, в первую очередь развивающихся, создать условия для полного осуществления экономических и социальных прав, с другой. В то же время сама жизнь ставит сейчас вопрос таким образом, что в первую очередь человеку должно быть гарантировано право на труд, образование, социальное обеспечение. От этого не уйти. Осуществление экономических, социальных и культурных прав зависит, однако, как от внутренней политики государств, так и от усилий по оздоровлению международной обстановки, углублению разрядки, сдерживанию гонки вооружений, разоружению и использованию высвободившихся средств на нужды социально-экономических программ.

Во многих государствах Запада экономические и социальные права остаются несбыточной мечтой для большинства населения. Только в условиях социалистического строя, ликвидировавшего эксплуатацию человека человеком, миллионам людей обеспечено действительное право на труд, отдых, образование, охрану здоровья, раскрыты широкие возможности для участия трудящихся, без различия национальности и пола, в управлении предприятиями в городе и деревне, в управлении государством. В СССР уже почти полвека нет безработицы, тогда как крупнейшие государства капиталистического мира, включая США, оказались не в состоянии дать работу всему трудоспособному населению, не говоря уж о том, чтобы обеспечить своих граждан основными политическими и гражданскими правами, независимо от расы, национальности, пола и религии. Того, чего лишены миллионы людей в странах капитала — подлинной свободы, демократических прав, доступа к знаниям, уверенности в будущем, всего этого не заменят «права», записанные на бумаге, в конституциях и законах.

— Да в буржуазных конституциях, кстати сказать, не записано. Вот есть формула «граница нищеты», имеющая отношение к прописке в США. 25 миллионов человек опустились ниже этой «границы». Подсчитано, что женщин среди них больше, чем мужчин. Сказать, что и в бедности первые поставлены в неравноправное положение по сравнению со вторыми, было бы, конечно, горькой шуткой, но так или иначе принятая пять лет назад поправка к конституции о равноправии женщин все еще не утверждена. Казалось бы, и ничего на это возразить. Ни цифры, ни факты опровергнуть нельзя.

— Тем не менее делегации США, Англии, ФРГ и других западных стран пытались умалить значение экономических, социальных и культурных прав. В резолюции, принятой без голосования, говорилось о том, что «полное проникновение в жизнь экономических, социальных и культурных прав имеет решающее значение для действительного и подлинного осуществления гражданских и политических прав». Делегация США, однако, заявила, что, если бы эта резолюция голосовалась, она воздержалась бы при голосовании.

— Такая откровенность была бы даже похвальна, если бы она не вытекала из морали, не просто допускающей разлад между словом и делом, но ставящей дело, как бизнес, в господствующее положение над всей жизнью. Применительно к теме нашего разговора эту мораль точно передает одна известная крылатая фраза Линкольна, стоит лишь ее перефразировать так: «Собственность выше свободы, доллар выше человека». И, опираясь на такую вот «мораль», организаторы кампании в «защиту прав человека» в Советском Союзе берутся учить, других жить. Не было ли попыток использовать с этой целью трибуну Комиссии ООН?

— В связи с пунктом II повестки дня делегация США попыталась была поставить вопрос о «нарушении прав человека» в СССР. С самого начала стало ясно, что задумано по меньшей мере широкое обсуждение «вопроса». Уже на пятый день работы комиссии делегат США Эдард Лоэнстейн высказался в том смысле, что американская делегация очень хотела бы получить информацию относительно действий советских властей в отношении лиц, как он выразился, «заинтересованных в вопросах прав человека». Советская делегация выразила удивление по поводу заявления представителя США, поскольку комиссия не могла рассматривать вопросы, относящиеся к внутренней компетенции Советского государства.

— У советской делегации, наверное, нашелся бы не надуманный предлог, а вполне реальный повод привлечь внимание к судьбе граждан США, из-за произвола властей оказавшихся в положении «заинтересованных в вопросах прав человека». С той только разницей, что не было бы никакой нужды ни у кого запрашивать информацию. В США можно одному человеку чохом предъявить 78 обвинений, и все эфабулы — одинаковые — от участия в убийстве до нарушения правил уличного движения. Так было со священником Беном Чемберлеем, знаменитым негром на борьбу за равноправие. Только ко одному «обвинению» ему дали 34 года тюрьмы. А сколько могли дать по всем 78? 100, 200, 300 лет? Кому-кому, а делегату США полагалось бы знать, что в его стране общее число заключенных в тюрьмах достигает, по официальным данным, почти трехсот тысяч человек, а по неофициальным — больше миллиона, что все они числятся уголовниками, и тем, кто осужден за политические убеждения, власти все равно приклеивают ярлык «уголовник», что общее количество политзаключенных скрывают, что в рядах штатов существуют секретные инструкции ФБР, по которым борцов за гражданские права рекомендуется арестовывать «по любым возможным обвинениям». Выходит, что инструкция, составленная под диктовку директора ФБР, выше конституции, написанной «отцами основателями» США!

— Спустя три недели американский представитель внес предложение, чтобы комиссия запросила у Советского правительства информацию относительно задержания «некоторых лиц, которые проявили активность в деле содействия правам человека».

Советский представитель решительно отклонил это предложение. Обсуждение вопросов, касающихся внутренних дел СССР, противоречило бы пункту 7 статьи 2 Устава ООН, а также задачам самой комиссии. Оно явилось бы вмешательством во внутренние дела нашей страны. Читатели «ЛГ» должны учитывать, что заседания в Женеве проходили на фоне развязанной антисоветской кампании. Те лица, которые упоминались в ходе этой кампании, изображались «борцами за права человека», хотя было известно, что они нарушали советские законы и поддерживали связи с представителями иностранных разведок, принадлежащим званием корреспондентов и дипломатических работников иностранных посольств, в частности посольства США в Москве. Ясно, что акции, предпринятая американской делегацией, могла внести в работу комиссии дух «холодной войны», навлзать ей оценку искусственно созданной пропагандой США ситуации и лишить комиссию ведущей уголовной ответственности за нарушение советских законов. Это принесло бы ущерб делу разрядки и пошло бы на пользу той кампании, которая была развернута определенными кругами, заинтересованными в обострении международной обстановки и проведении антисоветских, антисоциалистических подрывных диверсий.

— Эти круги иначе называют «группами специальных интересов». Псевдонимы прозрачный. За ним укрываются правые, объединившиеся с военщиной и частью академической элиты, плюс бизнес, связанный с производством вооружения, плюс сионисты, профбоссы... Вчера они кричали о «советской угрозе», кричат о ней и сегодня, но новым их коньком стали «права человека». Почти безраздельное единение на телевидении, радио и в печати позволяет им так формировать общественный климат и так поощрять официальные акции, чтобы связать их с антисоветской кампанией в «защиту прав человека»... Как же дальше развивалась дискуссия во Дворце наций?

— А дальше... Да никакой, собственно, дискуссии по своему предложению г-ну Лоэнстейну развернуть не удалось. Представители БССР, Народной Республики Болгарии, Алжира, Кубы, Югославии, Сенегала, Индии, Сирии, Верхней Вольты, Уганды, Венгрии и КНДР заявили, что рассмотрение вопроса, навязанного делегацией США, не входит в задачи комиссии, несовместимо с принципом невмешательства во внутренние дела государств, идет вразрез с тенденцией к разрядке напряженности и создает опасность возвращения к «холодной войне». Лишь союзники США по НАТО (Англия, ФРГ, Канада, Италия) формально поддержали акцию США, не утруждая себя, впрочем, попыками каких-либо доказательств «нарушения прав человека» в СССР.

Стало ясно, что американское предложение будет отклонено. Стоило, однако, делегации Народной Республики Болгарии внести проект короткой резолюции — «не рассматривать» более американское предложение, как представитель США попытался навязать малодушную дискуссию, поставив уже отвергнутые провокационные вопросы, и заявил, что если он получит «дополнительную информацию» от советских делегатов, то может снять свое предложение.

Представитель СССР предложил делегации США на выбор: либо она безоговорочно снимает внесенный ею надуманный вопрос, либо делегация СССР требует немедленного голосования проекта болгар

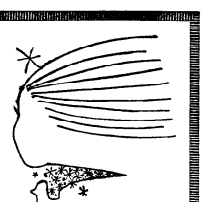
Эта книга — одна из новинок пражского издательства «Чехословенски списователь». Сборник составлен из произведений двенадцати мастеров современной чешской поэзии — Карела Боушека, Мирослава Флориана, Франтишека Незвитала, Яна Пиларжа, Йозефа Рыбака, Ивана Скала, Ладислава Стеглика, Доната Шайнера, Иржи Тауфера, Ярмилы Урбанковой, Алены Врбовой и Вилема Завады.

Предисловие к книге написал известный литератор Олдржих Рафай, она прекрасно иллюстрирована и оформлена художником Франтишеком Петерской.

Мы публикуем предисловие и два стихотворения из этого сборника.

Олдржих РАФАЙ

«КАНТАТА ДЛЯ ДВЕНАДЦАТИ ГОЛОСОВ»



ДВЕНАДЦАТЬ поэтов, из обширного творчества которых эта книга отбирает лишь по нескольку стихотворений, свидетельствуют об огромной роли поэзии в современной чешской литературе, в жизни нашего социалистического общества.

Традиции классического наследия, особенно межвоенного периода, хранятся и умножаются нашей сегодняшней лирикой, развитие которой неразрывно связано с активностью прогрессивных поэтических сил в других литературах. Взаимная обусловленность этих процессов логична, ибо чешская поэзия всегда развивалась как естественная составная часть поэзии мировой, обогащая ее произведениями, национальными по тематике и новаторскими по форме. Особенно это характерно для нынешнего столетия, когда главным содержанием передовой чешской поэзии явились сражения рабочего класса за свое освобождение, его борьба против фашизма, строительство социалистического общества. Беря на себя ответственность за решение самых кардинальных и злободневных проблем, поэты отражали современность в художественных образах новой красоты — более глубокой и человечной, ибо это красота классовой правды пролетариата.

Социалистическая чешская поэзия наших дней закономерно продолжает эту традицию. После этапа кризисного развития нашего общества она, сбросив пепелу с глаз, дает широкую панораму жизни социалистической Чехословакии, жизни, частью которой является она сама. Мы слышим в этой поэзии серьезную ответственность за все, чем живет современный человек. Ее моральное кредо закономерно определено преданностью делу социализма, строю, который ликвидирует лицемерную идеологическую систему буржуазии, подавляющую человека труда и любое творчество уже в самом его зародыше.

Мы слышим в этой поэзии певучий голос каждого сегодняшнего дня, прожитого в совершенно конкретном времени совершенно конкретным человеком — человеком горячего сердца, чье «место слева» (М. Флориан). Авторы этого сборника создают поэзию самой высокой пробы и горячей дружбы, поэзию, которая, «жертвуя жизнью, вынесет друга из трухлявого дома благополучия» (И. Скала). Они создают стих, который знает, что ждет его завтра» (Д. Шайнер), они пишут поэзию высокой трагичности и яркого оптимизма, чуждого предрассудкам, иллюзиям и лжи.

Естественно, что поэзия эта тяготеет сразу к двум полюсам — к личной жизни и общественному бытию. Личное для нее — отнюдь не убежище от сумятохи общества и трудовых будней, но — твердая земля под ногами, крепкий опора, овеянная горячим дыханием требовательной любви к обществу.

«Кантата» свидетельствует, что ее двенадцать голосов не только готовы к нелегкой миссии поэта, но и — следуя традиции — добросовестно выполняют эту миссию. Выполняют своей тематикой, идеологической вооруженностью, художественной образностью. В сборник включены образцы творчества чешских поэтов среднего и старшего поколений, которые с открытым забралом борются за чистоту жизни социалистического общества, за расцвет человеческой личности, ведут читателя дорогами сражений, вместе с ним ставя вопросы и вместе отвечая на них. Это поэзия человека, «имени которого нет на плакатах», но в глазах которого — «сила безвестных сотен тысяч» (В. Завада).

«Кантата для двенадцати голосов» — представительная антология социалистической чешской поэзии, той преобразующей силы, без которой жизнь не могла бы существовать, как человек без крови, того творчества, без которого страна оставалась бы только страной и никогда не была бы родиной, домом, обществом.

Иржи ТАУФЕР

Красноармейцы

О, если б до сих пор их раны не кричали,
что жизни прервены, загублена мечта!
...Со смертью друга к нам приходит пустота,
которую б постичь не смог и Торричелли.

Умолкли юные певучие уста.
Кто успокоит боль и утолит печали?
В том мае шли они со скорбными очами,
встречали шумно их мои родимые места.

Под ливнем из цветов весенних шли солдаты,
а я хотел, чтоб подорожники и мята
им облегчили боль, чтоб посветлел их взгляд,
чтоб нашептал им лес и небо голубое,
что их друзья не полегли на поле боя,
а просто тихо, безмятежно спят.

Донат ШАЙНЕР

Самому себе

Стих спотыкался мой, как при подъеме в гору,
как запыхавшийся бегун из Фермопил.
Его встречали то обидой, то укором.
Но он в сраженье звал, о битвах говорил.

Он знал, что будет. Помнил то, что было.
Он шел по кручам, по ухабам шел.
Ему отдам я кровь свою и силы —
пускай у цели будет он, как правда, гол.

Перевела с чешского Лорина ДЫМОВА

КНИЖНАЯ ВИТРИНА ЛЕЙПЦИГА

МЕЖДУНАРОДНАЯ весенняя ярмарка в Лейпциге ежегодно отводит часть выставочных стендов книжным «новинкам». Фирмы многих стран мира демонстрируют свою печатную продукцию в огромном здании на старинной Рыночной площади города. Издательства ГДР по традиции представляют там книги, которые они выпускают в текущем году.

«Центром тяжести» экспозиции ГДР на минувшей книжной ярмарке были издания, посвященные славному юбилею — 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Это историческое событие находит многогранное отражение в издательских планах: здесь и совместные труды научно-исследовательских институтов СССР и ГДР, и документальные сборники.

Советская художественная литература всегда занимает обширное место на прилавках наших книжных магазинов, но в нынешнем, юбилейном году она составляет предмет особой заботы книгоиздателей. Перечень новинок здесь слишком велик, чтобы можно было рассказать о нем в короткой статье. Поэтому скажу лишь о самом главном.

«Принц Гамлет и рабочий класс» — так называется антология прозы, в которой представлены выдающиеся советские писатели, начиная с Горького. В двух прекрасно оформленных томах издается роман Г. Маркова «Сибирь». Под заголовком «Как алмазы, падают звезды» появятся баллады Н. Тихонова о революции и гражданской войне; они рассчитаны на читателей, знающих или изучающих русский язык, и потому будут напечатаны в оригинале с параллельным переводом на немецкий.

Кроме того, выходят в свет повесть В. Быкова «Его батальон», роман Ю. Бондарева «Берег» (с ним наш читатель уже знаком по журналу «Советская литература»), а также третья книга «Блокады» А. Чаковского, книги Д. Гранина, В. Катаева, В. Распутина.

Все это объявлено в проспектах «Фольк унд вельт», крупнейшего у нас издательства, которое специализируется на зарубежной беллетристике.

Второе по величине издательство художественной литературы — «Ауфбау-ферлаг». В его продукции основное место занимают книги авторов ГДР, однако и оно в каталоге на 1977 год указывает целый ряд произведений советских писателей. «Ауфбау-ферлаг» познакомит нашего читателя с рассказами и повестями В. Солоухина (его сборник назван «И звезда с звездою говорит...»), с повестью А. Кривоносова «Гори, гори ясно», с книгами М. Ганиной, В. Аксенова, П. Проскурина и других. Весьма значительным представляется издание сочинений М. Горького в четырех томах, куда войдут «Мать», автобиографическая трилогия и рассказы.

Разумеется, 60-летие Великого Октября отмечается у нас и выходом в свет произведений о Советском Союзе, написанных литераторами ГДР. Назову здесь книгу М. Нойман о «трассе дружбы — строительстве странами СЭВ газопровода Оренбург—Западная граница СССР, сборник Г.-Ю. Шрике «Рига. Прогулки по старому городу», сборник Л. Шерцера «Снимки крупным планом», где найдут свое отражение впечатления автора от поездок по Сибири и республикам Средней Азии. Уже вышли из печати репортажи Р. Криста «Вокруг половины света за сто дней» и очень лиричная книга поэта А. Эндлера «Две попытки рассказать о Грузии».

Знаменательным для нашей культурной жизни в нынешнем году является выход ряда произведений авторов ГДР, вызывающих большой интерес литературной и читательской общественности. Назову сразу же новый роман Германа Канта «Местопребывание». Это очень серьезная, значительная книга. Вот что сказал о ней заместитель министра культуры ГДР Клаус Хёнке:

«В истории «очеловечивания» Марка Нибурса, которую рассказывает Герман Кант в своем романе «Местопребывание», мы находим новый ответ на один жизненно важный вопрос. От прояснения этой коренной проблемы зависит не более и не менее, как будущая судьба народов Европы. Речь идет о вопросе: как люди этой части света выкорчевывают из общественных отношений и собственного самосознания все корни, питавшие фашизм — это отвратительное порождение бесчеловечности, которое распространялось над ними в XX веке...

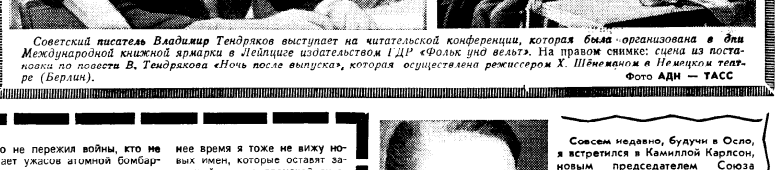
«Местопребывание» — третий роман Германа Канта. Он не просто дополняет два предшествующих — «Актовый зал» и «Выходные данные» — до трилогии. То, что объединяет эти три книги, скорее можно было бы определить понятием «триптих». Середина и правая сторона уже были готовы. Теперь автор добавил третью, чертящую материал из предыстории».

Эта книга Г. Канта и новые произведения ряда других писателей ГДР на тему минувшей войны свидетельствуют об огромных политических, социальных и духовных изменениях в нашем обществе за 32 года, которые прошли со времени нашего освобождения Советской Армией от фашизма.

В заключение добавлю, что весьма интересным в книгоиздательских планах нынешнего года является выпуск сочинений таких известных авторов, как Анна Зегерс и Эрвин Штритматтер. В ближайшее время мы получим новые книги Хельги Шюц, Вольфганга Кольхазе, Вернера Хайдучека, Эрика Ноймана и других писателей.

Рената РАУХ

БЕРЛИН



Советский писатель Владимир Тендряков выступает на читательской конференции, которая была организована в дни Международной книжной ярмарки в Лейпциге издательством ГДР «Фольк унд вельт». На правом снимке: сцена из постановки по повести В. Тендрякова «Ночь после выпуска», которая осуществлена режиссером Х. Шенманом в Немецком театре (Берлин).

Фото АДН — ТАСС

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Национальные праздники — Дни освобождения — отмечают 8 и 9 мая народы ГДР и Чехословакии.

УГОЛ ЗРЕНИЯ КЭНДЗАБУРО ОЭ

Известный японский писатель Кэндзабуро Оэ родился в 1935 году. Еще учась в Токийском университете, он опубликовал повесть «Уход за скотом», которая была удостоена самой авторитетной в Японии литературной награды — премии Акутагавы. Десять лет назад вышло шеститомное собрание сочинений Оэ, сейчас готовится новый шеститомник, в который войдут произведения последнего времени.

В Советском Союзе опубликованы переводы его романов «Опозданная молодежь», «Футбол 1860 года» и ряда рассказов, издательство «Прогресс» готовит к выпуску роман «Объяли меня воды»...

Сегодня мы публикуем беседу с писателем доктора филологических наук В. С. Гривнина, побывавшего недавно в Японии.

В. Г. Давайте начнем с того, что вы считаете для себя главным, что, возможно, в какой-то мере определило вашу писательскую судьбу...

К. О. Не знаю, определило ли целиком мою писательскую судьбу то, о чем я сейчас скажу, но воздействие этого — несомненно. Я имею в виду огромное влияние, которое оказала на меня русская литература.

В. Г. Мне вспоминается, что такие признания уже делались японскими литераторами. Акутагава Рюноскэ писал: «Среди всей современной иностранной литературы нет такой, которая оказала бы на японских писателей и читательские слои большее влияние, чем русская. Даже молодежь, не знакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Из одного этого ясно, насколько нам, японцам, близка Россия... Пишет это японец, который считает ваших Наташу и Соню своими сестрами».

К. О. Совершенно согласен. Думаю, с ним согласятся многие японские писатели.

Я родился и жил в глухой деревне на острове Сикоку. Многие наши жители, в том числе и моя мать, не видели поезда, и когда совсем недавно железнодорожную линию дотянули до нашей деревни, мать решила, что это проделки барсука-оборотня, который на этот раз предстал в таком странном и непонятном ей облике. Сам я впервые сел в поезд, когда 18-летним юношей поехал учиться в Токио.

Я не случайно начал рассказ о влиянии русской литературы с описания глухомани, в которой родился и вырос. Дело в том, что даже там были люди, знавшие некоторые произведения Толстого, Достоевского, Чехова.

Если же говорить о моем писательском пути, то можно сказать, что учился я методу отображения жизни, проникновения во внутренний мир человека у Толстого и Достоевского, «Братьев Карамазовых» я читал двенадцать раз, примерно столько же — «Войну и мир», неоднократно перечитывал «Анну Каренину». Но с Толстым я бы хотел и поспорить. Помните начало романа «Анна Каренина», где говорится, что все счастливые семьи похожи друг на друга, но каждая несчастливая семья несчастлива по-своему? Мне кажется, Толстой не прав. Несчастье тоже бывает очень сходным. Тем более, если распространить этот образ на понимание судеб человечества...

Не могу не упомянуть Булгакова и его роман «Мастер и Маргарита». Это выдающееся произведение во многом повлияло на мой роман «Спасатели», в котором мне хотелось предостеречь людей от недооценки угрозы атомной катастрофы.

Сейчас я увлечен изучением критических произведений Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума: чрезвычайно интересная страница советского литературоведения! С этой школой можно соглашаться или нет, но не знать ее нельзя.

В. Г. В Советском Союзе сделано немало для знакомства читателя с лучшими произведениями послевоенной японской литературы. Кобо Абэ и Такаси Кайко, Сюсаку Эндо и Томодзи Абэ, Хироси Нома и Ясунари Кавабата, Дзюнитиро Танидзаки и Сетаро Ясуока, Есиэ Хотта и Кэндзабуро Оэ — книги этих писателей знают и любят. Вообще японская литература пользуется в СССР большой популярностью. И это не случайно. Проблемы, поднимаемые вашими писателями, носят не локальный, не этнографический, а общечеловеческий характер.

Кстати, считаете ли вы, что названные мной писатели действительно отражают состояние японской послевоенной литературы, определяют ее развитие?

К. О. Не берусь судить о Кэндзабуро Оэ, но что касается всех остальных, то это действительно наиболее интересные авторы в японской литературе. Первое место среди них занимает, конечно, Кобо Абэ. Это выдающийся мастер. Он был частью молодежи, и обращение к ней было вполне естественным и закономерным. Но и сейчас я не ухожу от этой темы в первую очередь потому, что молодежь — наиболее динамичная, остро реагирующая на события часть общества. Взяв ее в качестве объекта художественного исследования, можно глубже и полнее отразить характер общества, его беды и болезни. Мне хочется показать не просто человека, но становление и развитие характера. Есть ли для этого лучше, чем молодежь, кто не знает ужасов атомной бомбардировки.

В. Г. Коль скоро мы заговорили о читателе, хотелось бы коснуться вот какой проблемы. Я в Японии уже несколько месяцев, общаюсь со многими литераторами, и меня поражает почти полное отсутствие связи между писателем и читателем. Разумеется, косвенно такая связь существует. Если творчество писателя не созвучно читательскому интересу, его книги просто не будут покупать. Но непосредственного контакта я, честно говоря, не заметил. Для меня это особенно странно, поскольку на памяти сразу приходят многолюдные читательские конференции в нашей стране, горы писем, которые получают писатели.

К. О. Нет, читательские конференции — вещь у нас немыслимая. Писем, которые выражали бы заинтересованное отношение к твоему творчеству, мы тоже не получаем. Ругательств и угроз по телефону — вот этого сколько угодно. А однажды я получил посылку, вскрываю — там дохлая кошка и угрожающее письмо... Нет, поддержки читателей я не ощущаю. Может быть, кто-то и произносит добрые слова в мой адрес, но я их не слышу. Письма иногда приходят, но примерно такого содержания: «Хочу стать писателем, что для этого нужно сделать?» Я уверен, что их авторы книг не читали. Знают по именам — и все.

В. Г. Действительно, это не может радовать. Довольно длительное пребывание в Японии позволило мне самому убедиться в том, что экономический рост страны не сопровождается ростом духовным. В последние годы появляется все меньше значительных произведений. Мне приходилось ездить в электричке, и я видел, что читает японская молодежь. Комиксы причем глупейшие. Или взять, например, премию Акутагавы, которой в прошлом удостаивались по-настоящему талантливые писатели. В этом году ее получил молодой автор, рассказывающий в своем романе о внутреннем мире наркомана.

К. О. Это верно. В последнее время я тоже не вижу новых имен, которые оставят заметный след в японской литературе, хотя, как член жюри премии Акутагавы, голосовал за награждение названного вами произведения. Оно хоть мастерски написано, а остальные вообще не представляли никакого интереса.

Если же говорить о духовной жизни Японии в более широком плане, о культуре в целом, то ее можно охарактеризовать как центростремительную, подавляющую местные культурные традиции. Когда несколько лет назад я был в Ташкенте на Конференции писателей стран Азии и Африки, меня поразил расцвет узбекской культуры. Русская культура ее не только не поглотила, а, наоборот, способствовала ее развитию. В Японии же все местные традиции, все местные диалекты, особенно это относится к Окинаве, подавляются во имя «культуры центра».

В. Г. Не нужно забывать, что ваша страна многонациональная. В Японии же практически живет одна нация.

К. О. Согласен, но тем не менее, когда «культура» охраняется рассматривается как национальное достояние, а как пережиток, вряд ли можно говорить о стремлении способствовать развитию общенациональной культуры. Вряд ли правильно замыкать японскую культуру в рамки Токио и его окрестностей.

В. Г. Любая беседа с писателем заканчивается, как правило, вопросом: над чем вы сейчас работаете?

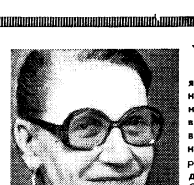
К. О. Сейчас я устроил себе маленькую передышку, но скоро засяду за новый роман. Как он будет называться, еще не знаю, но тема уже определена. Это будет столетняя история превращения Японии в современное государство, показанная через жизнь маленькой деревушки, затерявшейся в горах острова Сикоку.

Работа рассчитана на три-четыре года. Я вообще пишу по японским понятиям довольно медленно. Некоторые авторы у нас создают в месяц по роману. Но мне бы не хотелось уподобляться им.

В заключение хотел бы передать привет и самые добрые пожелания читателям «Литературной газеты». В этом году ваша страна отмечает шестидесятилетие Великого Октября. Пусть в 1977 году все хорошее умножится, а все отрицательное, омрачающее вашу жизнь, исчезнет навсегда!

В. ГРИВНИН

ТОКИО—МОСКВА



Совсем недавно, будучи в Осло, я встретился в Камиллой Карлсон, новым председателем Союза норвежских писателей. Я приехал в Норвегию по приглашению университета города Осло для чтения лекций о советской литературе. Рассказал Камилле Карлсон о деятельности Союза писателей СССР, сообщил о своей работе над романом о викингах.

Камилла Карлсон поделилась творческими планами, познакомила меня со своими прозаическими и поэтическими книгами, рассказала о недавней конференции норвежских писателей, на которой ее избрали председателем. Она стремится расширить сферу деятельности союза (число его членов в настоящее время достигает 365). Забот много, особенно в области авторских прав и материальных сторон быта литераторов.

На память мы с Камиллой Карлсон обменялись книжками.

Сегодня публикуются стихи поэтессы в переводе с норвежского Валентины Морозовой.

Георгий ГУЛИА

Камилла КАРЛСОН

Что ответим весне?

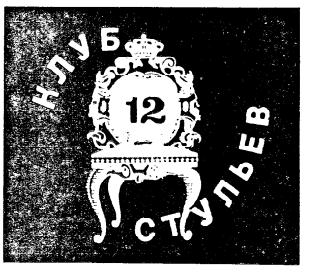
Как потекут наши дни,
Когда вдруг свет засияет над травой прошлогодней
И тропинки, как неуверенные привидения, разбегутся
По следам на застывшей прошлой осенью земле!
Чем встретим мы мертвое солнце,
Когда оно сверкнет и ослепит
Наши уставшие за зиму глаза
И расколется на тысячу солнц!
Что мы ответим весне.
Когда она разбудит наши притихшие сердца
Песней и приветом
Стам диких птиц, прочертивших дугу
Высоко-высоко в небе!
Наш ответ незатейлив и прост:
Мы спешим ощутить любимую руку, уста, чело,
Жизнь, которая может сказать нам, что мы живы,
Пока, по крайней мере.

Словно деревья на ветру...

Мы сажаем деревья,
Врываемся беспокойством
В покой других,
А как жить иначе нашим сердцам,
Как не в порывах!
Корнями, туго сплетенными,
Кронами жеманий, ввысь устремленными,
Лес людей —
В сомнениях и вере,
Словно деревья на ветру.

Лишь наша неуемность...

Искала песнь моя возлюбленного,
Сердце, что пламенем объято, как мое.
Лишь наша неуемность ведает,
Как отыскать путь туда, где свет маячит.
Каждому дано изменить
Отмеренные ему дни и годы,
Каждому сердцу дано отыскать,
Свой огонек в ночи.
Тебя я увидела в отблеске огня
С глазами, устремленными к утренней заре.
Излучало твое лицо столько тепла,
Что не опишешь словами и красками.
Лишь нашей неуемности под силу
Отыскать путь к сердцу возлюбленного —
Единственному и неповторимому
Среди всех дней и лет.



Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

В ЛЕСУ

Глеб Николаевич в лесу заблудился. Гриибы собирал и заблудился. С каждым может случиться. Зажмурился он от страха и пошел куда глаза глядят. Долго шел. Очень долго. И все не туда. Наконец вышел прямо к болоту и присел на бережок отдохнуть. Смотрит, куст растет с какими-то ягодами. Не то это была рябина, не то вишня. Глебу Николаевичу некогда разбираться было — есть очень хотелось. Сорвал он самую крупную ягоду и мигом проглотил, даже вкуса не почувствовал. И вдруг в ту же секунду стеклась у него голова тяжелая, как пивная праздника. И так же пить захотелось. Наклонился Шлыков к болоту, увидел нечаянно в воде свое отражение и ахнул. Отражение было с рогами. Большие такие рога и ветвистые, как генеалогическое дерево. А один рог даже сломанный на конце, как будто Глеб Николаевич за шкаф им зацепился или, может быть, время подал.

Протер Шлыков глаза — рога на месте. Головой помотал: думал на себя скинуть — ничего не получается. Наверно, сезон еще такой не начался, когда рога сбрасываются.

«Ну, — думает Глеб Николаевич, — все! Влип он за что! Хоть бы ягоды-то вкусные были, а то и вспомнить нечего! Тьфу! Это как же в теперь с рогами домой пойду? И в электричку-то с ними небось не влезешь. А то еще, чего доброго, заставят бист дополнительный брать! И кровать мне теперь придется новую покупать, и у свитера ворот распарывать... Одно расстройство!»

Думает — это он так, а сам по сторонам оглядывается, ищет, где между деревьями проход пошире. И вдруг еще один куст увидал, с другими ягодами. Те вроде были ограниченнее, а эти — вкусничного цвета.

«Может, и этих попробовать? — закоебался Шлыков. — Пан или пропал! Или рога пропадут, или копыта вырастут. А вдруг еще и мычать начну?.. Откушу-ка я сначала под-ягоды! Все-таки не такой риск...»

Потянул он к кусту и от одной ягоды половину откусил. И тотчас один рог у Глеба Николаевича исчез! Даже голова набок сассилась, как у Аленушки. Обрадовался Шлыков и тут же, не мешкая, вторую половинку в рот отправил. И сразу стал прежним, безрогим Глебом Николаевичем. Даже бугорка на голове не осталось.

Удивился Шлыков таким порядком, получше тщательно ощупал, в болото поглядеться и, успокоившись, стал думать, что дальше делать и какую выгоду на этих чудес навлечь можно. Конечно, ягоды эти не скатерть-самобранка и даже не сапоги-скороходы, но все-таки, может, и их к чему-нибудь приспособить удастся? Прикидывал он и так, и сдак, но никакой ощутимой пользы для себя придумать так и не смог.

— Ну и ладно! — говорит себе Глеб Николаевич. — И не надо! Буду этими ягодами врагов своих угощать! Вот уж они меня помнили!

Высыпал он из корзины все грибы и наложил туда доверху ягод с первого дерева, а на второе даже глядеть не стал.

«Ничего, — думает, — не баре! Хватит с них и этих фруктов! В них, небось, тоже витаминов полно...»

Взвалил он корзину на плечо, повернулся и зашагал, откуда пришел. Идет и принюхивает, кого угощать будет.

«Первым делом, — намечает, — Ярлову незаметно подсуну. Он меня в позапрошлом году случаем обозвал. Пусть теперь попрыгает... Обозников — тоже кандидатура подходящая. А то больно в начальниках лезет! Того и гляди на повышение пойдет. А с рогами-то его кто же повысит? С рогами он выше старшего инженера не поднимется... Не забыть бы еще Шапарова попотчевать. А то он как гостей собирает, так прямо дымит магнитофон взаймы просить. Им, видите ли, потанцевать охота! А что магнитофон покарябать можно, так это им наплевать. Ну, ладно, Шапаров, теперь тебе не до танцев будет...»

И так Шлыков размечтался, что не заметил, как помимо в станции вышел. Сел он в электричку и через двадцать минут уже был в городе. К этому моменту он уже семьдесят две кандидатуры изменил. Поел в трамвае еще сорок три набежало. На остановке сошел радостный, возбужденный. Идет и все беспокоится, не упустил ли кого... И вдруг видит: комиссионный магазин, а в витрине... В витрине рога выставлены! Точно такие, какие Глеб Николаевич в лесу примерял. Ну, может быть, немножко поменьше и не такие ветвистые, но все-таки очень похожие. А под ними ярлык: «40 рублей».

Шлыков как цену увидал, у него аж перехватило. Сорок рублей?! Сорок рублей?!! Осладел он как-то сразу, голова закружилась, все кандидатуры из нее разом вылетели. И хорошо сделали, что вылетели! Это ж какую маху он чуть не дал! Каким-то прохвостам по сорок рублей хотел подарить! Каждому!! Но и мы... Хорошо еще, что вовремя хватились... Нет уж, любезные, не видать вам этих денег, как своих ушей!

Глеб Николаевич тут радео усмехнулся, зачерпнул из корзины две полные пригоршни ягод и, не теряя времени, отправил их в рот...

Вл. ПАНКОВ

ПРОБКА

Коля Сидоров справил себе «Запорожец» оранжевого цвета и решил пофорсить обновой перед своей неофициальной пассией — технологом цеха глубокого травления Зоей Кудрявцевой.

Тут, на счастье, и Недета французского фильма подвернулась. Берешь он два билета у культорга и с шиком подвез Зою к кинотеатру.

Картина Коле не понравилась: силы заняты хорошие, цвета хорошие, музыка, но тема... Как они там друг дружке изменяют! Напропалую! Открыто и нахально! Прямо не люди а профсоветы какие-то... Будто у них и тем других в жизни нету. Инфляция или, допустим, непримиримость какой...

Вышли Коля с Зоей из кино, сели в автомобиль, но только отъехали квартал, как — ну, невезуха! — попали в пробку. Где-то там, впереди, за горизонтом, авария, видно, вышла, и теперь вся орава автомашин остановилась, как проклятущая, — ни вперед, ни назад. Машина к машине, крыло к крылу.

Сглотнул в сердцах Сидоров, глянул вправо — «Жигули» впритык стоят, а в «Жигулях» — мама родная! — жена Лида...

Весь организм Коли вдруг как-то сразу съежился и сам по себе, словно тесто жидрит, — так долго не выстоишь.

— А я? — Зоя обижается. — Я, не забудь, женщина.

— При чем здесь мужчина, женщина? В таком положении все равны.

А в соседней машине Семен Арнадьич говорит Лиде:

— Какая странная машина... Как это она без нижего ехала?

Лида поворачивается и вдруг узнает в оранжевом «Запорожце» свою собственность:

— Ой, узнала...

— Чего узнала? — Семен Аркадьич не понял.

— Наш автомобиль!

— Но там, кажется, кто-то шевелится, — говорит Кудрявцев, — ищану заметно.

— Какой ужас! — Лида приглядеться, — Это же мой муж Сидоров.

И Лидин организм в один момент съежился и тем же макаром сполз вниз. Организм Семена Арнадьича сполз туда же. К сожалению, съежиться он не мог по причине широкого употребления сладкого и мучного...

Тем временем, не выдержав более, обе женщины одновременно повернули машины и медленно обогнули их — одна спереди, другая сзади.

Зоя открыла дверцу своего «Жигуленка»:

— Ой, Сема!.. А что ты здесь делаешь?

У Семена Аркадьича заклинило язык.

— Я... я... А ты? — только и смог выговорить он.

— А я у портнихи была. Иду, а тут пробка...

Лида рассказывала своему мужу Сидорову то же самое, только про скорняка.

Вдали, за горизонтом, кто-то нервно просигналил. Тут же сигналить принялись все. И «Жигули», и «Запорожцы»...

— Ой, посмотри-ка, — радостно всплеснула руками Лида, — да это же машина Кудрявцевых!

— Ба, — развела руками Зоя, — смотрина, Сидоровы!.. Что, обкатываете обнову?

— Как вы считаете, — светским тоном спросила Лида, — надолго эта пробка?

— Думаю, что надолго, — мягко улыбаясь, ответила Зоя.

— У вас закусить ничего не найдется? — грубовато полюбопытствовал Сидоров. — Проголодался тут, елки зеленые...

— Пощщем, — по своим голосом откликнулся Семен Аркадьич.

Через минуту все четверо жевали на свежем воздухе бутерброды, совершенно случайно оказавшиеся в обеих машинах...

Ерофей НЭШ

МЫСЛЬ, КОТОРАЯ СОШЛА С УМА МИСТЕРА ПАНСЕФУТА

Однажды жил на свете мистер Пансефут, который был абсолютной посредственностью и постоянно мямлил и мялся.

Потому что, в силу своей наследственности, он от рожденья был ни рыба, ни мясо.

Да, он был один из тех, кто оставался в дураках всегда и кто на любой вопрос в ответ мог только развести руками или пожать плечами.

Ибо, когда он собирался сказать «да», ему на ум приходило «нет», а когда он хотел сказать «нет», он вдруг вспоминал то, что пришло ему на ум вначале.

В результате в любом разговоре в представлении противных сторон он рисовался в совершенно различных красках.

Ему никогда не предлагали спеть соло или петь в хоре, ибо его посредственный голос на полтона был ниже тенора и выше баритона.

Чем бы он ни занимался, где бы он ни находился, он всегда чувствовал себя не на месте.

И, может быть, поэтому он жил не в городе и не на ферме, а в предместье.

Так мистер Пансефут и пребывал в непредвиденном состоянии до тех пор, пока однажды, в результате послеобеденного чтения, он не узнал о том, как один осел умер с голоду, находясь меж двух стогов сена на одинаковом расстоянии и не решаясь ни одному из них отдать предпочтение.

Тут мистер Пансефут, впервые широко разинув рот, воскликнул:

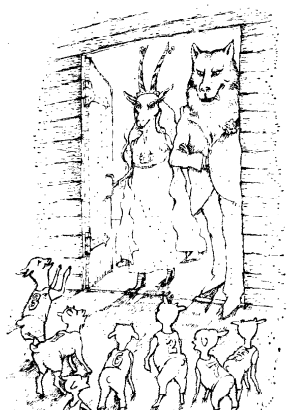
«Эврика! Это и есть конец моих мучений!»

Только он не умер с голоду, а, наоборот, провел остаток дней в довольстве, пережевывая, как солому, свои собственные слова на одинаковом расстоянии от двух противоположных умозаключений.

Перевод с английского Александр ЖУКОВ

Из цикла «Сказки «Клуба ДС»

ЧУДАКИ



М. ЗЛАТКОВСКИЙ

В. ИВАНОВ

Светская жизнь «Клуба ДС»

ТРИНАДЦАТЬ

На днях администрация «Клуба ДС», находясь на свидании возле метро «Таганская», случайно увидела афишу Театра драмы и комедии. «Надо идти», — вздохнула администрация, глядя на часы. Совершенно случайно у дежурного администратора театра на имя дежурного администратора «Клуба ДС» оказался пропуск на приставной стул в 13-м ряду.

После спектакля администрация поднялась в верхний буфет театра, где возле елки, украшенной реквизитом, за праздничными столами собралась труппа. Место администрации оказалось под огромным знаком вопроса, составленным из цифр 13. Сидевшие рядом с администрацией Михаил Козаков и Юрий Виноров (тоже гости) разъяснили, что 13 — это количество лет со дня основания театра и что сегодня театр встречает свой новый, 14-й год. Тогда администрация зачитала приветственную телеграмму метровой величины, совершенно случайно оказавшуюся под рукой: «Мистеру Юрию Любимову тчк. Десятилетняя администрация «Клуба ДС» от души предупреждает дружественный коллектив в связи с его тринадцатилетием».

Главный режиссер театра поблагодарил администрацию и со своей стороны пожелал ей успехов в личной жизни.

Состоялся импровизированный концерт, в котором приняла участие и администрация.

Было много полезных творческих встреч, в результате которых получена контрамарка на «Мастера и Маргариту».

Спасибо, коллеги!

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ, дежурный «дежурный администратор «Клуба ДС»

ЗАПИСКИ ЗАПИСНОЙКИ

ТЭФФИ

КАК Я ПИСАЛА РОМАН

...Мысль писать роман появилась у меня давно, лет пять тому назад. Да, собственно говоря, и не у меня, а у одной визгливой дамы.

Она долго сидела у меня, долго говорила неприятные вещи на самые разнообразные темы и, когда иссякла, ушла и, уходя, спросила:

— Отчего вы не пишете романа?

Я ничего не ответила, но в тот же вечер села за работу и написала: «Вера сидела у окна».

Лика беда начала. Потом с чувством исполненного долга я разделась и легла спать.

С тех пор прошло пять лет, во время которых мне было некогда. И вот, наконец, теперь я решила приняться за дело.

Начало моего романа мне положительно не понравилось.

За эти пять лет я стала опытнее в литературном отношении и сразу поняла, что сожать Веру у окна мне решительно невыгодно.

Раз Вера сидит у окна — это значит, изволь описывать либо сельский пейзаж, либо петербургское небо, серое, как солдатское сукно. Без этого не обойдешься, потому что как ни верти, а ведь смотрит же она на что-нибудь!

Опыт мой подсказывал мне, что гораздо спокойнее будет, если я посажу Веру куда-нибудь подальше от окна — и пейзажа не надо, даже написать: «Петр Иваныч чувствовал, как душа его медленно, но верно опускается в пятки. Сначала в правую, потом в левую. Опустилась и заселась там прочно».

В романе всего нельзя. В романе должны быть размах, ширина, мазок, амплитуда в восемьдесят градусов. Страх в романе нужно изобразить тонко, всесторонне, разобрать его психологически, физиологически, с историческим ответом, не говоря уже о стилистических деталях, характеризующих именно эту функцию души, а не какую-либо другую.

Уфф!

...Когда прошла первая неделя, я просмотрела свою рукопись. На чистом листе бумаги большого формата было написано: «Вера сидела».

За пять лет я подвинулась на одно слово назад!

Если так пойдет, то через десять лет от моего романа, пожалуй, ровно ничего не останется!

Пока, что — положу его в стол. Пусть хорошенько вылежится.

Это, говорят, помогает.

Эх, Вера, Вера! И зачем ты села!

1211 г.

Публикация В. СУРМИЛО

РОГА И КОПЫТА

• МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ

Здравствуй, дорогая редакция. Пишут тебе братья и сестры Ковровы. У нас к тебе просьба. Завтра исполняется 78 лет со дня рождения нашей мамы. Она у нас очень хорошая. Она вырастила и воспитала нас — пятерых детей. Мы ее очень любим. Теперь мы все выросли, разъехались по разным городам. Живем мы хорошо. Культурно отдыхаем. В прошлом году ездили в Крым. В этом году думаем поехать в Прибалтику. А мама остается в деревне одна. Мы ее давно не видели. Ее соседская девочка написала нам в письме, что мама стала плохо слышать и видеть. Скучает о нас. Дорогая редакция! Поздравь от нас нашу маму с днем рождения и передай ей наш музыкальный песенный привет «Поговори со мною, мама».

ПЕРЕВОДЫ ПЕРЕВОДЫ

Йордан ПОПОВ

ОТЕЛЛО

Глаза Отелло сверкнули безумной яростью. Он склонился над Дездемоной и произнес со стиснутыми зубами:

— Умри, распутница!

После чего обхватил руками ее белоснежную шею и начал душить.

В этот момент зазвонил телефон.

Отелло поколебался мгновение, потом отпустил Дездемону и поднял трубку.

— Да, я вас слушаю! — прогремел он.

— Привет, Отелло! Говорит Родриго. Приходи немедленно на пристань. Спускают на воду новый корабль и...

— Не могу! — мрачно прервал его Отелло. — Я как раз душу Дездемону.

На другом конце провода наступила короткая пауза.

— Я не хочу отрывать тебя от дела, — вновь послышался голос Родриго, — но было бы хорошо, если бы ты пришел. Люди тебя ожидают...

— Меня это не интересует, — заявил Отелло и бросил трубку на рычаг.

Обернувшись к Дездемоне, он оглядел ее, вороча белками глаз, и произнес со стиснутыми зубами:

— Умри, распутница!

И снова впился пальцами в ее белоснежную шею.

В этот момент зазвонил телефон. Отелло нервно вскочил с ложа и поднял трубку:

— Алло!

— Отелло, это ты?

— Ну, я! Кто это?

— Отелло, это я — Яго! Ты срочно нужен.

— Не могу. Я душу Дездемону.

— Отелло, послушай меня, — продолжал настаивать Яго. — Сперва дело — потом удовольствие. Речь идет о крупной сумме в бюджете...

— Не дам ни гроша... — рявкнул Отелло и швырнул трубку. — Что им от меня нужно?! Из-за них я забыл, что должен был сделать. Ах, да, Дездемона...

И он снова впился пальцами в белоснежное горло.

— Поосторожней, ты мне развалишь прическу! — прошептала она.

— Умри, распутница!

Телефон опять зазвонил. Отелло схватил трубку:

— Даааааааа!

— Привет, Отелло! Говорит Кассио. Быстренько одевайся, захвати деньги и приезжай на рынок.

— Я занят. Душу Дездемону.

— Дездемона у тебя всегда под руками, а такие потрясающие желтые фары для твоей новой «Волги» в другой раз не найдешь.

— Еду, еду! — крикнул Отелло.

Спустя минуту актеры, свободные от репетиции, видели, как Отелло выбежал из театра и понесся по улице. В средневековой одежде, с черным лицом. Благо был туристический сезон, и ко всему привыкшие прохожие не обращали на него никакого внимания.

Яго сказал:

— Когда мы звонили ему по важным делам, он был занят, а когда ему позвонили насчет автомобильных фар, он сорвался, как бешеный.

Дездемона, сбросив кипрский шелка и закурив сигарету, грустно сказала:

— И главное — забыл про Дездемону. Во времена Шекспира Отелло так не поступил бы.

И она направилась в косметический салон.

Чего, конечно, во времена Шекспира Дездемона тоже не сделала бы...

Перевел с болгарского Н. ЛАВКОВСКИЙ

ФРАЗЫ

● *Дон Кихот мог не считаться с реальностью, пока у него были рекламы.*

● *Произведения бывают трех родов: верные, неверные и нарные.*

● *Можно ли считать хорошей роман в пяти томах, если четыре из них остались непроданными?*

● *В песне должно быть все красиво: и слова, и мелодия, и решение жюри.*

● *Если так пойдет и дальше, то гимнастику будут смотреть в Большом театре, а балет в Лужниках.*

● *Тщеславный человек не в состоянии понять, что попасть в Малую Советскую Энциклопедию еще труднее, чем в Большую.*

● *Многолетний спор о том, что чему предшествует — курица яйцу или яйцо курице, — пусть перестал быть схоластическим, когда вспомнили о петухе.*

● *Меня ругают — значит, я существую.*

Гаврила УВЕКОВ

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—03330 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 352 ИНДЕКС 50067